

379.44 (с) 71 (с 135.1)

Э-21

РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ

Димитрий Эдинг

САРСКОЕ ГОРОДИЩЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
РОСТОВСКИЙ

ИЗДАНИЕ РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ

РОСТОВ ЯРОСЛАВСКИЙ

1928

379.44(с)71(с135.1)
2-21

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

*Григорова Мария
Сергеевна Павловна
Этнограф
от
автора*

РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ

902.6
721

Димитрий Эдинг

САРСКОЕ ГОРОДИЩЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
РОСТОВСКИЙ

МУЗЕЙ

ИЗДАНИЕ РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ

РОСТОВ ЯРОСЛАВСКИЙ

1928

ПРОВЕРЕНО

БИБЛИОТЕКА
И. З. № 1994

Российская Академия наук
и прилежащих учреждений
библиотека

4 902.6

Напечатано по распоряжению Ученого Совета Ростовского Государственного Музея

Книжный знак работы художника В. А. Фаворского

Главлит № А6222.

Тираж 700 экз.

Типография Иванова, г. Сергиев, Моск. губ.

Ростовский Государственный Музей
И. П. Иванов
1922

И

Приступая к опубликованию своих собраний Музей стремится выполнить задачу популяризации научных знаний в наиболее широком размере. Вместе с тем выпускаемый и готовящиеся следующие выпуски должны отразить ту исследовательскую работу, которая естественным порядком ложится на научный персонал Музея по всестороннему освещению быта, как минувших эпох, так и современности.

Работа Музея в области археологии возобновляет изучение края, произведенное более семидесяти лет тому назад по частной инициативе А. С. Уварова и прекратившееся с окончанием труда организатора („Меряне“ Труды I Археологического Съезда, т. II).

Это выступление индивидуальной воли не затронуло внимания общества, не дало толчка к развитию дальнейшей исследовательской работы, потому что несколько ничтожных по размерам и результатам раскопок, предпринятых в границах Ростовского уезда или не преследовали научных целей, или не оставили следа в литературе. Понадобился ураган революции, чтобы разрушить исконное оцепенение: как это ни странно, творческое начало, пробужденное общественным движением проявило себя даже в такой, казалось бы, далекой от современности области, как археология. Недолгое существование в Ростове Отделения Археологического Института не только раскрыло интерес широких масс населения к изучению доисторического быта, но и выделило группу активных работников, посвятивших себя собирательскому и исследовательскому труду. Эта группа, войдя частью в краеведческое общество, частью в Музей явилась живой связью между населением и научными учреждениями и надежным показателем возможности изучения края. Первый опыт,

раскопки курганов в 1922 году главным результатом имел не добытый вещественный материал, а твердое убеждение в общественном интересе к научной работе. С этой точки зрения ни учреждение, ведущее работу, ни лицо фактически ее производящее не являются в строгом смысле ее инициаторами и собственниками.

Возобновление работы в Ростовской области после того, как огромное количество археологических памятников конца первого и начала второго тысячелетий нашей эры было уничтожено массовыми раскопками гр. Уварова и Савельева, не имело реальных гарантий на успех, т. е. на открытие чего либо значительного, способного дать законченное представление о населении и культуре этого времени. Тем не менее Музей совместно с Обществом изучения местного края организовал в 1924 году раскопки Сарского городища, остатков известнейшего населенного пункта области. Результаты работ оказались таковы, что Музей нашел возможным продолжить ее во второй рабочий сезон, удаляясь от насущных задач собирания материальных памятников в сторону более широкого освещения культуры племени, обитавшего на Сарской луке до славянской колонизации. Работы второго года дали не менее интересный материал, как раскрытием сооружений, так и рядом находок, позволивших установить типичные для городища предметы. Величина успеха должна обозначиться еще резче, если принять во внимание, что более $\frac{4}{5}$ поверхности городища разрушено предшествующими работами. Конечно, дать цельное представление о культуре определенной эпохи оно не в состоянии, даже при продолжении на нем раскопок; Музей в будущем видит обязательность не только этого продолжения, но также поиски и раскопки других памятников одновременных Сарскому городищу. В настоящее же время известная законченность двухлетних работ обязывает опубликовать добытый материал, чтобы обратиться к очередной задаче, к разработке вещественных памятников более древних культур впервые обнаруженных в области.

Как указывалось выше, осуществление раскопок и доведение их до конца главным образом легло на Ростовский Государственный Музей, который в лице своего заведующего Д. А. Ушакова следил с неустанным вниманием за ходом работ, обеспечивая

решение ряда задач выдвигавшихся развитием исследования. Ростовское Научное Общество по изучению местного края проявило участие как материальной поддержкой, так и личной работой отдельных своих членов, в особенности Д. П. Селиванова. Неменьшую благодарность приносит исследователь группе студентов б. Ярославского Государственного Университета и отряду пионеров г. Ростова. В равной степени он должен отметить с признательностью—внимание и содействие, оказанное ему проф. А. А. Спицыным, пр. Ленинградского У-та П. П. Ефименко, хранителем Музея в Стокгольме Т. Арне, проф. В. К. Трутовским, пр. I М. Г. У. Б. С. Жуковым (представлением возможности обработать часть керамического материала в Исследовательском Антропологическом И-те имени Д. Н. Анучина) и пр. Ростовской школы 2-ой ступени Н. С. Цыпленковым. Из числа сотрудников Ростовского Государственного Музея особенно заметное участие в работах приняли: безвременно скончавшиеся Е. Ф. Стрижникова и С. Н. Иванов, а также Л. К. Любимов, М. В. Талицкий, В. Н. Иванов и И. Л. Сосфенов, исполнявший с'емку плана городища.

Городище на реке Саре (—Гда к устью) расположено километрах в $1\frac{1}{2}$ к ю.-з. от с. Деболы и в 15 кил. от г. Ростова в том же направлении. Оно занимает среднюю суженную часть длинного и узкого массива древних озерных и ледниковых отложений, омываемого с трех сторон рекой, которая образует здесь большую луку. Площадь городища поднимается над заливными лугами метров на 10. По направлению к оконечности луки уровень массива постепенно понижается, и склоны его становятся более пологими, чем по сторонам самого городца. Почти все пространство между городцом и линией железной дороги, ограничивающей луку с с.-в. стороны уничтожено песчаным карьером, а прилежащий к городищу остаток в сильной степени ископан крестьянами, добывавшими камень и песок, а также предшествовавшими исследователями; судя по немногочисленным останкам у краев выемки уровень этой площади, если и уступал уровню городища, то немного.

Относительно пологий юго-западный склон городца возвышается над заливным лугом метров на 10. Извитое русло реки проходит метрах в 40 и более от подошвы склона. Между последним и руслом, ближе к нему расположена цепь неглубоких котловинок—остатков прежнего русла. К склону прислонены два террасообразные выступа до 3-х метров высоты. У подошвы склона на пространстве между 2-м и 3-м валами, т. е. вдоль южного болонья идет корытообразный ров около 5 метров ширины и 1 метра глубины. С болонья от подошвы второго вала спускается по склону дорога, известная у крестьян под именем „панской“ и пересекающая этот ров по насыпи около 5,30 м. шириной. Северо-восточный склон городища отличается значительной крутизной, поднимаясь над заливным лугом более чем на 10 м., так как с этой стороны луг не имеет уклона к реке и лишь незначительно возвышается над уровнем последней. Поверхность склона покрыта неправильными выступами и промоинами. Русло реки прижимается почти к самой его подошве и только у второго вала начинает постепенно уклоняться от массива луки. С этой стороны также имеется в'езд на болонье. С с.-в. и ю.-з.

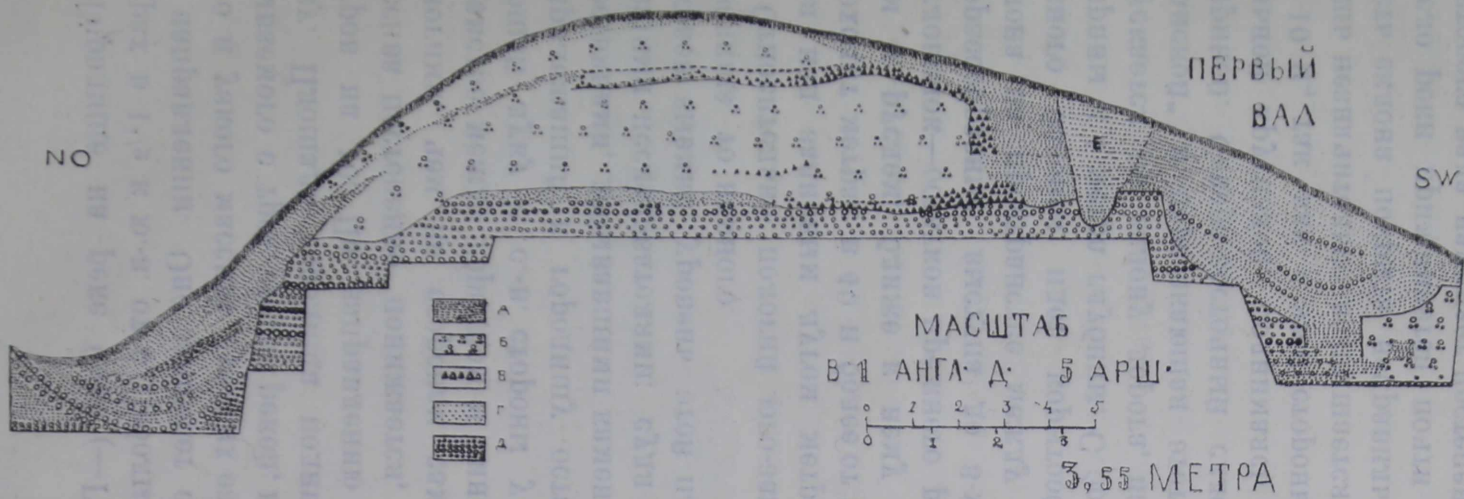

Рис. 1.

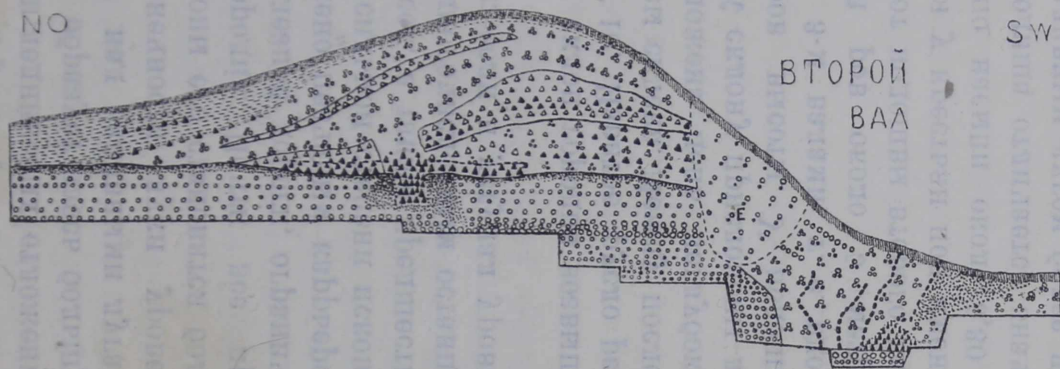

Рис. 2.

сторон площадь городища ограничена валами; первоначально их было по два с той и другой стороны, но уже в середине прошлого века Савельев не застал первого напольного вала ¹⁾, и на чертеже в исследовании А. С. Уварова „Меряне“ вал и прилежащее к нему болонье показано пунктиром ²⁾.

Площадь городца, ограниченная сохранившимися первым и вторым валами представляет из себя вытянутый прямоугольник длиной около 179 м. и шириной от 42,5 до 57,5 м. и равна, приблизительно, 8320 кв. м. Указанное пространство сплошь покрыто буграми и углублениями разных форм и размеров; глубина ям достигает в среднем 1,5—2,25 м.; промежутки между этими углублениями напоминают курганы и валы. Только небольшая полоса у западного обрыва сохранилась нетронутой; величина ее исчисляется приблизительно в 2192 кв. м. ³⁾. По всей площади городца разбросаны группы кустарников и молодых деревьев, поднимающихся даже со два старых траншей и ям. Густая заросль покрывает почти сплошь западный склон городца.

Два вала подвергавшиеся исследованию также в сильной степени изрыты поперечными и продольными ямами ⁴⁾; склон напольного вала обращенный внутрь городца отличается особенной неправильностью из-за прислоненных к нему бугров и покрывающих рытвин. Высота первого вала над уровнем почвы вне городца—до 6 м., а относительно внутренней площади—3,90 м.; длина вала около 38,5 м. и ширина—22 м.; внешний склон круче внутреннего (рис. 1). Между с.-з. концом вала и вершиной склона городца имеется неширокое пространство, м. б. и в древности, как в настоящее время, служившее для прохода в укрепленное пространство. При своей небольшой длине и значительной высоте этот вал с напольной стороны несколько напоминает курган, как его иногда и называли. Гребень второго вала возвышается над площадью городца на 1,60 м., а над болоньем—на 3,90 м.; длина его равна 51 м., а ширина—15,3 м., внутренний склон относительно полог, внешний—крут (рис. 2). В упомянутой выше работе Уварова (стр. 664) на профиле городища показан ров, которого сейчас совершенно незаметно, из чего следует, что разрушение болонья происходило после середины XIX века; однако можно предположить и ошибку чертежника, так как ров за третьим валом, единственный уцелевший до последнего

времени,—им не отмечен. Там же на плане городища во втором и третьем валах показаны перерывы, как бы проезды; в действительности они не выражены так резко и мало отличаются от старых траншей, почему без предварительных раскопок судить об их происхождении можно лишь предположительно.

Северо-восточное болонье, как указано выше, в сильной степени изрыто; шурфовка на одном бугре открыла остатки культурного слоя с керамикой подобной той, которая была найдена на самом городище. Юго-западное болонье также в значительной мере потеряло свой первоначальный рельеф благодаря разрушительной деятельности людей; раскопками установлено присутствие отдельных остатков культурного слоя; по рассказам крестьян здесь находились погребения под могильными плитами с надписями „на неизвестном языке“.

Относительно хорошая сохранность третьего вала в связи с большими размерами придают ему наиболее внушительный вид;

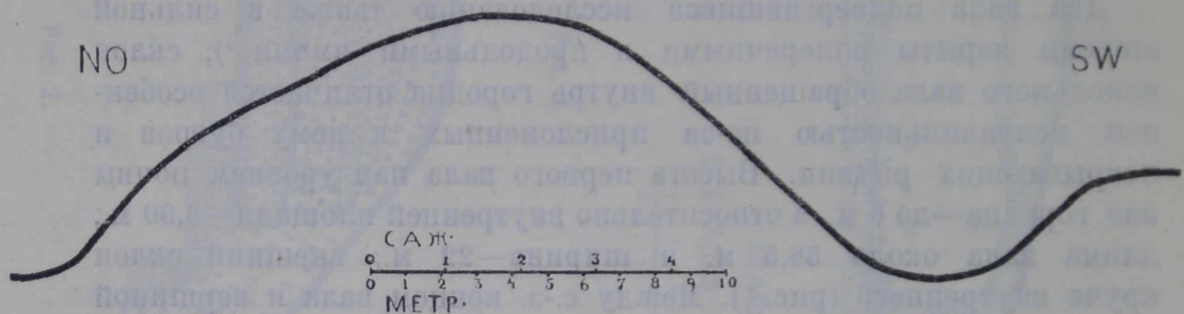

Рис. 3.

длина его 70,5 м.; ширина его от внутренней подошвы до дна внешнего рва 23,5 м., и высота над той же внутренней подошвой 7,1 м.; ров с внешней стороны имеет глубину 2,85 м. и ширину 10 м. (рис. 3). Кроме упомянутой выше впадины в верхней части вала он, видимо, не имеет крупных повреждений; в большей степени потерял правильность очертаний ров; что касается части луки лежащей за этой последней защитной линией,—она покрыта кустарниковой и древесной порослью, и разработка выемками для добычи камня и песка не производилась в значительных размерах.

Несмотря на свои небольшие размеры городище издали

бросается в глаза благодаря валам, крутые очертания которых не согласуются со спокойными линиями окружающего пейзажа. С самого городца открывается широкий вид во все стороны на извивающуюся по лугам светлую ленту реки, спускающиеся к ней полосы полей, отдельные небольшие рощи и ряд сел, разбросанных по всему горизонту. В прежние времена городок служил местом гулянья, отчего и назывался „Гульбищем“⁵⁾. Внимание населения к нему выразилось и в создании преданий. Собранные А. А. Титовым⁶⁾ однако лишь в малой степени могут быть названы народными и носят скорее книжный характер. М. п. из не указанного автором источника приводится сведение, что у городка стояло капище Велеса, и в связи с множеством стекавших сюда молящихся, пункт имел важное торговое значение. Другое предание говорит о „панах“—богатырях, живших на городце и перекидывавших камни, топоры и плахи на другой городец—Акуловский—более чем за 20 верст; предположение А. А. Титова об иносказательном представлении борьбы одного племени с другим вряд ли имеет под собой твердую почву хотя бы потому, что подобные предания распространены по всему Союзу Республик, относятся к городцам различных эпох и народов и являются скорей всего позднейшим измышлением. Еще более сомнительно аллегорическое значение придаваемое автором деболговскому преданию о том, как простая деревенская женщина из этого села ослепила горячим киселем последнего „пана“ и как его доканали женщины и ребята. До сих пор крестьяне твердо уверены, что на городище зарыт „золотой конь“, а на небольшом островке—колокол с бывшего некогда на городке монастыря; оба эти сведения записаны в цитируемой книге Титова, которая пользуется широкой известностью среди населения и на которую ссылаются, как на неоспоримый авторитет.

Наибольшее значение имеет летописное свидетельство упоминающее Сарское городище под 1216 годом; Мстислав с новгородцами „подоша к Волзе в низ, и возы пометавше, подоша на коних к Переяславлю воюючи. И быша на Городищи, на реце, на Саре у святей Марии, Априля 9, на Велик день; и ту прииде к ним князь Костянтин с Ростовци, и возрадовашася видевшеся и крест целоваша“⁷⁾. Кроме этого в „Ростовском Летописце“

Артынова ⁸⁾ есть указание на то, что 20 ноября 1380 года „в городке на Саре реце“ собрался съезд Ростовских князей для обсуждения условий жизни своих уделов и выбора Ростовского епископа (ч. II, стр. 120 сл.). Относительно недавнее происхождение рукописи и результаты раскопок не внушают однако безусловного доверия этому сообщению. Важно заметить, что по словам А. А. Титова ⁹⁾ на этой же реке Саре верстах в 20 по прямому направлению от городца бл. села Краснораменья есть гора известная под именем „горы св. Марии“; по преданию здесь был монастырь св. Марии Магдалины кем-то разрушенный; будто-бы и теперь видны остатки построек и следы курганов; под горой, на берегу Сары неглубокий колодец по преданию образовавшийся при падении монастырского колокола во время пожара. Указание на два монастыря в честь одной и той же святой и на расстоянии 20 верст один от другого, тождественность эпизода с колоколом единственно удержанного народной памятью говорят скорее всего за то, что предание расплыло ничтожные по объему сведения на два пункта побережья р. Сары. Наш личный осмотр горы св. Марии не открыл на ней никаких земляных сооружений и остатков построек; правда, со времени посещения места А. А. Титовым гора покрылась густой чащей деревьев и кустарников; один из местных жителей с трудом нашел несколько бугорков, где, по его словам, А. А. Титов открыл погребения. Оставаясь, конечно, в области гипотез мы должны приурочить древний монастырь к окрестностям с. Краснораменья, где предание теснее связано с местностью. Отрицательные данные раскопок на Сарском городце не могут обосновать это предположение, т. к. площадь городища настолько разрушена, что вероятность найти остатки монастыря — самая ничтожная; кроме того он мог состоять из нескольких небольших деревянных строений ¹⁰⁾.

Впервые городище подверглось раскопкам в 1854 году. Помощник Уварова П. С. Савельев провел здесь 13 „канав“ и разрыл 4 „кургана“; все эти раскопы отмечены на плане городища ¹¹⁾. Работа сосредоточилась в самом центре городка и на двух первых валах. Описание раскопок, видимо, не сохранилось, кроме слов П. С. Савельева, приводимых А. С. Уваровым: „Где ни копали, оказывались вещи“ ¹²⁾, и следующих строк:

„12. Жженые кости, в них серебряная монета (аббасидская) халифа Мутевскиля 240 года или 854 по Р. Х., сердоликовая граненая буса; два ножа; наконечник стрелы или метательного копья. 6. Канава в северо-восточном валу. Жженые кости и угли, в них серебряные монеты: 7 целых и 50 рубленых на половинки и четвертинки (Сассанидские, Тиберистанские и Халифские) бронзовая привеска в виде конька с привешенными треугольными бляхами; бронзовый массивный браслет с чеканным узором, большие бронзовые проволочные кольца (восемь цельных и несколько сломанных), бусы, бронзовые привески поясные. 8. Канава в середине центральной возвышенности. Два ножа, наконечник стрелы, большое проволочное кольцо и около этого места Туркестанская монета XI века, битая в Бухаре“¹³⁾ (цифры: 12, 6 и 8.—№№ раскопов на плане). Из других вещей с городища в труде Уварова отмечены только шумящие привески в виде коньков и пр. с пластинками и бубенчиками, монеты и 4 предмета: гривна пластинчатая двускатная с петлей в виде головки животного, бронзовая; обломки гривны из свернутой в трубку тонкой бронзовой пластинки, железный наконечник ножен меча ажурный с силуэтной фигурой орла типа римских значков и обломок другого наконечника ножен с остатком крещатого прорезного узора¹⁴⁾. Остальные вещи с городца (их было, очевидно, немало) смешались в общую массу огромного материала, собранного раскопками Савельева и Уварова на пространстве 2-х губерний. В атласе к „Мерянам“ на табл. XXVI рис. 1 изображен один из двух остродонных сосудиков, найденных на городище. В тексте (стр. 118 и 119) как находки на Сарском городище описаны железные орудия вроде гарпунов и „какая-то круглая костяшка с резными концентрическими кругами, по середине его и по краю дыры“. Как указано выше раскопки П. С. Савельева захватили 4 „кургана“; об этом сказано только: „В курганах остовы были в беспорядке“¹⁵⁾. Результаты раскопок позволили Уварову установить глубокую древность городца и дали основание видеть кроме мерянского населения и норманское.

Раскопки А. А. Титова дали ничтожные результаты. Работа была начата в районе между железно-дорожной будкой и напольным валом, т. е. на пространстве с.-в. болонья и м. б. вне его;

что представляла в то время эта площадь—неизвестно; основываясь на рассказах крестьян, говоривших А. А. Титову, что при прокладке линии железной дороги вблизи городца были обнаружены „во множестве человеческие кости, черепа и с ними разные вещи“¹⁶⁾—можно предположить, что дорога и ее карьер уничтожили значительную группу курганов, или, даже, могильник. 7 „холмиков“ раскопанных А. А. Титовым северо-восточнее напольного вала не могут рассматриваться как курганы, хотя бы потому, что найденные предметы в них ограничились камнем, похожим на каменное орудие, несколькими черепками и обломками костей животных; очевидно речь здесь идет об остатках культурного слоя, сохранившегося в верхней части бугров между большими выемками для добывания песка и камней. Раскопки „ближнего возвышения“, т. е. напольного вала вблизи траншеи П. С. Савельева открыли на глубине 0,71 м. от гребня слой угля и кости лошади, а на глубине 1,5 м.—обожженные камни, золу и человеческие кости, т. е. дали картину в общем совпадающую с полученной нами при раскопках этой же насыпи. Перейдя на площадь городища А. А. Титов разрыл у подошвы этого же вала „небольшой курган“ до 1,5 м. высоты, причем в самой верхней части был обнаружен сломанный медный крест, а несколько глубже—монета Дмитрия Самозванца и „картечь“; уйдя на 1 м. ниже горизонта, работавшие ничего кроме костей животных не нашли; несомненно и в этом случае был разрыт не курган, а один из многочисленных бугров, м. б., очень позднего происхождения; судя по плану, составленному А. А. Титовым это возвышение примыкает к ю.-в. части вала. Затем исследователь направил свои поиски на площадь „между средними и дальними возвышенностями“, т. е. на ю.-з. болонье; здесь на правом скате в углублении, сделанном крестьянами для выемки камня удалось отметить человеческие кости, черепки, ножик, подвеску в форме полумесяца с ушком, медную пластинку, золу и пепел; кроме того на этом же месте, в 10 м. от выемки при раскопке возвышения, имевшего форму половины кургана на глубине 0,36 м. было обнаружено несколько костяков без черепов в неправильных положениях (один с ориентировкой головой на с.-з.); под ними—уголь, зола гнилое дерево и черепки; при костяках оказались: браслет витой бронзовый, буса, пла-

стинка железная (м. б. наконечник копья или стрелы), украшение бронзовое „м. б. от шлема“ и гвоздь; в соседнем „кургане“ (во 2-м валу?) на глубине 0,36 м. обнаружена железная изгарь кусками и черепки; ниже—слой угля с человеческими костями: тут же найден был браслет бронзовый пластинчатый с орнаментом треугольниками и подвеска в виде подковы, украшенная точками и имевшая привеску—костяную гирьку; кроме того в выкиде найдены „остатки каменных орудий и кольцо“. Продолжение раскопок А. А. Титова захватило вновь „курган“, где на глубине 0,36 м. были добыты „2 каменных орудия“, „каменный шарик несколько изломанный со вложенным в него ядром и еще одно такое же ядро; затем в разных местах камни вроде „сапожков“, железная бляха и железное кольцо. Раскопка в „дальнем кургане“ (в третьем валу?) дала длинный кинжал, имевший „форму штыка“, черепки, слой угля, железную изгарь, обломки костей, бусы, медную привеску в виде звездочки „каменный черепок с дирочкой“, несколько обделанных камней и железку¹⁷⁾. Разбирая приведенные только что данные о раскопках второго и третьего вала и болонья между ними естественнее всего остановиться на мысли, что и здесь А. А. Титов имел дело с культурным слоем и углистыми прослойками, входившими в состав насыпей или приуроченными к „останцам“ на болонье: находки самых разнообразных предметов, не всегда понятных из-за характера описания, отмечаются на глубине около 0,36 м. и связаны со слоем угля, большим количеством черепков и обломками костей; некоторое сомнение возбуждают многочисленные находки отдельных человеческих костей. Раскопки А. А. Титова не дали ничего для характеристики городища, а вещи добытые им утрачены.

В 1903 году произвел раскопки на городище известный художник Н. К. Рерих. Единственный след этой работы в печати—несколько строк А. А. Спицына, отмечающего среди найденных предметов обломки фибулы, железную обоймицу, костяной гребень, оселок, огниво и черепки; находки, по А. А. Спицыну, датируют городище X веком; нужно отметить и высказанное автором предположение, что городок этот—или первоначальное место Ростова, или одно из русских укреплений¹⁸⁾. Вещи из раскопок Н. К. Рериха хранятся в Музее Русского Археологического О-ва в Ленинграде.

Избрав Сарское городище местом систематических раскопок мы имели в виду открыть вещественный материал для характеристики быта одного из немногих защищенных древних поселений Ростовской земли, где должны были отразиться все стороны областной культуры, иными словами, если не решить „мерянский вопрос“, то приблизить его решение путем анализа комплекса добытого на городке материала.

Раскопки велись траншеями ширина которых обычно устанавливалась в 2,85 м., а как исключение—2,1 и 3,55 м. Длина их в сильной степени зависела от условий сохранности каждого отдельного участка обследуемого траншеей и в меньшей степени (в первый год работ) — от количества работающих, которое постоянно менялось. От проведения двух традиционных перекрещивающихся площадь траншей пришлось отказаться с самого начала, ввиду несомненной бесплодности труда перерывания старых выкидов и углубления в почву, лишенную культурного слоя; прилагаемый схематический план городища лишь в некоторой степени дает представление о величине разрушения культурного слоя. Траншеи, проведенные в числе восемнадцати, закладывались как на нетронутой полосе, так частью и на площади подвергавшейся уже раскопкам в целях контроля; значительно уступая первым в отношении количества найденных памятников, они открыли две поврежденные землянки и дали одну чрезвычайно интересную находку; в одной из этих траншей, кроме того, обнаружилась картина деформации отложений, объяснить которую пока можно лишь как результат земляных работ крестьян¹⁹⁾. Общая площадь, раскрытая двухгодичными раскопками, несколько превышает 660 кв. метров.

Культурный слой на городище залегает непосредственно под дерном и имеет мощность от 0,36 до 0,71 м. в зависимости от характера древнего и современного микрорельефа; средней толщиной его надо принять 0,48 м. Нередко в соседстве с прежде раскопанными участками он прикрыт старым выкидом — песком грязноватого цвета; траншея проведенная на ровном месте вскрывала иногда ряд сливающихся друг с другом бугров, в которых грязноватый песок располагался неправильно падающими слоями разделенными прослойками галек и линзами углистой земли культурного слоя, утолщавшимися к основанию бугров; что

Подобная слоистость характерна для уже переброшенной почвы и разрушенного культурного слоя доказано во-первых проверкой сделанной над только что выброшенной из траншеи землей, во-вторых отсутствием культурного слоя и грязным цветом песка и в третьих почти полным отсутствием находок в описываемых отложениях ²⁰⁾ Для ненарушенного культурного слоя достаточно характерным было скопление щебня, целых валунов и крупных осколков, нередко покрытых слоем копоти или приобретших структуру „гнилого камня“ — рассыпавшихся в древесу. Это скопление в виде сплошного покрова начиналось сейчас-же под дерном и шло до глубины нескольких вершков, что, очевидно, дало повод П. В. Хлебникову в своей рукописной „Истории Ростова Великого“ говорить о сплошной булыжной мостовой на городище ²¹⁾; плотность этого щебневого слоя настолько велика, что разработка его местами почти невозможна.

Отмечая значительное количество щебня в культурном слое с Воскресенья Тутаевского у Ярославской губернии А. А. Спицын предполагает, что раздробление валунов на щебень было вызвано действием сильного огня; отсутствие очагов на городище и большое количество пепла наводят уважаемого исследователя на мысль, что этот огонь не обусловлен повседневным домашним бытом, а был связан с жертвоприношениями или сожжением трупов ²²⁾. Полная аналогия между этим городищем и Сарским невозможна в виду находок на последнем более поздних культур; образование же щебневого слоя покрывающего все сохранившиеся памятники, следует отнести к более позднему времени, чем эпоха обитания городища. С нашей точки зрения главную роль в образовании щебневого покрова играли процессы смыва и выдувания. Если в начальный период заустения городка внешние условия не отличались от современных, — хотя бы в отношении силы и постоянства ветров, — покрывавшая его почва, мелкие твердые продукты разложения органических веществ, зола и уголь должны были из столетия в столетие в значительной степени выдуться ветром и смываться дождем и талой водой на склоны; валуны же и щебень (образовавшийся некогда от разрушения первых в очагах, каменках и горнах), равномерно рассеянные в толще культурного слоя, оставаясь на месте, как бы оседали вниз, пока не сплотились в достаточно непрони-

цаемый панцырь, над нижележащими остатками культурного слоя.

Культурный слой в сыром состоянии имеет почти черный цвет, при высыхании буреет и легко рассыпается; нижняя его граница с подстилающим песком — нерезкая. За все время производства работ на площади городца в ненарушенном культурном слое ни разу не были замечены прослойки или иные включения, делившие его толщу на части; поэтому раскопки 1924—25 г.г. не дали замкнутых комплексов отдельных культур и твердой базы для датировки предметов, особенно из числа редко находимых.

Одним из существенных моментов в раскопках городищ является открытие остатков сооружений и, главным образом, — назначавшихся для обитания; поскольку наши работы на нетронутом культурном слое шли в краевой зоне, где шансы найти остатки жилья ничтожны, или в центральной части площади, где от древних напластований сохранились отдельные клочки — результаты могут быть названы удачными. В седьмой траншее были открыты в средней части культурного слоя два очага сложенные из валунов и имевшие в плане очертания буквы П, причем средняя полоса валунов, соединявшая две параллельные боковые — была несколько шире последних; средняя полоса камней, имела 1,60 м. длины и ширины в одном случае — 0,36 м., в другом — 0,48 м.; перпендикулярные концы ее выступали, несколько круглясь, под прямым углом и имели длину около 0,52 м. Очаги были сложены в период образования культурного слоя, частью служившего им основанием, но найденные в одном из них угли и зола лежали как бы в ямке, у границы с материковым песком. Обычное скопление кухонных остатков в виде костей животных, рыбьей чешуи и черепков не обнаружено. Обследование рельефа песчаной поверхности под культурным слоем вокруг очагов не открыло никакого углубления, напоминающего основание землянки; предполагать же, что оно было вырыто только в культурном слое вряд ли возможно из-за его небольшой мощности ²³). Третий очаг, открытый в 9-й траншее, представлял в плане фигуру подобную букве Г с округленным углом; ширина грядки валунов 0,48 м., длина более высокого рукава 1,73 м., более низкого — 1,60 м.; высота грядки 0,22—0,36 м.,

с внешней стороны низкой части в песке овальная ямка $0,67 \times 0,84$ м., глубиной — $0,18—0,22$ м., в которой, как и вблизи очага, оказались немногочисленные черепки и обломки костей ²⁴). Четвертый случай открытия очага ²⁵) также не дал точных указаний о типе жилища. Очаг этот был обнаружен на глубине более 1,5 м. в траншее проложенной по перекопанному уже месту и прорезавшей как перемешанную, и сгруженную предшествовавшими исследователями землю, так и небольшие нетронутые участки; кроме того, не лишено вероятности предположение, что вблизи траншеи произошел некогда обвал одной из шахт и штольни, делавшихся крестьянами для добычи камня.

Очаг состоял из неправильно прямоугольной площадки $0,89 \times 1,07$ м., сложенной в основании из валунов до 30 килогр. весом; верхняя часть образована более мелкими, а все промежутки заполнены крупной галькой; от углов одной широкой стороны площадки пер-

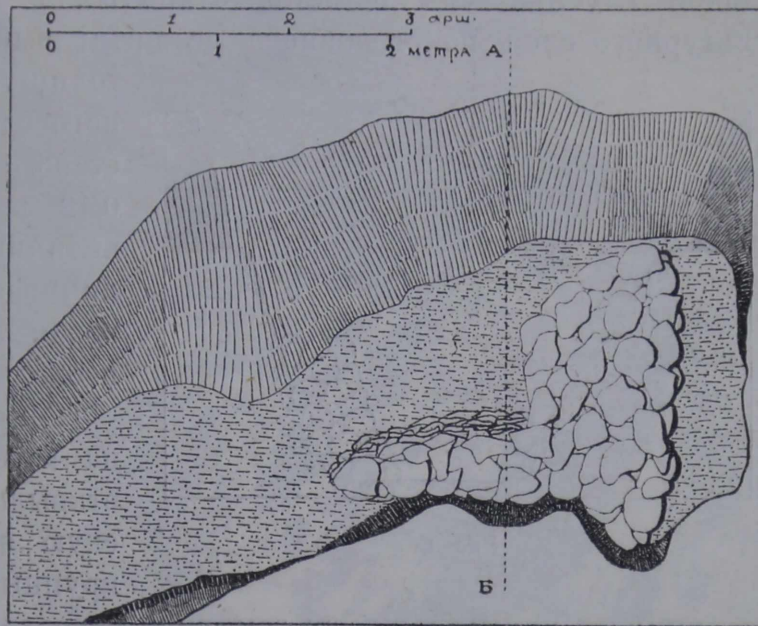

Рис. 4.

пендикулярно к ней тянулись два ряда валунов длиной 1,08 м. и 0,62 м.; углубленность его относительно общего уровня площади городка позволяет предполагать, что сложен он был в землянке. Более определенные данные получены в четырнадцатой траншее; здесь на небольшом нетронутом участке удалось открыть яму землянки лишь частично поврежденную погребением, уничтожившим одну из поперечных стенок и м. б. вход. В плане (рис. 4) яма имела приблизительно прямоугольные очертания $3,55 \times 3,55$; глубина ее, не считая культурного слоя, — 1,42 м.; в

одном углу находился очаг, сложенный из валунов и имевший форму буквы Г; ширина одного рукава достигала 1,07 м., другого — 0,31 м., длина каждого — около 1,77 м. и высота 0,89 м. (рис. 5); он был прислонен к одной из стенок, благодаря чему последняя сохранила хорошо свой первоначальный уклон; противоположная — видимо сильнее осыпалась; это ясно на разрезе (рис. 6), где показана ширина современного дна ямы: восстанавливая графически эту стенку получим максимальную ширину дна ямы в 2,61 м. Насколько изменилась длина ямы, — сказать трудно; во всяком случае одна из сохранившихся поперечных стенок была относительно крутая. Точно также вопрос о действительной глубине ямы остается открытым в виду разрушения культурного слоя покрывавшего ее края; выключая из общей

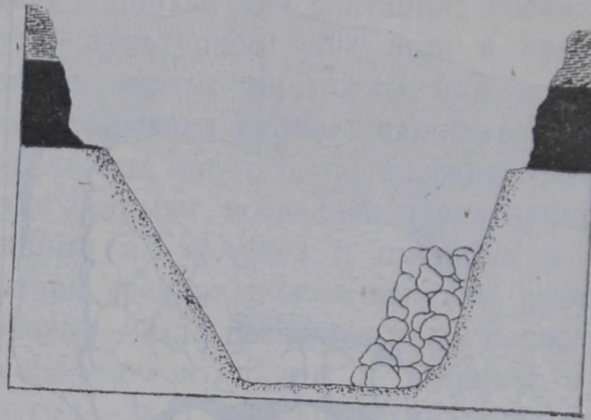

Рис. 6.

толщи почвенно-культурного слоя только 0,36 м. старого выкида получаем 0,48 м., как наибольшую величину, на которую увеличивается полутораметровая глубина выемки в песке.

Семнадцатая траншея на юго-западном болонье открыла удлиненную плоскую яму с отдельными крупными валунами (см.

Дневник); ее принадлежность землянке вероятно, но недостоверна. Разрушающее действие смены температур на валуны очагов вызвало или распад их на кристаллы породообразующих минералов, или раскалывание на куски; первое преимущественно наблюдалось на мелких и средних камнях, второе — на самых крупных 30-ти килогр. валунах, производивших в момент раскрытия впечатление совершенно целых.

Кроме этих очагов в различных траншеях были открыты следы небольших костров, представлявших ярко-черные углистые скопления подстилавшиеся песком оранжево-красного цвета.

Проведения двух траншей через оба первые вала, конечно, недостаточно для установления всех деталей их сооружения;

Рис 5.

естественно признать, что они были насыпаны при возникновении поселка, так как углистый культурный слой под ним отсутствует. Разница в приеме насыпки обоих валов заключается в том, что в первом основной массив образован грядой материка, по обе стороны которой земля была снята для повышения вала (рис. 1); второй же вал—с самого основания насыпной, причем предварительно по его оси была прокопана в материке узкая канава. Материалом для валов послужил супесок различной степени жесткости и оттенков (Б на рис. 1 и 2), а также углистая почва с площади городища (А там-же); первая порода располагается в насыпи то в виде выгнутых кверху линз, то кучами, то неправильными грудками; особенно ясно выражено это во втором валу (рис. 2). Кроме того, в толще валов были встречены многочисленные углистые и золистые прослойки от 0,015 до 0,71 м, то имевшие характер следов сожженного на месте костра с остатками крупных углей, то в виде тонких однородно-окрашенных в светло-серый цвет полос (В там же). Особняком стоят встреченные в обоих валах, настилы из пережженных в уголь бревен или плах. В первом валу он залегает на высоте 2,85 м. от современного уровня площади городища; по зачистке дна траншеи вся полоса перегоревшего дерева шириной в 4,25 м., проходящая под гребнем вала, оказалась пластом черно-уголистого цвета прерывисто покрывавшим дно траншеи и имевшим мощность 0,11—0,26 м.; при разборке кострища в одной половине траншеи были обнаружены распавшиеся на крупные угли-чурки пережженные бревна или плахи, лежавшие поперек оси вала; в другой половине траншеи подобного расположения крупных углей отметить не удалось, но у самой стенки был открыт остаток перегоревшего бревна до 0,26 м. в поперечнике и длиной 0,89 м., лежавший в том же направлении. На материке также оказался слой пережженных бревен, но расположенных параллельно оси вала; ширина этого слоя около 2,15 м.; к нему примыкала полоса угля меньшей мощности и такой же ширины.

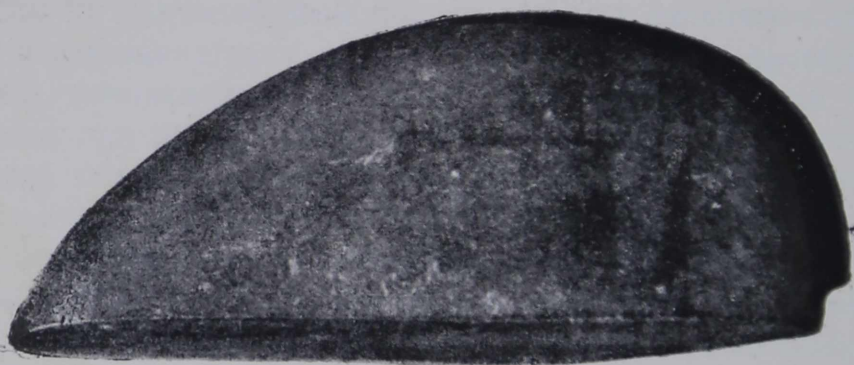
Во втором валу аналогичные остатки найдены ниже современного уровня городища на 0,71 м., на уровне нижней границы культурного слоя; остатки настила тянутся в виде полосы 3,55 м. ширины и расположены под внутренним склоном вала (рис. 2 В); кроме того, части бревен, также перегоревших, встре-

чены в двух местах приблизительно на том же уровне, но ближе к подошве. Разборка угольной полосы выяснила, что границы ее образованы двумя перегоревшими бревнами, лежавшими параллельно оси вала; пространство заключенное между ними заполнено крупными углями; их расположение говорит за то, что горевшие бревна лежали параллельно только что упомянутым двум крайним, но установить непрерывные полосы углей не удалось. Остатки этой же прослойки жженого дерева были открыты в другой траншее у противоположного конца вала ²⁶). Насколько можно судить по углям, горели сосна, береза и липа. Остановливая внимание на этих „настилах“, залежавших в основании обоих валов, следует сопоставить их с наиболее близкими сооружениями. Раскопки Гнездовского могильника С. И. Сергеевым затронули одно из тамошних городищ, где в основании вала исследователь открыл „огнище шириной в 2 сажени с остатками толстых бревен“ ²⁷); к сожалению, этими словами исчерпывается указание на интересующий нас пункт раскопок. Еще меньше внимания было уделено валу городища у истоков р. Мсты из Мстина озера; там, сперва при раскопках любительских, а позже— И. А. Тихомирова были открыты на одном конце насыпи бревна „как будто-б срубленные углом“, угли, зола, а в противоположном — „под подошвой тонкий угольный слой“; бревна определены, как черный пол стоявшего вблизи вала строения с уцелевшей глиняной смазкой, а угли — как гнилушки от этого же строения ²⁸); каким образом пол от недавно стоявшего строения попал в основание вала, да еще на значительном протяжении— осталось невыясненным. Гораздо более определенные данные получены при раскопках А. А. Спицыным в 1903 году городища „Дьякова типа“ у с. Воскресенья Тутаевского у. Ярославск. губ. при впадении р. Сонохты в Волгу. Из описания этих раскопок видно, что городище отделялось от napольной стороны двумя валами и рвом между ними; разрез вала открыл в основании его углистый пласт менее 0,18 м. мощности, который покрывался чистым песком, выброшенным из рва с одной стороны и углистой землей поверхности городца—с другой; последняя насыпка перекрыла песок взятый при рытье рва; спустя некоторое время вал был вновь повышен, но судя по разрезу больше за счет углубления рва, чем чисткой площади городища ²⁹). Еще

Табл. I.

1

2

большее значение имеют раскопки А. В. Тищенко на Ловницком городище Валдайского уезда; исследователь сделал разрез всех трех валов отделявших городец с поля и выяснил, что наиболее сложный внешний вал насыпался песком из небольшого рва и землей взятой откуда-то со стороны; затем дважды его увеличивали надсыпкой, причем каждый раз предварительно покрывали насыпь сплошь по длине сосновыми обожженными бревнами до 0,22 м. в диаметре для предупреждения осыпания, по мнению автора; оба раза присыпка делалась культурным слоем, причем первая отличалась более светлым цветом почвы и большим количеством угольков, чем вторая; на этом основании А. В. Тищенко установил, что оба повышения насыпи разделены значительным промежутком времени, за которое в культурном слое городища не только увеличилось количество угля, но разрушение его окрасило культурный слой в более интенсивный цвет³⁰).

Приведенные данные о характере валов древнейших городищ области позволяют установить, что сожжение деревянного настила иногда совершалось до сооружения насыпи, как и на Сарском городище, иногда же — при повышении валов; какая цель преследовалась в первом случае — сказать, конечно, трудно; практиковавшееся во многих городищах „Дьякова типа“ обжигание глиняных валов для придания им прочности в данном случае не имело смысла, т. к. насыпи Сарского городца сооружены из супесчаной богатой галькой породы одинаково рыхлой, как вблизи кострища, так и вне сферы влияния высокой температуры горевших бревен; если исключить возможность какого нибудь обряда при насыпании валов, можно предположить, что деревья положенные в основании их, росли на месте предназначенном для защитного сооружения и были пущены в дело без всякого особого значения; обжиганием их уничтожались ветви, мешавшие насыпке земли и задерживалось гниение стволов.

Возвращаясь к валам Сарского городища следует отметить некоторые детали открытые раскопками и отмеченные на чертежах. Угольные скопления под внутренней полкой первого вала можно предположительно объяснить как остаток тына по гребню вала или бревенчатой стенки удерживавшей насыпь от оползания, а заполненную углем канаву в материке под вторым валом принять за указание на существование тына, предшествовавшего

по времени вала; когда обе эти городьбы изветшали, или были полуразрушены, первый вал был увеличен насыпкой, а на месте тына насыпан второй вал; отсутствие ясно выраженного культурного слоя вблизи канавы говорит за небольшой промежуток времени протекший со времени возникновения поселка до постановки тына и насыпки второго вала. Происхождение наклоненных наружу под различными углами тонких золисто-углистых прослоек во внешнем склоне второго вала (рис. 2 справа) может быть объяснено тем, что они образовались в результате обжигания плетней, сдерживавших насыпь от оползания в сторону рва; наклон полос явился следствием медленного оседания песчанистого вала из-за значительной крутизны склона; некоторые из таких полос прослежены непрерывно в обеих стенках и поперек дна траншеи; в одном случае почва по сторонам этой золистой полосы резко разнилась по цвету и количеству валунов. В вершине насыпи второго вала на глубине 0,48 м. от гребня траншея открыла плоскую грудку камней достигавших 0,36 м. в поперечнике и залежавших в верхней части линзы светлого песка под культурным слоем; площадь покрытая камнями имела форму трапеции с основаниями в 0,71 м. и 0,97 м. и высотой 0,80 м. На том же уровне впереди валунов были открыты крупные куски пережженного дерева, принятые сперва за остатки столбов стоявших наклонно; высота их по расчистке оказалась однако ничтожной. Под кучей валунов в светлом песке также обнаружались угли. Наиболее вероятным объяснением находки камней и пережженного дерева является допущение, что камни служили опорой для одного из столбов тына на гребне вала, а обожженное дерево—остатки самой ограды.

Итак, сопоставляя данные литературных источников и добытые раскопками можно признать, что в самом начале обитания городища был сооружен первый вал для защиты наиболее слабой линии—со стороны поля; со стороны вершины луки был срублен тын, который вероятно шел и вдоль обрывов и по гребню первого вала. Спустя относительно небольшой промежуток времени тын огораживавший площадь городища от вершины луки был заменен валом (вторым), причем, как и при насыпке первого вала, в основание его были положены сплошной полосой бревна или плахи и обожжены. Оба вала были повышены скорей всего

по одному разу; в первом валу сохранился угольный слой говорящий об обжиге перед насыпкой; земля бралась для первого вала преимущественно с площади городища, а для второго—из рва ³¹⁾. Третьим валом, как и уничтоженным в настоящее время внешним напольным, городище было укреплено, вероятно, позднее; окончательный хотя и неполный, ответ дадут раскопки третьего вала.

Другой вид защитного сооружения был открыт по ю.-в. краю болонья двенадцатой и семнадцатой траншеями. Как было уже отмечено, уровень покрытого буграми и ямами болонья в общем ниже площади городища почти на два метра; к ю.-в. склону он несколько повышается, образуя как бы гряду тянущуюся по краю склона между концами второго и третьего валов. Траншея, прорезавшая эту гряду вдоль, открыла две целых и часть третьей груды насыпной земли (рис. 7, также А на рис. 8);

МАСШТАБ: В 1 АНГЛ. Д. 5 АРШ. = 3,55 М.

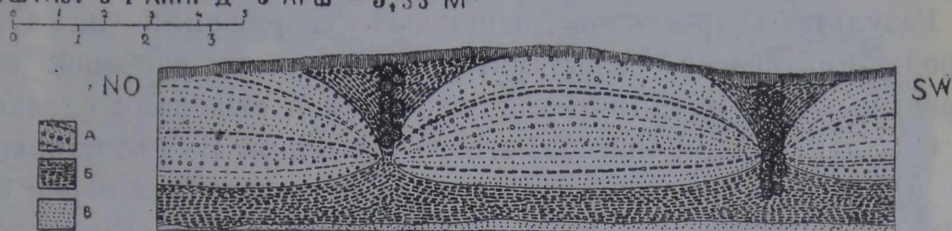

Рис. 8.

каждая гряда слагалась из покрывавших друг друга выпуклых кверху линз углисто-гумусовой почвы различной силы окраски. Основанием им служил мощный пласт культурного слоя густо-темного цвета (Б на рис. 8) своей плотностью, говоривший за естественность скопления. Слоистые насыпные бугры разделялись между собой стенками из обгоревших тонких бревен остатки которых имеют 0,09—0,13 м. в поперечнике. Как показывает разрез (рис. 8) бревна слагались в парные стенки с промежутками около 0,10 м. Объяснить это сооружение можно приняв во внимание легкость подступа на болонье с ю.-в. стороны, где склон не отличается ни высотой, ни крутостью; выше было указано, что у подошвы склона на пространстве между вторым и третьим валами был прокопан ров (теперь залывший); на самом болонье, параллельно его краю укрепление видимо состояло из ряда

пригнанных друг к другу срубов, насыпанных землей—культурным слоем; ширина срубов равнялась 5—5,30 м. Для того, чтобы установить их длину была проведена семнадцатая траншея перпендикулярно к двенадцатой и сделан прирезок по другую сторону ее. Этими выемками определилась наибольшая длина бревен (считая и концы их разложившиеся в угольный порошок) в 8,50 м.; поперечных стенок открыто не было; лишь однажды, на стороне обращенной к обрыву от конца бревна в перпендикулярном направлении к нему обозначилась углистая полоса, а несколько ниже, у границы с материковым песком, наметилась вторая полоса иструхшего и обгоревшего дерева. Такое почти полное исчезновение поперечных стенок легко объясняется их непрочностью: отдельные брусья ветшая, под давлением насыпанной в срубы земли должны были вываливаться со своих мест и рассыпаться по склону; сохранились только следы нижней части срубов, придавленных высыпавшейся из них землей.

Результаты раскопок защитных сооружений на Сарском городке интересно сопоставить с описанием раскопок вала в Юрьевском у. Владимирской губернии и выводами сделанными А. С. Уваровым о способе его сооружения. Вал этот находится бл. Юрьева в урочище „Липицы“ и сооружен был перед битвой 1216 года; насыпь 2,8—3,5 м. высоты имела в основании толстые поперечные бревна: „над ними в одном месте сохранились еще следы сруба в три бревна, сложенные в длину один над другим. Каждые 6,4 м. толстые бревна расположенные поперек или внутрь вала служили точкою опоры для сруба. Кроме того все эти бревна сплетены были крепко между собой, но гнилое состояние самих бревен объясняет нам отсутствие этого плетения, о котором говорит летопись“³²⁾; здесь автор подразумевает цитированную им несколько выше фразу летописца: „Твердь бяше бо плетением оплетено то место и насовано колья“³³⁾. Истолкование даваемое этим словам гр. А. С. Уваровым—связывание плетнем бревен не подтверждается даже его собственными раскопками; кроме того вряд ли подобную мелочь в сооружении тверди выделил бы летописец из всего процесса работы, если такой способ связки срубов и существовал. Даже не истолковывая слова летописи как указание на особые заградительные линии из плетней с торчащими в сторону неприятеля кольями, а приурочивая их к валам,

Рис. 7.

легко представить себе эти плетневые стенки сдерживающими крутые склоны только что насыпанных валов; при спешности укрепления места (как перед битвой в Липице) этот прием был вполне рационален, позволяя быстро вывести крутобокий вал без большой затраты времени и сил. Что этот прием был в ходу и раньше—показывает второй вал Сарского городища. Бревенчатое же сооружение липицкого вала в принципе сходно с рядом срубов прорезанных двенадцатой траншеей; и по времени они видимо более близки ему, чем валам городища, так как под ними залегает мощный культурный слой.

Раскопки П. С. Савельева открыли разрушенные погребения на городце; А. А. Титов упоминает не только о потревоженном погребении, но и об отдельных костях человека, рассеянных в отложениях городища. За первый год работы нами ни разу не было констатировано присутствие их среди значительных костных остатков, принадлежавших исключительно животным. Однако осенью 1924 года грабительские раскопки крестьян в ю.-в. части площади наткнулись на погребения, которые и были разрушены. Это побудило в 1925 году заложить траншею (четырнадцатую) на месте находки костей и повело к открытию двух погребений, ориентированных головой на ю-з; одно из них на глубине 1,20 м. найдено на том же конце бугра, где копали крестьяне; погребение было совершено в колоде, головной торец которой, как и череп костяка не сохранился; кости вообще дошли в неудовлетворительном состоянии, почему положение рук (на тазу) определено условно. Еще хуже сохранилось погребение, для которого были разрушены южная стенка ямы землянки и вход в нее; оно было совершено на глубине 1,90 м. от вершины бугра и дошло в виде правильно залежавших бедренных костей между двумя прослойками истлевшего в бурый порошок дерева. Отсутствие каких либо вещей и общий характер погребений говорит за относительно позднее время их совершения, когда место поселения стало „городищем“.

Предметы, найденные на городище для описания сгруппированы по их назначению вне зависимости от хронологических и этнических комплексов; признавая ценность последних объединений и описывая почти весь добытый материал приходится выбирать из ряда условных группировок ту, которая дает наибольшую

ясность и твердость границ. Согласно этому, найденные на городище вещественные памятники распределяются в следующие группы:

- I. Предметы украшения и туалета.
- II. Орудия и средства домашнего быта.
- III. Орудия и средства специальных производств.
- IV. Вооружение и средства промыслов.
- V. Предметы и обломки неясного назначения.

Предметы украшения и туалета.

Височные кольца. Кроме пяти небольших бронзовых с сомкнутыми или слегка заходящими друг за друга концами и обломков ³⁴⁾ относящихся к XI—XIV в.в. ³⁵⁾ найдены четыре бронзовых целых крупных и обломки от трех других ³⁶⁾; одно из них с концами перевитыми проволочной обмоткой (табл. II рис. 1) имеет аналогии среди курганных древностей Смоленской и отчасти Тверской губерний XI—XII в.; отличие его от остальных колец найденных на городце заключается в том, что толстая проволока, из которой оно согнуто, несколько расплющена; другое крупное кольцо из проволоки с заостренными концами и обломок от подобного же, м. б. тоже некогда имели обвитые концы; два остальных не имеют аналогий среди древностей центрально-русской области: концы проволоки одного образуют еле заметное расширение с отверстием и маленький крючок ³⁷⁾, (табл. II, рис. 3), а у другого—узкий раструб и заострение ³⁸⁾ (табл. II, рис. 7).

Бусы найдены в числе девятнадцати целых и одного обломка ³⁹⁾; две—горного хрусталя призматические восьмигранные XI—XIII в.в. ⁴⁰⁾; одна сердоликовая сферическая не особенно тщательной отделки; одна янтарная в виде неправильного усеченного конуса; стеклянные: сферическая густо-синего, почти черного цвета, м. б., XIII—XIV в.в. ⁴¹⁾, биконическая темно-голубая, по форме относящаяся к тому же времени ⁴²⁾; четкообразная синяя; боченкообразная с широким каналом темно-голубая; двойная светло-голубая, половины XI в. ⁴³⁾; неправильно-округлая бирюзового цвета XIII—XIV в.в.; цилиндрически-уплощенная с широким каналом, светло-фисташковая; три четкообразные

желтые; такая же белая; крупная неправильно-цилиндрическая с сильной прризацией; цилиндрическая черная со светлыми продольными полосками и цилиндрическая, видимо, известковая.

В качестве обломков железных гривен, мы описываем два фрагмента перекрученных гранчатых дров ⁴⁴⁾ (табл. II, рис. 6 и 12); такие гривны в значительном количестве отмечаются В. И. Сизовым в Гнездовском могильнике; тот же автор констатирует редкость их в курганах средне-русской области и у приокских финнов ⁴⁵⁾; приладожские курганы дали три экземпляра их; два были найдены при раскопках кургана № 31 (43) в Пустоши Плавь по р. Мологе и в кургане № 23 у с. Б. Тимерово, Ярославского уезда ⁴⁶⁾; на одном из сарских обломков заметен небольшой наплыв, как бы от слившейся проволочной обмотки, однако посредственная сохранность не позволяет говорить о ней уверенно.

Группа привесок дала несколько интересных типичных экземпляров: среди них следует отметить кованую плоскую серебряную „обращенную“ лунницу с проволочными навитыми друг на друга концами; средняя часть пластинки имеет выступ; по краю пластинки чеканом выбиты треугольники с зернышками ⁴⁷⁾ (табл. II, рис. 14); аналогии этому украшению можно привести из коллекции А. С. Уварова и П. С. Савельева из Владимирской и Ярославской губерний ⁴⁸⁾, а также из Гнездовского могильника Смоленской губернии (раскопки С. И. Сергеева, погребение № 48 ⁴⁹⁾; кроме того А. А. Спицын указывает подобные находки в Скандинавии, а русские датирует X в. ⁵⁰⁾; от экземпляров уваровской и сергеевской коллекций привеска найденная на городце отличается чистотой работы и массивностью. В Вятской и Пермской губерниях встречаются подобные сомкнутые лунницы большей величины, украшенные зернью и вставками из стекла ⁵¹⁾; предполагать скандинавское происхождение их у нас нет оснований; техника и способ украшения говорят скорей за восточное влияние.

Т. н. „шумящие“ привески найдены в трех экземплярах ⁵²⁾. Одна из них (табл. III, рис. 15) имеет форму, как бы каркаса: треугольник из полос перевитых и простых проволок с перемычками, снабженный наверху петлей, у углов основания—парными спиральками, а внизу—пятью кольцами с подвешен-

ными пластинками—треугольниками; последние по основанию имеют или валик, или зернышки на углах; эта форма привесок пользовалась значительным распространением во Владимирской и Ярославской губерниях, о чем говорят материалы, собранные А. С. Уваровым и П. С. Савельевым и хранящиеся теперь в Гос. Историческом Музее; из 54, имеющихся на-лицо экземпляров два были найдены в курганах с. Давыдовского, Сузд. у., Владим. губ. и четыре—в с. Городище Переяславского у.; точное место находки остальных установить не удалось; благодаря небрежности работы часть их дошла в состоянии обломков, и, надо думать, первоначально число их было еще более значительным. Кроме того в коллекциях Г.И.М. имеются такие же привески из кургана № 43 Пустоши Плавь, Ярославской губ., Мологского у., и из курганов бл. с. Вашловского Ржевского у. и с. Посад Корчевского у. Тверской губ. на р. Медведице; последний курган был раскопан крестьянами и только на основании их указаний в его инвентарь включены шесть западно-европейских монет X—начала XI в.в.; этим же временем датируется и курганная группа бл. п. Плавь. Факт находки подобных привесок в Костромских курганах устанавливается их изображением в отчете о раскопках Ф. Д. Нефедова⁵³); эти изображения и рисунки 421 и 454, перепечатанные А. А. Спицыным в сводной работе „Владимирские курганы“ из атласа к „Мерянам“ показывают, что парные спиральки помещались (должно быть на генетически более древних подвесках) и у вершины треугольника, укрепленные на выгнутых полосах, символизируя морды животных (лошади?); скорее всего с утратой понимания значения этих придатков они исчезли, а двойные спиральки поместились в числе четырех или двух непосредственно на стороне треугольника.

Другие две шумящие привески исполнены более тщательно и в большей мере отвечают задачам украшения. Основная форма—треугольник в одной из них (табл. III, рис. 14) слагается из мелких проволочных, парных, спиралек расположенных в шесть рядов; в основании треугольника—полоса витых и простой проволоки с пятью кольцами, на которых при помощи костыльковых звеньев подвешены треугольные двускатные пластинки с валиком по основанию. Осмотр материала Г.И.М. и опубликован-

ного в различных изданиях не открыл форм с таким большим числом рядов мелких спиралей; ближе остальных подходит привеска из раскопок Н. Г. Первухина в Глазовском у., Вятской губернии ⁵⁴) с четырьмя рядами спиралей; что касается костыльков с проволочными перехватами и зернами по краю—распространение их можно отметить на большом пространстве древних финских областей, видимо, как спорадическое ⁵⁵). Наконец, последняя шумящая привеска (табл. III, рис. 16) из трех небольших спиралей, собранных в треугольник и двух треугольных пластинок с зернышками по углам основания, является одной из обычных в финских могильниках; мотив замены петли пронизкой встречается не часто. Обе последние привески представляют любопытный пример наборной техники изготовления блях, когда отдельные мотивы орнамента (спиральки, валики, витые и т. п.) делались из отрезков проволоки, собирались в определенном порядке и подвергались действию высокой температуры, соединявшей все части, но не уничтожавшей слабый рельеф рядов проволоки ⁵⁶); непрочность блях обусловленная подобной техникой вызвала укрепление их с обратной стороны припаянным проволочным каркасом; изготовление блях, пряжек и т. п. таким образом у финнов как будто постепенно сокращает литые и чеканеные украшения; причины этого могли быть, как технического характера—отсутствие навыка, трудность и дороговизна литейного процесса, так и требования вкуса.

Наконец последняя привеска—круглая, тонкая серебряная бляшка (табл. II, рис. 13) с выпуклостью в центре; от последнего к краям по изогнутым линиям расположены ряды мелких чеканных кружков, идущих и по краю бляшки ⁵⁷); по происхождению она связана с более массивными экземплярами украшенными зернью ⁵⁸), встреченными в курганах и могилах Владимирской, Ярославской, Минской губерний и в Гнездовском кладе ⁵⁹); согласно указанию А. А. Спицына датируется XI—XII в.в. Эту же технику и орнаментальный мотив порознь можно указать на серебряных бляшках (их местное название—дендоры) в древностях, собранных Н. Г. Первухиным в Глазовском у. Вятской губ. ⁶⁰).

Среди подвесок следует на первое место поставить амулеты: медвежий коготь ⁶¹) (табл. II, рис. 10), датируемый А. А. Спицыным в чудских древностях X веком ⁶²) и астрагал с просверлен-

ным отверстием ⁶³⁾ (табл. II, рис. 9); аналогии последнему можно указать преимущественно в области восточных финских культур Вятской и Пермской губерний ⁶⁴⁾; единичные находки были сделаны в Подболотьевском могильнике Владимирской губернии ⁶⁵⁾ и в Люцинском—б. Витебской ⁶⁶⁾. Подвесок, служивших частью „шумящих“ привесок, найдено две ⁶⁷⁾; обе они имеют бутылкообразную форму (табл. III, рис. 4 и 13), но у одной верхняя часть непосредственно переходит в костылек с проволочной обмоткой и зернами по контуру, о которых говорилось выше; ближайшая аналогия ей была найдена В. А. Городцовым среди типичных финских шумящих привесок сложенных в виде клада под одним из курганов бл. с. Михайловского Ярославской губернии и у. ⁶⁸⁾, датировать ее скорее всего можно временем до X века. Вторая подвеска сломанная со сквозным отверстием в верхней части, вероятно, подвешивалась на шнурке.

Ф и б у л а встречена одна бронзовая ⁶⁹⁾ (табл. I, рис. 1); ее игла не сохранилась; она являет пример скандинавских „равноплечих“ фибул с узорной продолговатой пластинкой, симметричной относительно центральной полушарной прорезной выпуклости, заменившей первоначальную дужку, по обе стороны ее на пластинках исполнены, как бы глубокими нарезками звериные морды en-face с большими прямо стоящими ушами; остальные элементы орнамента неясны. Тожественный экземпляр был найден в Гнездовском могильнике ⁷⁰⁾; оттуда-же и из Приладожских курганов известны формы в общем довольно близкие сарской ⁷¹⁾; древнейшие первообразы этих фибул идут в Северной Германии из эпохи великого переселения народов ⁷²⁾; от этого времени в Швеции известна м. п. очень интересная фибула, обе пластинки которой украшены скульптурными головками животных, обращенными мордами к центральной выпуклости ⁷³⁾; не менее интересна большая равноплечая фибула того же времени с острова Тютарсари в Финском заливе; на ней головки выполнены уже рельефом, значительно более сложны и являются частью орнамента развитого звериного стиля ⁷⁴⁾; эти же головы можно наблюдать в более естественной передаче, м. п. на многих предметах из курганов с. Михайловского Ярославского уезда, хранящихся в Г.И.М.; сообразно с этим и сарский и гнездовский

экземпляры являются наиболее поздним звеном в цепи развития равноплечих фибул, орнаментированных в „зверином“ стиле.

Застежек на городище найдено три целых, одна сломанная и один обломок ⁷⁵⁾; наиболее индивидуальная из них—массивная серебряная некрупная застежка (табл. II, рис. 2), гранчатая, имеющая пять, как бы напущенных серебряных бус в форме кубов с усеченными углами; по граням—в ряд, а на кубах по четыре на квадратных плоскостях выбиты чеканом мелкие кружки; игла небольшая, сильно суживающаяся к концу; работа застежки тщательная. Среди русских древностей этот вариант в литературе не отмечался; до некоторой степени близок ему экземпляр, найденный в одном из трупосожжений Люцинского могильника ⁷⁶⁾ Витебской губернии; оба эти обстоятельства говорят за иноземное происхождение застежки—скорее всего за скандинавское. Две другие бронзовые застежки (табл. II, рис. 5 и 8) из круглого в сечении дрота с закрученными в спираль уплощенными концами в среднем можно датировать XI—XII в.в. Наконец обломок (табл. II, рис. 4) принадлежит бронзовой пряжке с двояковыпуклым в сечении кольцом; головки кубоватые со скошенными углами; аналогии этой форме в значительном количестве дает коллекция из Приладожских курганов, хранящаяся в Г. И. Музее. К этому же типу принадлежит и сломанная крупная (диам. 6,3 см.) застежка.

Единственная бронзовая пряжка ⁷⁷⁾ (табл. II, рис. 11) представляет своим выпуклым кольцом и небольшим подтреугольным щитком пример гладких поверхностей и четкого контура, не вяжущийся с основным комплексом средне-русских финских и славянских древностей; единственная аналогия встреченная нами в этой области происходит из Борковского могильника Рязанской губернии ⁷⁸⁾, причем формы этого экземпляра отличаются некоторой вялостью; А. А. Спицын включает борковскую пряжку в группу вещей „так называемого готского типа“, проникших на Оку с Дона или Кавказа; в настоящее время, думается, можно уточнить это определение, особенно для сарского варианта, придав времени распространения типа термин—„готское“, а в качестве племенной единицы нашедшей и разработавшей форму, принять одну из ранне-кочевнических групп (м. б. аланы), наиболее широко распространившуюся по степям южной России

и непосредственно или посредственно связанную с обитателями бассейна Оки.

Как кольцо из поясного набора описываем бронзовое кольцо (табл. X, рис. 6) в сечении круглое, литое, на которое, как бы напущены три кубических бусы со срезанными углами⁷⁹⁾; последняя деталь сближает его с приведенной выше серебряной застежкой.

Бронзовые браслеты найдены в числе восьми экземпляров⁸⁰⁾, частью в фрагментах; среди последних интересен обломок браслета из тонкого круглого дрота с расплюснутыми в узкие пластинки концами, на которых расположены в два ряда небольшие углубления (табл. III, рис. 12); согласно указанию П. П. Ефименко, этот тип браслетов держался в приокской области весь VII век и начало VIII-го; второй дотовый браслет с обрубленными не украшенными концами близок более поздним формам, найденным в курганах Смоленской губернии XI—XII в.в. и во владимирских раскопках А. С. Уварова⁸¹⁾; последний массивный браслет—литой (табл. III, рис. 2), полукруглый в сечении, сильно суживающийся к концам, украшен по поверхности рядами мелких ямок; из четырех тонких пластинчатых браслетов, два заметно расширяются к концам; последние в одном случае украшены чеканными треугольниками с зернышками (табл. III, рис. 1); два остальные (табл. III, рис. 3 и 8) расширяются не так заметно; концы одного имеют валикообразные утолщения. Наконец последний бронзовый браслет—детский (табл. III, рис. 11) согнут из узкой толстоватой пластинки; его концы закручены в петли. Не без некоторого колебания сюда же присоединяем обломки, определяемые нами, как части железных браслетов⁸²⁾; обломок одного из них соответствует по форме описанному выше бронзовому пластинчатому (табл. III, рис. 3) с заметно расширяющимися концами; один из последних, уцелевший, загнут и поэтому слегка утолщен; другой браслет (табл. III, рис. 6) согнут из тонкого дрота обвитого проволокой. Не лишено интереса указание в „Мерянах“ А. С. Уварова (стр. 109, табл. XXVIII, рис. 48) на находку железного спирального браслета, который он приписывает скандинавам. Наконец следует упомянуть о находке стеклянного браслета⁸³⁾ (табл. III, рис. 5), круглого в сечении; цвет стекла темно-вишневый, почти черный.

Перстни и ручные кольца найдены на городище в числе трех экземпляров⁸⁴); все они изготовлены из бронзы; первое (табл. III, рис. 7) представляет простую довольно широкую пластинку с заходящими друг за друга концами, один из которых несколько сужен; второе (табл. III, рис. 10) узкое со щитком постепенно расширяющимся к средней линии и украшенным припаянными узкими полосками с группами зарубок; в качестве генетически-старшей формы можно привести перстень из Чердынского уезда, со щитком выступающим по обе стороны узкого кольца; вдоль краев щитка и по кольцу идут парные полоски витья; кроме того щиток украшен крупной зернью и подвешенными „гусиными лапками“⁸⁵); более близок по характеру исполнения перстень из 117-го погребения в раскопках Н. Е. Бранденбурга⁸⁶); витье здесь заменено полосками с насечками, но число их сокращено и включено перекрестье; обе родственные формы датируются XI в., к какому времени можно отнести и сарский экземпляр. Третье кольцо (табл. III, рис. 9), образованное из согнутой в четыре оборота узкой и тонкой трехгранной полоски, имеет большое число аналогий в латышско-финских древностях Люцинского могильника (б. Витебской губернии)⁸⁷) и у финнов Приокского края (напр.—в Кузьминском могильнике⁸⁸).

В качестве принадлежности обуви следует отметить типичную скандинавскую „подковку“⁸⁹) (табл. X, рис. 4); ее основная пластинка посередине сужена и вытянута в шип.

Предметы туалета представлены двумя группами: копоушками и гребнями.

Копоушки найдены в числе пяти экземпляров вполне типичных и орнаментированных⁹⁰) (табл. IV, рис. 1—5); к ним же присоединяем обломок, сходный по общему типу, но несовпадающий по пропорциям и отделке⁹¹) (табл. IV, рис. 6); группа эта—одна из наиболее интересных среди городищенских находок; в пяти первых случаях копоушки являются узкими и тонкими костяными пластинками, расширяющимися к верхнему концу со сверлиной и на нижнем быстро суживающимися в стерженек с ложечкой, которая не сохранилась ни на одном экземпляре; особенного внимания заслуживает орнамент, покрывающий обе стороны пластинок и исполненный обычно неглубокими нарезками;

он ясно различим на четырех экземплярах и несколько труднее— на пятом, наиболее пострадавшем от разрушения пластинки (табл. IV, рис. 3); на каждой копоушке (у трех экземпляров— с обеих сторон) повторяется один и тот же мотив—род косо́го плетения с диагональными—гладкими и горизонтальными—заштрихованными полосами. Этот мотив встречается только на кочедыках и копоушках из Глазовского у. Вятской губ. ⁹²); симметричному расположению полос на двух соседних гранях вятских копоушек (м. п. с Дондыкарского городища в раск. А. П. Смирнова) в наибольшей мере соответствует орнаментация сарского фрагмента № 292 (табл. IV, рис. 3) Особенность сарских копоушек, на которых этот мотив плетения повторяется на обеих сторонах, та, что одна из последних украшается более тщательно: ее узор мелче и иногда окружен каймой. Тот факт, что из грандиозных раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева до нас не дошло ни одной подобной копоушки представляется менее странным, чем находка их в двух курганах (видимо, трупосожжения) бл. с. Михайловского Ярославской губ. и у. ⁹³); они носят явные следы пребывания в огне, однако орнамент сохранился вполне отчетливо; одна из них тождественна изображенной на табл. IV, рис. 3; на другой повторяется схема орнамента рисунков 1 и 2 той же таблицы. Если отсутствие сведений о находках подобных предметов на пространстве, разделяющем Ростовскую область и Глазовский у., объясняется малой обследованностью края, то неизвестность такого рода поделок, даже их орнамента, хотя бы на других вещах, в древнейших средне-русских городищах и в приокских финских могильниках (раскопки которых производились в большом масштабе)—говорит за то, что эти маленькие вещицы, сохраняющие традиционную форму орнамента на значительной территории, заслуживают серьезного внимания, как связанные с определенной группой населения (скорее всего—этнической) и вряд-ли бытовавшие продолжительное время.

Другой орнаментальный мотив в технике подобной кербшнитту,—узкая зубчатая полоска исполненная двумя рядами мелких треугольных чередующихся выемок, также имеет аналогию в Прикамье ⁹⁴); этот вид украшения известен на древностях Северной Германии первой половины III — первой половины

IV в. в. н. э.⁹⁵); пути его распространения по русской равнине пока не выяснены.

Костяные гребни найдены в числе десяти обломков, принадлежавших восьми экземплярам⁹⁶). Наиболее сохранившийся гребень (табл. IV, рис. 10), единственный образец интересной разновидности, представляет из себя тонкую, тщательно отделанную пластинку, достаточно широкую и украшенную в верхней части вырезанными парными головками лошадей; по контуру изображения идет ряд мелких ямок; поле дощечки покрыто рядами треугольников гладких и заштрихованных в шахматном порядке; весь орнамент нанесен тонкими бороздками—почти царапинами; в уваровской коллекции был подобный по пропорциям и близкий по мотивам орнамента гребень, изображение которого переиздано А. А. Спицыным во „Владимирских курганах“ (рис. 378); насколько можно судить по рисунку, он отличается от сарского экземпляра меньшей условностью в передаче контура лошадиных голов, исполнением треугольников в двух плоскостях (т. е. плоским рельефом) и включением в орнамент зубчатых линий, отмеченных уже на одной копоушке; поиски близко-родственных форм приводят вновь в Глазовский уезд, откуда благодаря работам Н. Г. Первухина известны экземпляры и более архаичные, с ясным контуром лошадиных голов и неорнаментированной пластинкой, а также и варианты дегенерировавшие значительно дальше, чем сарский экземпляр: о бывших некогда лошадиных головах говорит только верхняя контурная линия пластинки; последняя украшена небрежным нарезным орнаментом⁹⁷). Два гребня с таким же контурным изображением получены раскопками А. П. Смирнова на Дондыкарском городище в 1926 году. Не выходя из границ намечаемых материалом—костью, пожалуй следует напомнить о находке на Буйском городище (р. Вятка) гребня без пластинки и с лошадиными головками, исполненными в грубом рельефе⁹⁸); была ли эта форма прототипом для только что описанных, или принадлежала параллельному ряду — решится дальнейшим поступлением материала. Для центрально-русской области можно в качестве древнего образца пластинчатых гребней привести только гребень из городища „Дьякова типа“ бл. г. Лихвина Калужской губ.⁹⁹) с крупным контурным изображением сидящей птицы (утки?); более поздние

экземпляры из Подболотьевского могильника Муромского уезда ¹⁰⁰) имеют парные головы ушастых животных крайне неряшливой и поспешной работы.

Вторая разновидность гребней (табл. IV, рис. 8, 9, 11—13) близкая к современным по пропорциям, характеризуется выпуклыми костяными набивками; м. б. в некоторых случаях гребни снабжались костяным же футляром на шарнире для защиты зубцов; представлена эта разновидность обломками пяти экземпляров и двумя отдельными фрагментами набивок небольших гребенок; как видно на табл. IV, рис. 9 величина гребней достигала иногда значительных размеров. Найденные экземпляры позволили установить процесс изготовления описываемых длинных гребней; костяная пластинка достаточной толщины разрезалась поперек на отрезки одинаковой длины равной ширине будущего гребня; эти куски прикладывались плотно друг к другу в ряд

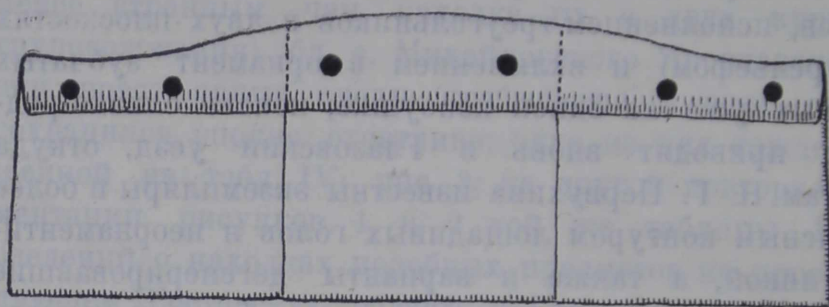

Рис. 9.

так, чтобы поперечные обрезы совмещались по прямой линии (рис. 9); после этого один край образовавшейся полосы сверху и снизу скреплялся набивками при помощи металлических штифтов; последние располагались в лучших экземплярах так, чтобы каждый отрезок пластинки был шит с набивками в двух местах; обычно, особенно при широких набивках, этого порядка не придерживались строго; наконец, когда болванка была готова тонкой пилой пропиливали зубцы, причем в центральной части гребня, где пила доходила до набивок, она оставляла на них небольшие зарезы (особенно ясно это на рис. 11 табл. IV). Насколько описываемый способ выработки был распространен свидетельствует м. п. гребень, найденный в девятой могиле Венделя (Швеция) ¹⁰¹): три пары штифтов в набивке должны соответствовать трем отрезкам пластинки, образующим полосу с

зубцами, а зарезы на набивке против скважин между зубцами говорят об одинаковой последовательности стадии работы. Как ни кропотлив, ни медлен был этот способ, все же прочность зубцов, легкость пилки по волокнам и возможность изготовления гребней любой ширины и длины при ограниченном выборе костного материала заставляли предпочитать его.

Орнаментация набивок сарских гребней не однородна: в большинстве случаев она исполнена парными нарезками; в таком случае концы набивок покрыты поперечной штриховкой, иногда с интервалами; средняя же часть заполнена фигурами крупных ромбов, или сеткой из ромбических петель, или ромбы как бы наложены друг на друга (недостаточность обломка делает последнее истолкование условным); упомянутый гребень из погребения в Венделе орнаментирован совершенно по этим же принципам, равно как и обломок из четвертого погребения оттуда же ¹⁰²); набивки одного сарского гребня (табл. IV, рис. 11) отличаются орнаментацией только средней части—фигурой двух переплетенных треугольников, исполненных не парными, а одиночным нарезом; этот фрагмент интересен изящным изгибом тыльной части; останавливаясь на единственной находке гребня подобной формы в Гнездове В. И. Сизов указывает на многочисленные аналогии в могильнике Рейхенгалля (В. Бавария) готского времени ¹⁰³); раскопками гнездовских курганов С. И. Сергеевым был найден гребень той же формы, но с бронзовыми набивками и костяными зубцами; первые украшены рельефным орнаментом в зверином стиле, что подчеркивает его северо-германское происхождение. Наконец, фрагмент гребня единственного по своей величине (табл. IV, рис. 9) среди известных нам русских находок и превосходящий вендельский, интересен как по способу нанесения узора широкими „плоскодонными“ бороздами, так и по характеру орнаментации: поле набивок оконтурено двойной линией, а средняя часть его, замкнутая двумя параллельными линиями, сходящимися к концам под острым углом, заполнена редкой косою штриховкой. Нечто подобное сохранили слишком мелкие, к сожалению, обломки набивок из гнездовских курганов ¹⁰⁴) и футляр вендельского гребня. Все перечисленные гребни относятся к типу, распространение которого Н. Е. Бранденбург отметил, кроме Ленинградской, в Пермской, Владимирской,

Ярославской, Витебской, Черниговской и Полтавской губерниях¹⁰⁵); сюда же следует прибавить Смоленскую губернию, для гнездовского курганника которой, В. И. Сизов костяные гребни описываемого типа признает одними из характерных находок¹⁰⁶).

Переходя к вопросу о датировке этих гребней следует сделать предположение, что тождественность русских находок со скандинавскими (общее—с северо-германскими), распространение первых преимущественно в сфере скандинавского влияния и большая древность типа на Западе бесспорно говорят за происхождение его в области северо-германской культуры; с этой точки зрения фрагмент, изображенный на табл. IV, рис. 11, должен рассматриваться как древнейший, правда, вряд ли относясь к эпохе связанный с готским владычеством и скорее проникший в Россию с первыми нашествиями варягов, т. е. в начале IX, м. б. в конце VIII в. н. э.¹⁰⁷); датировка обломка, изображенного на табл. IV, рис. 9 затрудняется его необычностью и отсутствием аналогий в известной нам шведской литературе; выше указывалось, что отчасти мотив орнамента повторяется на чехле вендельского гребня из девятого погребения, датированного серединой X в.; однако, всматриваясь в рисунок, помещенный в труде Стольпе и Арне, нетрудно заметить, что футляр принадлежал большему гребню, чем найденный в нем, фактура кости на обоих предметах различается по сохранности, штифты на гребне—бронзовые, на футляре — железные; самый орнамент, вялый и безличный на набивках, не может принадлежать художественному вкусу, давшему на футляре лаконичное линейное построение, связанное с незаполненным фоном в одно целое; короче говоря рисунок заставляет предполагать большую древность чехла, чем самого гребня и отнести первый по крайней мере к началу X в.; сарский же экземпляр,—как еще более лаконичный по орнаменту и утративший не первоначальную величину, а смысл украшения центрального поля набивки (сравнительно с гнездовскими фрагментами), что могло зависеть от индивидуальной неопытности резчика,—счесть принадлежащим концу IX—началу X в.; доказательством отрицательного характера может служить соображение, что большинство русских находок гребней скандинавского типа приходится на X—начало XI в., и орнамент их исполнен как раз в духе набивок вендельского гребня; правда,

обломок другого гребня из Венделя, датируемый „самое позднее IX веком“, как будто говорит за бóльшую древность сетчатого и бороздчатого мотивов в Швеции; если позволительно на основании такого небольшого обломка отнести перемену орнаментальных традиций в Швеции к IX в. или даже ранее, то наша датировка сарского гребня должна быть признана наиболее поздней из допустимых, а гребни, изображенные на табл. IV, рис. 8, 12 и 13 в силу тождественности с много раз цитированными вендельскими можно отнести: лучшие к XI—X в.в. и худший—к началу XI в. В итоге обзора гребней скандинавского типа приходится учесть необычайную близость их шведским не только по мотивам орнамента и по способу выполнения последнего, но также и по уверенности, чистоте работы и сохранению самого типа, как будто это продукты фабричного или крупного кустарного производства; несколько повторяя мысль известного шведского археолога Т. Арне¹⁰⁸), приходится заключить, что, если эти гребни и не были предметом импорта,—они изготовлялись в России руками шведских мастеров-колонистов, но отнюдь не коренными жителями.

Возвращаясь вновь к первому описанному типу гребней с парными лошадиными головками, типу, который с полным основанием может быть назван восточно-финским, следует заметить, что бытование его в области влияния шведской индустрии должно было если не закончиться, то сильно сократиться в период распространения более совершенных иноземных фабрикатов, т. е. в X—начале XI в.

Орудия и предметы домашнего быта.

Топоры встречены на городище только дважды¹⁰⁹); первый топор—втульчатый изящных пропорций, удлинённый с несколько наискось поставленным лезвием (табл. VIII, рис. 3) ведет свою родословную от финских прототипов Лядинского (Тамбовской губ.), Курманского (Рязанской губ.) могильников и близких им форм Финляндии и Эстляндии¹¹⁰); более древняя стадия открыта в могильниках Кошибеевском (Тамбовской губ.), Борковском и Кузьминском (Рязанской губ.)¹¹¹); отличается она бóльшей массивностью и иными пропорциями; приведенными аналогиями,

конечно, не исчерпывается весь известный материал; они могут дать представление о продолжительности бытования этого типа у средне-русских финнов, наиболее изученных; сарский экземпляр превосходя перечисленные по величине и напоминая пропорциями узкие проушные топоры X века не может быть датирован позже этого времени, скорее же всего относится к VIII—IX в.в. Второй топор—проушной (табл. VIII, рис. 4) с широким лезвием, большой выкружкой в полотне у проуха и узким обухом; в противоположность первому типу он связан со славянской культурой и может быть датирован XI в. ¹¹²).

По численности первое место в группе занимают черешковые ножи, найденные в числе пятидесяти двух экземпляров ¹¹³); значительная часть их имеет толстоватый полого закругляющийся к острию обух и также круглящееся навстречу ему лезвие; по величине преобладают средние размеры, хотя точного соотношения провести невозможно из-за большого числа сточеных экземпляров; некоторые из последних напоминают трехгранное шильце; два наиболее крупных ножа имеют длину вместе с черешком 20,4 см. У многих ножей черешки отсутствуют частично или целиком; на сравнительно хорошо сохранившихся экземплярах видно, что у двадцати двух ножей черешок отходит от полотна от средней оси последнего, почему обух выдается над ним в виде уступа (табл. V, рис. 1),—обычный „курганский“ тип ножей; у шестнадцати других обух непосредственно переходит в узкую грань черешка (табл. V, рис. 2); часть последней разновидности ножей отличается кроме того слабо-выгнутой линией обуха и черешка—как-бы воспоминание о „горбчатых“ ножах городищ Дьякова типа; довольно близкая аналогия им найдена м. п. Н. И. Булычевым на Мужитинском городище Жиздринского уезда, Калужской губернии ¹¹⁴). Следует отметить здесь же находки плосковатых стержней, в сечении четырехугольных, суживающихся почти на острие к одному концу и имеющих на противоположном следы облома ¹¹⁵); они определяются нами как отломанные черешки.

Сюда же присоединяется обломок костяной рукоятки ножа ¹¹⁶), (табл. XII, рис. 2), сделанной из трубчатой кости и имеющей слабый перехват у круглящегося конца; по этой слегка вогнутой цилиндрической поверхности расположен в виде пояса орнамент из тройного ряда гладких и заштрихованных треуголь-

ников, подобный описанному на гребне с лошадиными головками; не может быть сомнения, что и рукоятка эта относится к туземному, финскому обиходу.

Ножниц найдено двое и м. б. обломки других двух¹¹⁷); последние, как и один довольно хорошо сохранившийся экземпляр (табл. V, рис. 5) относятся к типу „овечьих“ с пружинящей связью между концами рукояток; этот тип широко распространен в Прибалтике, Финляндии, Приладожье, Смоленской, Владимирской и Ярославской губерниях; время его А. А. Спицын в нашей области определяет X веком. Второй экземпляр сохранившийся вполне (табл. V, рис. 7) принадлежит более позднему типу—шарнирному, наиболее распространенному в настоящее время. В. И. Сизов, нашедший подобные ножницы в одном из гнездовских курганов высказал предположение, что этот тип занесен в Европу с Востока¹¹⁸), указывая на аналогичные находки Д. Я. Самоквасова, под Пятигорском и свои—близь станиц Натухайской и Раевской и относя их, однако, к XIV в.¹¹⁹); можно еще добавить случай находок подобных ножниц в Борковском могильнике Рязанской губ. и на Княжьей горе близь г. Канева Киевской губ.¹²⁰); малочисленный и отчасти сомнительный материал не дает возможности установить датировку, но предположение В. И. Сизова о распространении этого типа ножниц с Востока арабами через болгарские торговые центры остается наиболее вероятным.

Из других принадлежностей связанных с шитьем найдено два игольника в виде полых костяных цилиндров с двумя отверстиями¹²¹) (табл. IV, рис. 7); внутри одного сохранились покрытые ржавчиной иглы; как игла определен тонкий заостренный железный насквозь проржавевший стерженек найденный отдельно¹²²). Находки игольников и игол отмечает м. п. В. И. Сизов в гнездовских курганах¹²³); они, очевидно, были широко распространены, и редкость находок объясняется хрупкостью предметов.

Два костяные острия (иглы для вязанья?) одно прекрасно сохранившееся, отшлифованное со сверлиной в верхней уплощенной части, другое—из ребра с оставленной головкой¹²⁴) (табл. VII, рис. 1 и 4), найденные на городце являются одними из обычных находок на костеносных городищах Востока РСФСР

и „Дьякова“ типа—центральных губерний; среди сарских находок имеются и сменившие их железные острия плосковатые, суживающиеся под округлой головкой, явно подражающие первоначальным костяным ¹²⁵⁾ (табл. VII, рис. 5); находки их известны на одном пизжемском чудском городище ¹²⁶⁾.

Наконец в эту же группу входят: костяная проколка весьма небрежной работы и обломок просверленной кости ¹²⁷⁾ (табл. XII, рис. 3)—м. б. неоконченный игольник; бытование этих предметов относится скорее к древней поре обитания городища.

Сравнительно многочисленны были находки обыкновенных железных шил; рассматривая вместе с ними три округлые стержня несколько большей, чем они величины, очевидно, утратившие черешки,—получим всего семнадцать экземпляров ¹²⁸⁾; хорошо сохранившиеся (табл. VII, рис. 3) имеют постепенно утончающееся круглое в сечении острие и четырехгранный, уплощенный, также заостряющийся черешок; особенно интересно небольшое шильце в оправе из обломка ребра мелкого животного (табл. VII, рис. 2); по А. А. Спицыну наиболее ранняя дата шил VIII—IX в.в. ¹²⁹⁾.

Из двух типов огнив, найденных на городище, определение первой сделано Н. Е. Бранденбургом и А. А. Спицыным ¹³⁰⁾; это—железные пластинки суживающиеся к концу загнутому петлей в той же или перпендикулярной плоскости; найдены они в числе четырех экземпляров ¹³¹⁾ (табл. X, рис. 8—10); второй автор датирует их VIII—IX в.в. Другой тип огнив—„калачиком“ (табл. VII, рис. 6), представленный одним экземпляром ¹³²⁾, пользовался в противоположность первому широким распространением и относится к X—XII в.в. ¹³³⁾.

Среди многочисленных железных стержней можно выделить три гвоздя ¹³⁴⁾ древнейшей формы с ассиметричной шляпкой и семь более поздних—с симметричной ¹³⁵⁾.

Замки ¹³⁶⁾, найденные на городище представляют три разновидности. Небольшой замок (табл. XI, рис. 5) в виде кубоватой, сдавленной коробочки расширяющейся немного к основанию; две боковые широкие стенки толсты и слегка выступают за прилегающие к ним соседние стороны; одна из узких имеет прорез в форме опрокинутого T; к противоположной стенке приделана цилиндрическая трубка; в верхней стенке замка имеется прорез,

куда вставлялась одна ножка дужки; другая вдвигалась в только что упомянутую трубку; благодаря счастливой случайности на соседнем участке той же траншеи была найдена вкладная дужка ¹³⁷) скорее всего от этого же замка (табл. XI, рис. 4); она представляет из себя согнутый в виде арочки отрезок железного дрота, один конец которого, как бы пропущен сквозь небольшую прямоугольную пластинку и продолжается дальше в виде лопатки; лопатка эта на сарском экземпляре значительно толще в верхней части, чем в нижней; Н. Е. Бранденбургу удалось выяснить на одном из найденных им замков, подобном сарскому, что к нижнему концу лопатки прикреплены с обеих сторон пружинящие, расходящиеся вверх пластинки, при помощи которых дужка вдвинутая в замок не могла уже быть вынута без помощи ключа ¹³⁸); на нашем экземпляре лопатка и обе пластинки слиты ржавчиной в одну сплошную массу. Представителями второго типа замков являются два экземпляра различающиеся друг от друга м. б. из-за способа изготовления (табл. XI, рис. 1 и 2); форма их призматическая, четырехгранная; у одного из них боковые грани у концов призмы выступают в виде свода; у другого эта сводчатая поверхность имеется лишь на одном конце, но она не составляет продолжения боковых стенок, а согнута из отдельного куска; боковые стенки укреплены продольными узкими полосками; пролеты сводообразных выступов закрываются поперечными стенками и— на противоположных концах—небольшими пластинками; у одного из замков здесь оказался отрезок четырехгранного дрота, ничем не связанного с замком. Наконец от третьей разновидности замков сохранились только обломки цилиндрического корпуса с припаянными продольными полосками (табл. XI, рис. 3). Т. Арне признает за первым типом восточное происхождение ¹³⁹), а А. Тальгрэн датирует 850—1000 годами ¹⁴⁰). Второй и третий типы близки некоторым поздним формам из коллекции Заусайлова, собранной в восточных губерниях ¹⁴¹), но точно датированные ранние образцы их нами не найдены. Здесь же следует упомянуть массивную вкладную дужку (табл. XI, рис. 7) из четырехгранного дрота; одна из ножек дужки образует расширение—упор и заканчивается двузубой вилкой, входившей в полость замка ¹⁴²).

Ключей найдено на городище два ¹⁴⁶) и обломок третьего ¹⁴⁴): первый ключ (табл. XI, рис. 8) с бородкой в виде прорезной лопатки; тип известен на широком пространстве, датируясь X—XI в.в. ¹⁴⁵); второй ключ (табл. XI, рис. 6)—коленчатый с зубчатой бородкой; А. А. Спицын кроме находок во Владимирской и Смоленской губерниях указывает на распространение его в Скандинавии и относит к X веку ¹⁴⁶). Наконеч узкая пластинка с загнутым в петлю концом и остатками, как бы зубчатой бородки присоединяется сюда же условно (табл. X, рис. 7).

Единственная сковорода ¹⁴⁷) (табл. VII, рис. 10), найденная на городище имеет аналогии в находках, сделанных в Приладожских курганах и датируется XI веком ¹⁴⁸).

Ушки (от ведер?) найдены в числе двух ¹⁴⁹) экземпляров; первый (табл. X, рис. 2) имеет треугольные узкие пластинки, отстоящие на 0,6 см. друг от друга; у второго (табл. X, рис. 5) пластинки меньше, имеют более округлые очертания, более сближены и связаны остатками заклепки.

Переходя к обзору найденных на городище остатков глиняных сосудов приходится оговориться, что этот вид археологических памятников до сих пор не получил того научного освещения, которого он заслуживает; начиная с неолитического периода, керамика является неотъемлемой частью всякой культуры; она развивается и вырождается вместе с последней, а—в случаях соприкосновения этнической группы с другой, владеющей более совершенной техникой, — совершенствуясь, является одним из серьезнейших доказательств силы и глубины постороннего влияния на местное производство; наоборот, стойкость старых типов говорит о слабости иноземного влияния на туземное население. Наиболее характерные особенности керамического производства выражаются в способе изготовления предметов и составе массы, в форме предмета, гл. обр.—сосудов и в орнаменте, покрывающем их; таким образом научное освещение материала предполагает оценку его с трех точек зрения: техники, формы и украшения; при современном состоянии знания, при полном отсутствии статистических работ, дающих нормы для больших групп керамики определенной культуры и местных, областных вариантов, характеристика их зависит от субъективной оценки и опыта исследователей, опирающихся гл. обр. на внешние данные. Это

обстоятельство заставляет смотреть на керамику как на открываемый материал для будущего точного анализа и ограничиться заведомо поверхностным описанием.

Фрагменты сосудов добыты за месяц работы 1924 года в количестве нескольких тысяч экземпляров и доставлены на хранение в Ростовский Государственный Музей целиком; в 1925 году соби-рался лишь ор-наментированный материал, осталь-ной же был почти целиком оставлен на месте.

Переходя к об-щему обзору най-денных фрагмен-тов следует пре-жде всего выклю-чить крайне не многочислен-ные краевые орна-ментированные облом-ки сосудов при-надлежащих более древним культу-рам чем те, рас-смотрению кото-рых преимущест-венно посвящен этот очерк.

Основная мас-са черепков най-денных на городце представляет фрагменты сосудов лишенных орнамента; общая характеристика их следующая: сосуды почти исключительно делались от руки без применения гончарного круга; в глину примешена дресва или измельченный гранит, дав-ший крупные неокатанные кристаллы кварца, полевого шпата и пла-стинки слюды, выступающие в изломах и делающие поверхность сосудов бугроватой; масса промешивалась плохо, отчего стенки

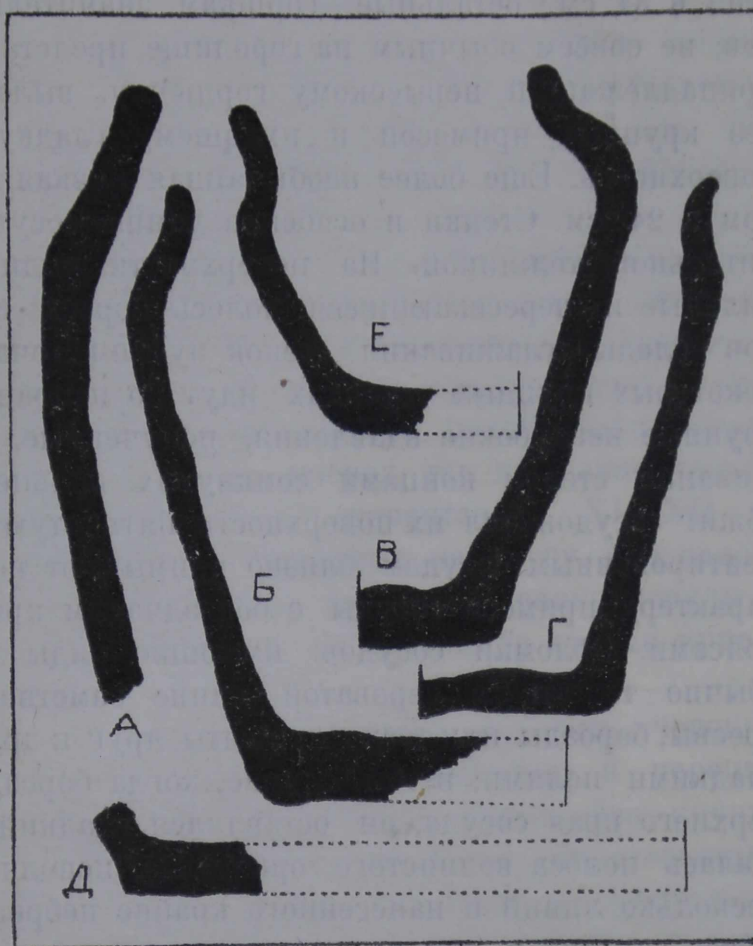

Рис. 10.

сосудов покрыты мелкими ветвящимися трещинами. Многие изломы и чередование утолщений и утоньшений стенок, говорят за лепку сосудов путем наращивания пластин глины. На рисунке 10-м представлены профили сосудов, которые удалось частично восстановить из обломков; формы А, Б, В и Г являются наиболее типичными; обломок А принадлежит сосуду с диаметром отверстия в 34 см.; остальные—горшкам значительно меньших размеров; не совсем обычным на городище представляется фрагмент Е, принадлежащий невысокому горшечку, вылепленному из глины без крупных примесей и имевшему гладкую, почти лощеную поверхность. Еще более необычайная низкая плошка (Д) диаметром в 24 см. Стенки и особенно днища сосудов отличаются значительной толщиной. На поверхности видны зачастую неправильные и пересекающиеся полосы борозд и угловатых желобков—следы сглаживания стенок пучком мочалок или травы; на некоторых крупных черепках идут по направлению сверху вниз крупные неглубокие вдавления, полученные, как бы при выглаживании стенок концами сомкнутых пальцев. Несовершенный обжиг сосудов дал их поверхности пятнистую окраску. К неорнаментированным сосудам близко примыкают по внешнему виду и характеру примеси сосуда с бороздчатым простым и волнистым поясами. Обломки сосудов, имеющие ряды продольных борозд обычно толсты; в сероватой глине заметна примесь крупной дресвы; борозды или тесно прижаты друг к другу, или разделены гладкими полями; в том случае, когда борозды не доходили до верхнего края сосуда, он оставался гладкий или на нем помещалась полоса волнистого орнамента, исполненного в одну или несколько линий и нанесенного крайне небрежно. Та же небрежность заметна в исполнении волнистого орнамента на сосудах, очевидно, совершенно не имевших бороздчатого пояса. Заслуживает некоторого внимания присутствие описанных видов орнамента не только на сосудах сделанных на кругу, но и вылепленных от руки; можно предполагать, что заимствование славянского украшения керамики опередило усвоение ее техники, и мастера, оставаясь при старых приемах производства, не совершенствуя состав массы, пытались воспроизводить орнамент, связанный с работой на вращающейся подставке. Не считая возможным делать анализ не орнаментированного и украшенного бороздами

керамического материала из-за отсутствия достаточного количества точно установленных признаков (размера сосудов, профиль, обработка бережка, соотношение орнаментированных плоскостей к гладким и т. п.) приходится вопрос о датировке сосудов оставить открытым и ограничиться указанием, что близкие образцы (судя по описаниям) найдены на упоминавшихся выше городищах бл. с. Воскресенья и Ловницкого (VII—VIII в.в.), а один относительно хорошо сохранившийся сосуд чрезвычайно близкий грубой сарской керамике был найден в кургане с. Михайловского Ярослав. губ. и у. и хранится в настоящее время в Гос. Ист. Музее; таким образом в общих чертах можно неорнаментированные сделанные от руки сосуды отнести к периоду VII—XI вв., с оговоркой, что первая цифра м. б. не указывает начальный период бытования этой керамики. Появление сосудов, сделанных на круге и украшенных волнистым и бороздчатым орнаментом В. И. Сизов для гнездовского курганника приурочивает к середине X века; эту дату можно принять для подобных-же сосудов с городца, удлиняя ее несколько вперед, так как значительное количество славянских предметов относится к XI—XII вв. Небольшое количество сосудов, сделанных на круге дает основание предполагать, что совершенная техника выделки посуды не привилась у обитателей городца, и не вытеснила старые приемы ее изготовления.

Наконец следует отметить единичные находки черепков черного цвета с как-бы „лощеной“ поверхностью и черепков сосудов сделанных из хорошо промешаной глины без крупнозернистых примесей и хорошо обожженных, о чем свидетельствует ровный, почти розовый цвет глины; на матовой поверхности одного из них лощеными полосами выделялся орнамент целиком не дошедший; эта керамика скорее всего связывается с татарской культурой.

Оселки, найденные на городище в числе сорока ¹⁵⁰⁾ отличаются значительным разнообразием, как по размерам (от 35 до 3,6 см.), так и по форме, представляя из себя или вытянутые в длину узкие пластинки, или призмы, иногда расширяющиеся к основанию на подобие усеченной пирамиды; один призматический оселок у нижнего конца расширяется веретенообразно; значительное число мелких экземпляров имеет отверстия для подве-

шивания, иногда только начатое; самый небольшой экземпляр был сломан по сверлине, и последняя была восстановлена вблизи слома; другой фрагмент миниатюрного оселка имел толщину до 2,5 мил. при ширине 7 мил.; некоторые экземпляры призматических оселков отличались исключительной правильностью и чистотой работы, (напр. табл. V, рис. 6) не свойственной пластинчатым, которые выделяются своей величиной (наибольшие из найденных оселков имеют сломанные концы). Два коротких массивных призматических бруска со сглаженными гранями только предположительно отнесены к оселкам (см. стр. 53); время их бытования м. б. несколько более раннее, чем форм призматических, появление которых относится к X веку, согласно суммарному указанию А. А. Спицына ¹⁵¹).

Значительный интерес представляют три полусферические поделки из головок бедренных костей ¹⁵²) с широкой сверлиной (табл. XII, рис. 9); Н. Е. Бранденбург, нашедший в трупосожжении кургана № 95 на правом берегу р. Паши подобный предмет, высказал сомнение, что эти поделки известные в Дании, на о-ве Борнгольме, в Приуральи и в Киевской губ. вряд ли справедливо относятся исследователями к пряслицам; он находит возможным видеть в них амулеты ¹⁵³). Со своей стороны полагаем, что для пряслиц эти предметы слишком легки, и если не служили, как амулеты, то могли быть пуговицами укреплявшимися ремешком с узлом на конце.

Орудия и средства специальных производств.

Переходя к описанию предметов этой группы следует заметить, что граница ее от предшествующей не может быть проведена резко, поскольку отдельные производства могли, должны были входить в обыденную жизнь, не являясь, однако, необходимыми в повседневном обиходе.

Из орудий для обработки дерева найдено два скобеля ¹⁵⁴); один—в виде пластинки с толстым обушком, с округло-загибающимися под прямым углом суживающимися концами—черешками; от последних сохранились незначительные части (табл. VII, рис. 9); подобный экземпляр, найденный в Томниковском финском могильнике (Тамбовской губ.) ¹⁵⁵) отличается перегну-

тыми черешками, почему рукоятки лежали в плоскости параллельной скобящей пластинке. У другого сарского скобеля (табл. VII, рис. 8) единственный уцелевший черешок, толстоватый стержень отходит перпендикулярно от края пластинки у ее обуха; скобель этого типа был найден в кургане с трупосожжением у д. Городище Тихвинского у. по р. Сяси ¹⁵⁶) и в раскопках Н. Г. Первухина в Глазовском у. Вятской губ. ¹⁵⁷). Т. Арне отождествляет этот тип с известным ему в норвежских древностях ¹⁵⁸); условия находок в России позволяют отнести эту форму в среднем к X в.

Общераспространенным показателем прядильного производства являются пряслица (местное: попрядки); на городище найдено пятнадцать целых и три обломка пряслиц из камня и глины ¹⁵⁹). Группируется весь материал следующим образом: шесть каменных пряслиц в виде плоских кружков; два из них известняковые, первое орнаментировано по слабо выпуклой цилиндрической поверхности двумя рядами ямок, и одна из плоскостей—рядом небрежно нацарапанных косых крестов (табл. VI, рис. 6); второе пряслице имеет отверстие высверленное на конус и лишено орнамента; третье и обломок четвертого—изготовлены из породы, имеющей вид бисквита белого и желтоватого цвета (табл. VI, рис. 13); пятое—из темного сланца очень тонкое (табл. VI, рис. 11). Сюда же следует присоединить четыре глиняные пряслица, имеющие в общем ту же дисковидную форму, но более массивные (табл. VI, рис. 10 и 12); одно, изготовленное из глины с грубой примесью, крайне небрежной работы и плохого обжига, покрытое трещинами, могло быть сочтено за грузило, если бы не имело относительно аккуратного и узкого отверстия (табл. VI, рис. 15).

Вторая группа пряслиц (два экземпляра) характеризуется коническими поверхностями с ребром на месте их соединения; сверху и снизу—плоские донца; наиболее совершенный образец—пряслице из красного шифера (табл. VI, рис. 8); вариантами этой формы служат пряслице глиняное с блюдцеобразными донцами (табл. VI, рис. 9) и пряслице из красного шифера боченкообразной формы с валиком-пояском по боковой поверхности (табл. VI, рис. 5). У третьей группы пряслиц (четыре экземпляра) донца сходят на-нет, образующие конических

поверхностей становятся выгнутыми, и общая форма предмета делается более или менее чечевицеобразной, варьируя, или в сторону шарообразной формы, или неравномерно утолщаясь в верхней и нижней частях (табл. VI, рис. 7 и 14). В археологической литературе пряслицам отводилось слишком мало внимания, почему и сарский материал не может служить опорным пунктом для каких либо заключений; интересно указание Н. Г. Первухина на преобладание кружковых и чечевицеобразных форм среди пряслиц городищ Глазовского у. Вятской губернии ¹⁶⁰); этим же разновидностям принадлежит численный перевес и на Сарском городище.

Одной из наиболее интересных находок следует признать каменную гладилку-курант ¹⁶¹) (табл. I, рис. 2); это — половина плосковатой, д. б. овальной гальки, разбитой или распиленной по плоскости, проходящей под небольшим углом к длинной продольной оси; обрез — узкая, круглящаяся к концам площадка — $9,4 \times 2,4$ см., — тщательно зашлифован; остальная естественная поверхность гальки, видимо гладкая от природы, обработке не подвергалась; орудие хорошо помещается в руке, упираясь в ладонь наиболее выпуклым краем. До некоторой степени близкие орудия в количестве до полутора десятков экземпляров были найдены В. А. Городцевым на Огубском городище Малоярославецкого у. Калужской губ., давшем вещи типичные для „дьяковской“ культуры и отдельные предметы характерные для эпохи великого переселения народов. Огубские гладилки изготовлены из валунов различной формы и обработаны иногда лишь слабым сглаживанием одной из естественных поверхностей; некоторые наиболее совершенные экземпляры отличаются от сарской выпуклостью шлифованной поверхности. Назначение орудия твердо не установлено; по мнению В. А. Городцова оно служило „утюжком“ для разглаживания кожи и швов на ней ¹⁶²); не подлежит сомнению, что это орудие при своей легкости и небольшой величине не могло употребляться, как утюг (особенно при разглаживании швов на коже) без исключительно сильного давления; указанная выше выпуклая рабочая поверхность также вряд ли была полезна в этом процессе. Изготовление орудия из камня в эпоху, когда он занял самое скромное место в обиходе, указывает, очевидно, на специфические требования производства.

Допуская употребление гладилки именно в кожевенном деле мы предпочли бы искать область ее применения в химической части производства, где орудие из дерева, кости, глины или металла подвергалось быстрому снашиванию или требовало тщательного ухода. Остановившись в небольшой брошюре на способах дубления кожи у различных племен с примитивным укладом жизни К. Вейле указывает, что на евразийском, африканском и американском материках распространено м. п. втирание дубящих веществ в кожу „мышцелком руки или кулаком“¹⁶³); нет ничего естественнее предположить на некоторой более высокой ступени цивилизации замену руки каменным орудием, небольшим, легко подвижным и долговечным. Прекрасной иллюстрацией может служить способ дубления овчины у кустарей Медынского уезда Калужской губернии при помощи втирания кирпича с краской с золой и мылом¹⁶⁴). Другие моменты в том-же кожевенном производстве, когда могло применяться каменное орудие—окрашивание кожи втиранием цветной мази, что практикуется индейцами С. Америки¹⁶⁵), и лощение¹⁶⁶); эти процессы, однако, являются вторичными, не обязательными, и основное, искомое применение гладилки-куранта скорее всего было связано с процессом дубления. Что касается датировки орудия, то сходство с Огубскими экземплярами позволяет отнести его к древней поре обитания городища, представляя точное установление периода бытования будущему времени, когда соберется надежное количество подобных предметов. М. б., сюда же, как гладилки-курранты, следует присоединить и два толстоватых призматических сланцевых бруска, отмеченных выше при описании оселков (стр. 50).

Переходя к памятникам металлургии прежде всего следует выделить тигли,—небольшие сосуды с относительно тонкими стенками, имеющие форму опрокинутой трехгранной пирамиды¹⁶⁷); глина темно-серая, ноздреватая, пережженная; поверхность сосудов покрыта тонкой ноздреватой блестящей корочкой шлака. Кроме одного целого экземпляра (табл. VI, рис. 1), найдены обломки не менее чем от семи других; по сравнению с обыкновенными черепками они отличаются значительной легкостью. Находка подобного тигля на Сарском же городце отмечена в атласе к Трудам I Археологического Съезда¹⁶⁸), но сам тигель в

„мерянской“ коллекции не сохранился. Второй случай известен из раскопок А. А. Спицына в Вятской губернии ¹⁶⁹⁾ (Еманаевское городище на Пижме?); согласно датировке этого исследователя тигель относится к X в. ¹⁷⁰⁾.

Другим орудием литейного дела являются льячки,—глиняные узкие, вытянутые в ширину глубокие ложки с вертикальными стенками; цилиндрическая короткая ручка с глухим каналом по оси служила для укрепления рукоятки; на городище найден целый экземпляр и обломки трех других ¹⁷¹⁾; на ручке целого экземпляра (табл. VI, рис. 3) глубокими небольшими ямками поставлен знак в виде двух треугольников сомкнутых вершинами; такая же льячка, но с одним более крупным треугольником была найдена в кургане с трупосожжением близ с. Михайловского, Ярославского у. ¹⁷²⁾. Целый сарский экземпляр и два обломка имеют в изломе серую глину с примесью крупных зерен кварца; стенки их относительно тонки, и благодаря небрежной работе имеют выпуклости и вдавленности, искажающие общий профиль и придающие льячке сухие и жесткие очертания; близко сходными с ними по общему характеру, являются льячки приокской финской области (например, из Подболотьевского могильника); наоборот, льячки городищ Дьякова типа обычно изготовлены из глины без крупных примесей, отличаются большей шириной; стенки их толще и правильно выгнуты; последний фрагмент Сарского городища (табл. VI, рис. 2) вполне отвечает этой характеристике.

Литейная форма представлена одной половинкой ¹⁷³⁾ (табл. VI, рис. 4) изготовленной из какой то мягкой светлой породы камня в виде прямоугольной пластинки; от одной из узких сторон начинается воронка—желоб, переходящий в лучеобразно-расположенные остродонные каналы; каждый из последних заканчивается парными небольшими полусферическими лунками; судя по небрежной работе радиальных каналов, они были только желобками для металла, и единственным продуктом литья являлись мелкие шарики—зернь, припаявшиеся к различным украшениям. Аналогии этой форме можно указать в пятом погребении Максимовского могильника Владимирской губ. Муромского у. (раскопки А. С. Уварова), датированном аббасидской монетой, чеканеной в Басре в 753—4 г.г. ¹⁷⁴⁾; имеются они

также в двух погребениях Подболотьевского могильника Муромского у. ¹⁷⁵), в древностях Лядинского могильника Тамбовского уезда ¹⁷⁶) и среди вещей Дьякова городища ¹⁷⁷); половинка формы, найденная в кургане с. Михайловского Ярославского у. ¹⁷⁸) не имеет лунок на концах лучей; м. б. вместе с половинкой тождественной сарской, она служила для отливки полушариков.

Орудием кузнечного ремесла являются щипцы (табл. V, рис. 4), железные небольшие с узкими вытянутыми губами, крупной заклепкой и отверстием для подвешивания на конце одной целиком сохранившейся ручки ¹⁷⁹).

Другим орудием того же ремесла является зубило—длинный железный брусок, почти квадратный в сечении (табл. VIII, рис. 2); один конец его утолщается, образуя слегка выпуклую ударную площадку, другой, срезанный под острым углом имеет прямое лезвие шириной в 1,6 см. ¹⁸⁰).

Наконец, как остатки материала бывшего в обращении у работников по металлу следует остановиться на небольшом слитке серебра (табл. VII, рис. 7) в виде неправильно-трехгранной палочки ¹⁸¹); вес этого слитка совершенно не использованного мастером и сохранившегося целиком—33 грамма. Остаток второго слитка бронзы ¹⁸²) имеет форму тонкого полуцилиндра; этот слиток по концам обломан и у одного из них несколько загнут. Бронза, как материал для изделий, была найдена также в виде четырехгранных дров и проволоки ¹⁸³). Железо, как сырой материал, можно было определить однажды в обрубке ¹⁸⁴) толстой полосы, отделенном от остального куска, должно быть, в раскаленном состоянии.

Здесь же в порядке последовательности следует упомянуть об отбросах, получаемых при обработке металлов, о шлаке, рассеянном спорадически в толще культурного слоя по всему городищу.

В качестве единственного памятника переработки зерна следует указать на половину жернова относительно небольшого (поперечник 40 см.), тонкого (у края—9,5 см., у центра—8 см.) с просверленным на конус отверстием ¹⁸⁵).

Вооружение и средства промыслов.

Оружие найденное на городце дает значительное количество интересных образцов, хотя и не исчерпывающих всех современных типов.

Наконечник копья найден один ¹⁸⁶⁾ (табл. VIII, рис. 1); он отличается удлинненными пропорциями, имеет узкую втулку по длине, почти равную половине всего наконечника; пластинка с небольшим расширением у втулки постепенно суживается к острию; отсутствие на ней ясно выраженных граней сближает наконечник с относительным меньшинством подобного оружия из Приладожских курганов ¹⁸⁷⁾. Полная противоположность (по пропорциям) наконечникам копий из вендельских могил говорит за туземное происхождение сарского наконечника.

Наконечников стрел железных найдено пятнадцать ¹⁸⁸⁾: два—втульчатые, остальные—черешковые; первые (табл. IX, рис. 10 и 12) имеют относительно широкое плосковатое перо подромбической формы и узкую втулку, меньшую чем половина длины всего наконечника; довольно близкие формы были встречены на Ижевском городище Вятской губернии ¹⁸⁹⁾; следует отметить находки втульчатых наконечников, правда, несколько иного контура, в Пермской губ. на Гляденовском костыше ¹⁹⁰⁾ и на р. Колве ¹⁹¹⁾ небольшой наконечник (приблизительно в два раза меньше сарского) отмечен А. А. Спицыным среди вещей с городища Дуна близ Лихвина ¹⁹²⁾. Черешковые наконечники распадаются по форме на несколько групп; первая, заключающая шесть экземпляров, характеризуется плоским подромбическим пером постепенно утолщающимся к б. ч., трехгранному, длинному черешку и незаметно переходящим в него (табл. IX, рис. 5); центральная жилка в пере если и бывает выражена, то чрезвычайно слабо и преимущественно с одной стороны; только в одном случае форма пера приближается к ромбу (табл. IX, рис. 6); в остальных лезвия значительно превосходят длиной противоположные тупые обрезы пера; последняя деталь—очертания лезвия: кроме двух случаев прямых краев и одного—выпуклых, три остальные имеют более или менее ясно выраженный s-видный изгиб (табл. IX, рис. 5). Эта группа наконечников распространена широко, и перечисление известных мест находок

при наибольшей точности все-таки было бы не полным; формой с ярко выраженной индивидуальностью следует признать наконечники с s-видным изгибом лезвия; эта черта свойственна преимущественно наконечникам из восточных губерний—Вятской и Пермской,—и не только черешковым, но и втульчатым¹⁹³); отмечается она Н. Е. Бранденбургом и в Приладожье¹⁹⁴); менее типичные экземпляры со спрямленными лезвиями ведут к форме с выпуклыми, для которой наиболее яркие аналогии дает Гнездово¹⁹⁵) и один экземпляр вендельского могильника, отличающийся удлинненными пропорциями и длинным черешком¹⁹⁶); погребение с последним вариантом датируется половиной VII в.; в смысле широты распространения гнездовская форма уступает предшествующей—со спрямленными лезвиями, однако, отдельные экземпляры ее отмечаются также и в восточных губерниях¹⁹⁷). Вторая группа наконечников, представленная тремя целыми и одним сломанным экземпляром, характеризуется удлиненным пером формы лаврового листа (табл. IX, рис. 8 и 9), в двух случаях имеющего в задней половине слабые выкружки; эта утолщенная часть переходит в цилиндр, от которого идет короткий и тонкий черешок; перо у этой группы тонкое с легким утолщением к оси; большое число аналогий дает Гнездово¹⁹⁸); два близкие экземпляра Борковского могильника отличаются короткостью и расширением пера ближе к острию¹⁹⁹). Наконец, уже не связывая в отдельную группу следует описать три наконечника, объединяемых лишь своей массивностью и качеством работы; черешок их, как у только-что описанных.—тонкий стерженек; экземпляр с пером ромбическим в сечении, с почти параллельными гранями круто сходящимися к острию, имеющий между пером и черенком короткую шейку (табл. IX, рис. 2) может быть сближаем лишь отдаленно с одним наконечником из Гнездова²⁰⁰); два остальные сарские наконечника менее массивны благодаря тому, что у них центральная часть пера как бы срезана, и поперечное сечение дает ромб только близь острия; один наконечник имеет форму лаврового листа; задняя цилиндрическая половина несколько утолщается к короткому и тонкому черешку (табл. IX, рис. 7); единственную известную нам аналогию дает наконечник стрелки кургана № 26 Гнездовского могильника, раскопанного С. И. Сергеевым²⁰¹). Наконец, последний наконечник отличается

от только что описанного почти правильной ромбической формой и утончением пера по его короткой оси, благодаря чему наиболее широкая часть наконечника является и наиболее тонкой (табл. IX, рис. 1); аналогии этой форме нами не встречены. Интересно отметить, что последние наконечники отличаются тщательностью выработки, объясняющей исключительную сохранность их и ставящую в ряд с только что упомянутым экземпляром из Гнездова. Плоские ланцетовидные формы также сработаны мастером, подчинявшимся жестким нормам, но уже без исключительной тщательности; это обстоятельство в связи с редкостью аналогий заставляет думать об их иноземном происхождении. Наконец, плоские подромбические формы первой группы резко выделяются и небрежностью работы и дурной сохранностью (кроме одного, должно быть, закаленного экземпляра совершенно не окислившегося), будучи, видимо, продуктом местной кустарной промышленности.

Остается упомянуть еще о костяном наконечнике стрелы ²⁰²) (табл. IX, рис. 3); наконечник из осколка трубчатой кости трехгранный, плосковатый, формы лаврового листа, в чем выражается уклонение от более распространенного варианта наконечников с трехгранным пером круто обрезанным при переходе в черешок. В этом уклонении от традиционного старого типа, в вялости формы как бы сказывается вырождение костяной индустрии, связанное с распространением железа; относительно хорошая сохранность наконечника также говорит за более позднее время чем „дьяковская“ культура.

В число оружия предположительно отнесены два длинных четырехгранных острия (в сечении квадратных) с цилиндрическим и уплощенным черенком, как наконечники дротиков ²⁰³) (табл. IX, рис. 13).

Часть железной кольчуги ²⁰⁴) скипевшейся от ржавчины в сплошной ком завершает ряд находок связанных с военным делом.

Орудия промыслов представлены крайне незначительным количеством находок; следует заметить, что за исключением уже описанных стрел следовало ожидать находок рыболовных крючков и, пожалуй, кос, серпов и ральников; отсутствие первых легко объяснить их непрочностью; отсутствие предметов земледельческого инвентаря может быть случайным.

Как обломок костяного гарпуна ²⁰⁵) (табл. IX, рис. 4) приводим поделку плохой сохранности; определение ее основывается столько же на общем контуре, сколько и на соответствии по величине с обычными гарпунами городищ Дьякова типа; стержень цилиндрический с бугроватой поверхностью, говорящей за большую первоначальную толщину его; наконечник лучше сохранился у острия; от бороздки осталась только основная часть; поверхность сильно выветрилась; поделка принадлежит, видимо, к древней поре обитания побережья Сары.

Указанием на рыболовный промысел служат также три грузила для сетей ²⁰⁶): одно глиняное эллипсоидальное, другое такой же формы из мягкой породы камня (табл. VIII, рис. 5); и третье дисковидное с отверстием в виде двух сходящихся конических углублений (табл. VIII, рис. 6); материал — мягкий известняк; аналогии последней форме, кроме раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева во Владимирской губернии ²⁰⁷), можно указать в Огубском городище Калужской губ. ²⁰⁸). Здесь же следует упомянуть о плосковатой гальке неправильной формы с круглым отверстием ²⁰⁹), которое может быть обязано своим происхождением сверлящему моллюску; употребление же камня как грузила представляется вероятным.

Поскольку с промыслами, торговлей и походами связано пользование средствами передвижения, в описываемую группу входит заклепка от лодки, цилиндрический стержень с шляпками на концах — округлой и ромбической ²¹⁰) (табл. X, рис. 3); эти заклепки встречены в огромном количестве в Гнездове, Приладожьи ²¹¹) и сопровождают предметы скандинавской культуры эпохи викингов.

Наконец, памятником торговых сношений являются два диргема ²¹²), один из которых, по определению В. К. Трутовского, саманидский, Исмаила сына Ахмеда (892—907 г.г. н. э.) бит в Самарканде; другой, сильно попорченный, м. б. того же времени.

Предметы и обломки неясного назначения.

В предшествующих отделах описаны предметы, назначение которых или установлено или устанавливается с известной достоверностью. Остается еще значительное количество вещей, об

употреблении которых можно высказываться лишь предположительно и в широких границах. Несмотря на то, что научное использование этого материала не может быть исчерпывающим, опубликование его, пожалуй, не менее необходимо чем описанного выше. Иначе дело обстоит с бесформенными обломками, которые не дают никаких данных для параллелизации с находками в других местностях и не объясняются привлечением сравнительного материала. Этот род находок не приводится в описании за исключением небольшого числа фрагментов относящихся, видимо, к древнейшей поре обитания городища.

Среди предметов из бронзы первыми заслуживают внимания три длинных тонких заостренных стержня ²¹³); один из них имеет длину в 31 см. (табл. VIII, рис. 9), другой — 17,5 см. и третий — 12,5 см. (табл. X, рис. 1); вершина или имеет небольшую гранчатую головку, или покрыта зарубками, или слегка уплощена (табл. X, рис. 1). Поиски аналогий приводят в Гнездовский курганник, Люцинский могильник, в курганную группу близ с. Михайловского и в Глазовский уезд, Вятской губернии ²¹⁴): во всех перечисленных пунктах были сделаны находки бронзовых булавок и язычков от кольцевых фибул с пластинчатыми головками, украшенными в „зверином“ стиле и обычных в скандинавских памятниках эпохи викингов ²¹⁵). Отсутствие этих головок у сарских стержней могло быть результатом их отливки отдельно, если предположить изготовление на городище предметов скандинавского стиля; труднее объяснить исключительно-большую величину первой булавки, для которой аналогий не встречено, если не считать булавки вдвое большей длины с о. Готланда, относящейся к бронзовой эпохе ²¹⁶). Следует добавить, что раскопками А. С. Уварова и П. С. Савельева в некоторых курганах Владимирской губернии были обнаружены очень небольшие бронзовые булавки с отверстием в головке; известны они и в Пермской губернии в X—XIV в.в. ²¹⁷). При всей условности даваемого определения, — особенно по отношению к наибольшему стержню, — оно представляется в настоящее время единственным.

Украшением пояса, портупей или сбруи могла служить бляха круглая массивная, слегка выпуклая с остатками позолоты ²¹⁸) (рис. 11); на обратной стороне ее четыре-тупых штифта. Лицевая сторона украшена концентрическими кругами бугорков в форме

половины ржаного зерна и мелкими — подражающими зерни; последние на среднем поле собраны в четыре крестообразные фигуры вокруг центрального, более крупного бугорка. Стиль и характер работы выделяют бляшку не только из общей массы городищенских предметов, но и вообще из круга обычных памятников эпохи; в очень отдаленной степени она напоминает тонкие бляшки—украшения из Глазовского уезда Вятской губернии ²¹⁹); отсутствие более близких форм затрудняет датировку; суховатая, четкая геометрическая орнаментация, несвойственная западным и туземным вкусам должна указывать скорее всего на восточное изготовление и время более позднее, чем эпоха процветания городка. Далее следует упомянуть два бронзовые стержня ²²⁰), один—небольшой в виде уплощенного веретена с ушком на конце и несложным орнаментом зарубками, второй—длинный призматический с округлыми ребрами, напоминающий рукоятку современного металлического столового ножа; аналогию для первой формы дают раскопки А. С. Уварова и П. С. Савельева ²²¹).

Наконец, указанием на четыре случая находки обломков тонкой пластинчатой обивки ²²²) исчерпываются фрагменты бронзовых предметов, имеющих определенную форму.

Поделки и обломки предметов из железа особенно многочисленны; из общей массы стерженьков, пластинок, скобок и т. п. выделяются: наконечник какого-то орудия (табл. X, рис. 12) в виде четырехгранного, слегка изогнутого и заостряющегося к концу стержня с четырехгранным же черенком ²²³); наконечник другого орудия (табл. V, рис. 3) в виде желобообразной широкой пластинки, края которой уничтожены ржавчиной, со втулкой согнутой из продолжения той же пластинки ²²⁴); аналогичный предмет, но хорошей работы и лучшей сохранности приводится в труде шведских археологов Стольпе и Арне (вендельские раскопки) и определяется, как чистик для копыт ²²⁵). Далее следует упомянуть: предмет, напоминающий обломанный наконечник стрелы с пером в виде узкой и длинной лопатки (табл. IX, рис. 11) ²²⁶); обломок железного согнутого дрота, как бы часть пряжки ²²⁷); обойму цилиндрическую с концом загнутым в петлю (табл. V, рис. 8) ²²⁸); подобный предмет из раскопок Н. И. Булычева на городище у с. Гремячего, Калужской губернии определяется А. А. Спицыным, как

„язычок или часть удил“²²⁹). Наконец, последние железные предметы, выделяем из массы обломков—два клина²³⁰), один из которых раздвоен в обушковой части (табл. X, рис. 11).

Кость дала также достаточное количество предметов, назначение которых установить невозможно; подчас это—куски материала еще в первичной стадии обработки. Из числа совершенно законченных вещей выделяются: цилиндр со сквозным отверстием по оси (табл. XII, рис. 1), изготовленный из трубчатой кости²³¹); его обрезы вогнуты; два обломка в виде притупленного конуса²³²); один из них (табл. XII, рис. 6) имел, видимо, четырехугольный поперечный прорез; возможно предположить, что это обломок цурки (стерженька, продеваемого в петлю подобно пуговице), сходной, например, с найденной в Верхне-Салтовском могильнике Харьковской губ.²³³); часть трубчатой кости крупного животного²³⁴) сильно выветрившаяся (табл. XII, рис. 5), своим клиновидным выступом напоминающая костяные топоры костеносных городищ²³⁵); в такой же степени сношен материал туповатого острья (табл. XII, рис. 10) из куска трубчатой кости²³⁶); в качестве возможных проколов добавляются два острья, не имеющие, видимо, следов искусственной обработки²³⁷). Переходя к заготовкам, следует прежде всего остановиться на трех кусках рога²³⁸); один из них (табл. XII, рис. 7) имеет кольцевую зарубку, другой (табл. XII, рис. 4),—конечная часть рога,—кроме боковой зарубки у вершины сохранил с одной стороны часть орнаментального пояска из двух рядов зубчатой линии в плоском рельефе и одного ряда чередующихся гладких и заштрихованных треугольников, что ставит этот обломок в непосредственную близость к описанным уже гребенке с конскими головками и обломку рукоятки ножа; третий клиновидный кусок (табл. XII, рис. 8) имеет следы отпиливания у основания и сбоку, остальная же боковая поверхность частично сглажена небольшими срезами; наиболее узкая часть куска опилена с двух сторон так, что сохранилась тонкая пластинка, контур которой пострадал от времени. Заготовка из трубчатой кости представлена цилиндрическим куском, поверхность которого несет следы грубой, первичной обтески²³⁹).

Группа каменных предметов не поддающихся точному определению включает всего три предмета. Первый — чашечка

(табл. VI, рис. 16) мелкая, овальная, песчаниковая ²⁴⁰); происхождение ее может быть так же естественным, как и искусственным; с большой уверенностью можно назвать искусственной частичную обработку бережка. Применение ее, например, в качестве небольшой ступки, могло иметь место как в производстве, так и в домашнем быту; чашечки из камня были встречаемы Н. Г. Первухиным при раскопках в Глазовском у. Вятской губернии ²⁴¹). Далее следует привести обломок плитки (табл. VIII, рис. 8), д. б. удлиненной; ее верхняя и нижняя стороны выточены в виде разложестых желобов ²⁴²); материал—песчаник; поверхность камня гладко зашлифована. Аналогий этому предмету встретить не удалось. Наконец, последний предмет из камня, определяемый условно как курант—песчаниковый валун (табл. VIII, рис. 7) в форме усеченного конуса ²⁴³) с отбитым концом, вряд ли получивший искусственную обработку.

Рассмотрение вещественного материала, добытого раскопками на городце дает картину его длительного существования, намечает до некоторой степени этнический состав его населения, культуры, сменяющиеся в различные эпохи и роль в областной жизни.

Единичные находки черепков каменного периода и бронзовой эпохи, конический курант и каменные молотки указываемые в работах Уварова и Титова говорят только о населенности Сарской луки в глубокой древности; вопрос о значительности этих поселков для областной до-истории отпадает пока сам собой. Более отчетливо выступает культура древнейших городищ в позднейшей ее стадии, т. е., в первые 5 столетий нашей эры, когда в обиходе, наряду с изделиями из кости и немногочисленными предметами из железа, появляются поделки бронзовые, частые среди финских древностей и намечаются следы сношений с населением южно-русских степей. Памятниками этого времени на городце служат: курант-гладилка, обломок льячки, костяные острия и иглы для вязания, наконечник стрелы, гарпун и топор из кости, ножи железные с черешком поднятым до уровня обушка и, иногда, горбатые; к этой же эпохе, а м. б. к началу следующей относится единственная бронзовая пряжка не-местного типа.

Следующая культура отражаемая городищенскими находками—финская; открытие ее в центре Ростовской области, где по летописному указанию обитала меря, должно начать восстановление облика материальной культуры племени, существование которого археологическая наука последних десятилетий скорее допускала, чем признавала: эта культура для Сарского городища может считаться основной, заслоняющей остальные: среди ее памятников с одной стороны могли бытовать местные пережиточные формы орудий предшествующей поры, а с другой—находить место заимствования из пришлых культур, главным образом,—славянской и скандинавской. Преобладание финской культуры и сила ее традиций особенно ярко сказывается в керамике, на что было указано выше.

Вся совокупность предметов относящихся к этой культуре может быть подразделена на две группы, одна из которых обнаруживает большую близость к древностям восточных финнов Прикамья, а другая—к культуре финнов центральной области, в частности—Оки. Несомненно такое разграничение не может быть безусловным, и проводя его приходится считаться с относительной характерностью некоторых предметов для отдельных частей огромной территории.

В первую группу входят: копоушки, пластинчатый гребень с головками лошадей, амулеты—астрагал и медвежий коготь, рукоятка ножа, заготовка из рога со следами орнамента, две шумящие привески, пластинчатый перстень и огнива—пластинки; может быть сюда же следует прибавить втульчатые наконечники стрел и некоторые пластинчатые черешковые. Не повторяя вновь данных о распространении отдельных видов только что перечисленных памятников, уместно напомнить о почитании медведя у исконного населения восточных губерний, следами чего в вещественных памятниках являются изображения медведя или его головы (Камская область и Томск), когти и их воспроизведение из бронзы (Приуралье, Ярославск. и Владимирск. губ.) и глиняные изображения медвежьей ступни (Финляндия, Ярославск. и Владимирск. губ.); медвежьи зубы и когти входили в украшение костюма мордвы. Большим распространением у восточных финнов пользовались привески—птицы и пластинки с парными конскими головками, хотя отдельные разновидности их встреча-

ются и в приокской области, что для изображений связанных с культом медведя, можно отметить далеко не часто.

Во вторую группу предметов связываемую более с культурой средне-русских финнов входят: топор узкий втульчатый, скобель с загнутыми концами, льячка, литейная форма, браслет дровотый с расплюснутыми концами, шумящая привеска с пронизкой и бутылкообразные подвески.

Таким образом материальная культура мерян имеет достаточно ярко выраженный отпечаток связи с культурой финнов Востока. Сношения последних с населением бассейна Зап. Двины и Прибалтики намечаются отдельными памятниками, из которых заслуживают внимания подвески—астрагалы и костяные уточки Люцинского могильника и Приуралья, бронзовые булавки также из Люцина и с Камы. Сарское городище для этой группы предметов дало: астрагал и бронзовые стержни; кроме того, связь с финским Западом подтверждается находками спирального кольца из трехгранной полоски (часто в Люцине), серебряной застежки, которую А. А. Спицын определяет как литовскую, и янтарной бусины. Торговая связь со скандинавами очерчена достаточно ярко: на городище найдены почти все виды предметов типично-норманских: бронзовая фибула, „обращенная“ лунница, гребни, подковка, заклепка от лодки и бронзовый наконечник ножен меча (из находок Савельева); м. б. сюда же следует присоединить „овечьи“ ножницы, скобель, сковороду, а также железные гривны и браслеты. Конечно, весь этот комплекс предметов не дает никакого основания утверждать господство норманнов над туземцами,—даже предполагать постоянное обитание варягов в городке; присутствие варяжского гарнизона должно было бы выразиться как другим составом находок, так и большим количеством иноземных вещей.

Немногие предметы, связанные происхождением с арабским и монгольским Востоком: диргеми, м. б., замки, шарнирные ножницы, поздняя бронзовая золоченая бляшка и черепки лощеной желто-розовой керамики говорят о естественной для области торговой связи с восточными центрами.

Последний культурный комплекс,—предметы бытовавшие у славян—представлен на городище разнообразными височными кольцами (часть которых находит аналогии в курганах Смолен-

ской и Тверской губерний, указывая путь колонизации из кривичской области), браслетом также близким смоленским формам, серебряной бляшкой известной на обширной территории, топором проушным и огнивом „калачиком“; сюда можно было бы присоединить значительное количество предметов оставляемых в стороне из-за бытования их у различных этнических групп (напр., браслеты и оселки); решающим моментом в вопросе о значительности славянского элемента на городке должно служить сопоставление остатков керамики типичной для славян с керамикой несомненно туземного характера. Относительно скромное количество первой, заставляет предполагать или недолгое пребывание славян на городке, или заимствование отдельных черт славянской культуры финнами, т. е., еще более сократить роль пришлого населения сравнительно с туземным, мерянским.

В 1820 году Н. Бояркин описывая „городище на реке Сарре“ в „Вестнике Европы“, задает „ученым, опытным в Истории и познании древностей мужам“ вопрос: „Военный ли это памятник? или не принадлежит ли он к древнему языческому в России богослужению“? Так смутно и прямолинейно вставал 107 лет тому назад вопрос о значении городка с точки зрения краеведения. Второй вопрос решается в отрицательном смысле отсутствием сооружений и памятников ритуального характера, (которые, пожалуй, могли и не открыться небольшими раскопками при значительном разрушении городища) и в еще большей степени—остатками бытовых предметов, свидетельствующих о деятельности и промыслах населения; на первый вопрос дает ответ и практическое значение крупных защитных сооружений городка и самое его положение на излучине реки перед выходом ее из холмистой местности в обширную равнину Ростовского озера. Открытие за последние два года следов поселений по берегам самого озера, значительно превосходящих возрастом Сарское городище, указывает на исконную древность обитания ростовского побережья; в таком случае, городок на Сарре мог играть роль укрепления запиравшего путь с юга к одной из наиболее густо населенных и богатых областей—к ростовской котловине. Сооружение городищенских валов предшествовавшее расцвету городской жизни на сарской луке естественнее всего приписать мерянам, хозяевам края; стратегическое значение

городка, конечно, выдвигается в качестве возможного; политическая история страны не дает указаний на предпочтительность защиты именно Сарского водного пути, а не дороги по Которосли, соединяющей озеро Неро с Волгой, где опасность представляется более возможной.

Несравненно полнее и обстоятельнее отвечают раскопки городища на основные вопросы о жизни его бывшего населения. Небольшие размеры площади, даже включая оба болонья, заставляют сомневаться в большом числе постоянных жителей и указывают на городок скорее, как на убежище для окрестного населения в случае опасности. Обилие костей домашних животных — малорослой коровы, лошади и свиньи говорит за относительно развитое скотоводство; кости бобра и подделки из рога оленя указывают на охотничий промысел, которого и следовало ожидать в крае, сохранившем лесные богатства даже в историческую эпоху. В полном соответствии с этим орудия хлебопашества совершенно отсутствуют; на обработку же зерна указывает находка обломка жернова; недостаток своего хлеба и привоз его извне отмечает и летопись. Таким образом добывающая промышленность для района ограничивается охотой, рыбной ловлей и скотоводством по преимуществу. Значительная часть находок орудий труда отводит первенствующее место в занятиях городского населения ремеслам; из этих последних особенно выделяется обработка металлов — меди (ее сплава — бронзы) и железа; многочисленные обломки тиглей, льячки и т. д. говорят за обслуживание окрестного населения в достаточно широком размере теми мелкими бронзовыми украшениями, которые так обычны на финском костюме и относительно бедны в уборе славянском; раскопки старых городищ, открывающие развитие литейного и кузнечного дела у финнов согласуются с данными финского народного эпоса говорящего о привычке народа к обработке металлов. Обитателям городка были также знакомы и другие ремесла требующие меньшей специализации, более повседневные: обработка дерева, волокнистых веществ и, м. б., кожевенное производство. Значение пункта как узла обрабатывающей промышленности в краевом масштабе не подлежит сомнению, м. п. и потому, что других аналогичных городищ в пределах Ростовского уезда пока не обнаружено; в дальнейшем они

м. б. и откроются, но вряд ли число их окажется значительным. Находки на городище указывают, что торговая роль пункта переросла узко-местное значение: купцы северо-германского Запада везли сюда оружие, украшения и разного рода мелочь, которая благодаря совершенству выработки конкурировала с туземным производством. Вряд ли меньшее значение имела торговля с Востоком; кроме восточных монет на городище найдено очень немного предметов, происхождение которых можно приписать болгарским или арабским мастерским; факт значительности и продолжительности торговых сношений с Востоком указывается во-первых, находкой более чем шестидесяти серебряных монет, значительная часть которых относится к VIII веку и меньшая—первой половине IX века, а во-вторых случайным открытием нескольких десятков медных Туркестанских монет XI-го века. Если перечень товаров получаемых из-за границы по вполне естественным причинам не может быть восстановлен полностью городищенскими находками, то определение продуктов вывозимых из области приходится делать целиком основываясь на природных условиях края и сообщениях арабских путешественников; оба эти источника заставляют видеть главный экспортный товар в ценных мехах, спрос на которые был особенно велик у восточных народов; кроме того могли вывозиться кожи, мед и воск. Не следует забывать, что городок на Саре, как и вся Ростовская котловина с ее многочисленным населением лежала в непосредственной близости к одной из крупнейших торговых артерий—Волжскому водному пути, связывавшему Прикаспийский Восток с Прибалтийским Западом; обилие скандинавских изделий в районе указывает на внимание норманов к последнему, а так как им были свойственны только две роли—купцов и грабителей,—естественно заключить об уменьшении местного населения пользоваться природными богатствами края и выгодами его положения для создания торговых связей; с этой точки зрения пути сношений Верхнего Поволжья с Волжской Булгарией представляются проторенными местным финским населением, м. б. в VIII веке, и уже по готовому следу двинулись позже торговые и разбойничьи предприятия варягов.

Такими чертами обрисовывается роль Сарского городка и характер деятельности его обитателей на основании раскопок

1924—1925 г.г. Решение ряда вопросов из до-истории края поставило на очередь группу новых задач; надо надеяться, что дальнейшее накопление знаний пойдет безостановочно, и прошлое одной из центральных областей Союза Республик выступит перед наблюдателем в виде последовательно сменяющихся одна другую стадий эволюционного развития материальной культуры ее населения.

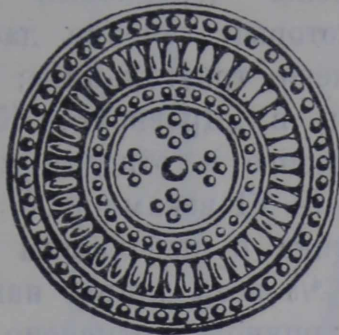

Рис. 11.

Д О П О Л Н Е Н И Е.

Продолжающаяся разработка карьера захватила юго-восточное болонье и подошла к последнему напольному валу. Ростовскому Музею удалось приобрести несколько предметов из уничтоженного культурного слоя. Среди них особенно интересны следующие (рис. 12):

а) Наконечник стрелы черенковый с тремя массивными перьями, благодаря которым сечение дает фигуру почти правильного равностороннего треугольника; подобный наконечник приводит А. А. Спицын в „Древностях Камской Чуди“ (табл. I, рис. 47) из с. Ильинского и относит к древнейшим чудским памятникам, датируя III—VI веками н. э.

б) Наконечник дротика с небольшим бородчатым пером и втулкой равной почти $\frac{4}{5}$ всей длины наконечника. Оружие это, называемое иногда гарпуном, отмечено исследователями на обширной территории, в которую входят м. п. губернии: Вятская (Глазовский уезд), Пермская (собр. Теплоуховых), Ленинградская (раск. Н. Г. Бранденбурга), Финляндия (атлас Аспелина), б. Лифляндия (там же). Тверская губ. (собр. Г.И.М.), Владимирская (Максимовский могильник), Рязанская (Борковский, Кошибеевский и Курманский могильники), Тамбовская (Лядинский могильник), и, наконец, Уфимская (разрушенный Бахмутинский могильник); отмеченные литературой находки безусловно не исчерпывают всех найденных наконечников описываемого типа; при всем этом отчетливо выступает непосредственная связь его с финской культурой; областью, откуда эта форма распространилась естественнее всего признать восточные губернии, где и датировка ее может быть наиболее ранней.

в) Двухзубая острога, у которой один зубец является продолжением древка, а другой—боковым параллельным ответвлением; острия имеют по одной бородке; относительно короткий черенок

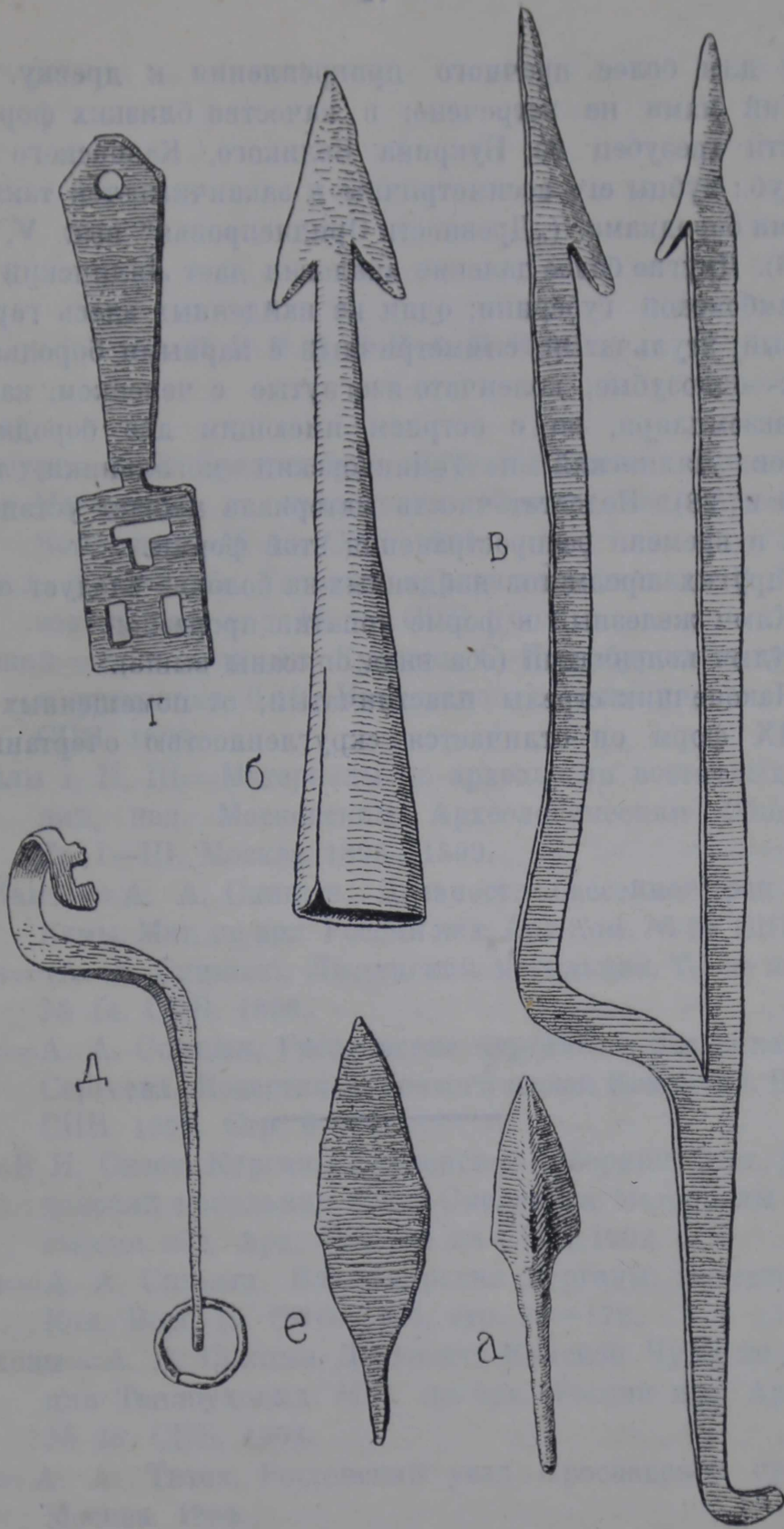

Рис. 12.

загнут для более прочного прикрепления к древку. Точных аналогий нами не встречено; в качестве близких форм можно привести трезубец из Букрина Великого, Кавовского у. Киевской губ.; зубцы его ассиметричны и заканчиваются также ординарными бородками. („Древности Приднепровья“ вып. V, табл. V, рис. 76). Другие более далекие аналогии дает Лядинский могильник Тамбовской губернии; один из найденных здесь гарпунов—двузубый, втульчатый, симметричный с парными бородками; два других—однозубые, коленчато-изогнутые с черенком, как у сарского экземпляря, но с острием имеющим две бородки (В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники, табл. X, рис. 26 и 28). Недостаточность материала мешает установлению района и времени распространения этой формы.

Из других предметов найденных на болонье следует отметить:

- г) Ключ железный в форме лопатки прорезной.
- д) Ключ коленчатый (оба вида описаны выше).
- е) Наконечник стрелы пластинчатый; от помещенных на таблице IX форм он отличается скругленностью очертаний пластинки.

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Сокращения:

Бранденбург—Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. Материалы по археологии России, изд. Археологич. Комиссией. № 18. СПб. 1895.

Глазов—А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. То-же изд. № 29. СПб. 1903.

Ивановский—А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. То-же издание. № 20. СПб. 1896.

Материалы I, II, III—Материалы по археологии восточных губерний, изд. Московским Археологическим Обществом. Тт. I—III. Москва 1893—1899.

Ока и Кама = А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Мат. по арх. России изд. Арх. Ком. № 25. СПб. 1901.

Романов—(А. А. Спицын). Люцинский могильник. То-же издание. № 14. СПб. 1893.

Сергеев—А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. Известия Археологической Комиссии. Вып. 15. СПб. 1905. Стр. 6—70.

Сизов—В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Вып. I. Гнездовский могильник близ Смоленска. Материалы по арх. России изд. Арх. Ком. № 28 СПб. 1902.

Спицын—А. А. Спицын. Владимирские курганы. Известия Арх. Ком. Вып. 15. СПб. 1905, стр. 84—172.

Теплоуховы—А. А. Спицын. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых. Мат. по арх. России изд. Арх. Ком. № 26. СПб. 1902.

Титов = А. А. Титов. Ростовский уезд Ярославской губернии. Москва. 1885.

Ястребов—В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. Мат. по арх. России, изд. Арх. Ком. № 10 СПб. 1893.

Дневник—Дневник раскопок на Сарском городище 1924—25 г.г.

Номера предметов соответствуют номерам описи коллекции, хранящейся в Ростовском Государственном Музее.

¹⁾ Н. Бояркин. Городище на реке Сарре. Вестник Европы 1820 г. ч. 113, стр. 511. ²⁾ В настоящей работе сохранившийся напольный вал называется первым, ограничивающий площадь городца от южного болонья—вторым, и, наконец, отделяющий это болонье от самого конца массива—третьим. ³⁾ На прилагаемом плане нанесены только траншеи раскопок 1924—25 г.г. и крупнейшие ямы, покрывающие площадь городца. Фиксация всех разрушений не входила в план работ; Ростовский Гос. Музей принял под свою защиту памятник; одной из первых задач является составление плана городища с исчерпывающей точностью и полнотой. ⁴⁾ Судя по цитированной выше заметке Н. Бояркина с внешней стороны каждого из четырех валов было по рву; в настоящее время от трех не сохранилось никаких следов. ⁵⁾ А. А. Титов, стр. 355. ⁶⁾ *ibid.* ⁷⁾ Полное собрание русских летописей т. VII, стр. 121. ⁸⁾ Охран. Каталог Рост. Гос. Музея, № 2625. ⁹⁾ Титов, стр. 403. ¹⁰⁾ Крестьяне с. Дебол рассказывали А. А. Титову, что старики находили в восточной части (городища?) на окраине „остатки кирпича, как бы фундамента“ (Титов стр. 353). При наших двухлетних работах нам ни разу не попало даже обломка кирпича. ¹¹⁾ Уваров, стр. 32. ¹²⁾ *ibid.* стр. 33. ¹³⁾ *ibid.* стр. 198. ¹⁴⁾ *ibid.* стр. 33 сл., 120 и „Опись мерянским древностям, находящимся в Румянцевском Музее в Москве“ №№ 597, 598, 733 и 734. ¹⁵⁾ *ibid.* стр. 184. ¹⁶⁾ Титов, стр. 357. ¹⁷⁾ *ibid.* стр. 356—359. ¹⁸⁾ Спицын, стр. 94. ¹⁹⁾ Дневник. Траншея пятая. ²⁰⁾ Напр. Дневник. Траншеи пятая и шестая. ²¹⁾ „История Ростова Великого о его князьях и перархах“ (Охр. Кат. Рост. Музея. № 241) стр. 325, примечание 494. ²²⁾ А. А. Спицын. Поездка на озеро Кафтино и Бологое. Изв. Арх. Ком. вып. 6; стр. 74. ²³⁾ Дневник. Траншея седьмая. ²⁴⁾ Дневник. Траншея девятая. ²⁵⁾ Дневник. Траншея пятая. ²⁶⁾ Дневник. Траншея третья. ²⁷⁾ А. А. Спицын.

Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева Изв. Арх. Ком. вып. 15. стр. 69. ²⁸⁾ И. А. Тихомиров. Поездка на р. Мсту. Зап. Отд. Русск. и Славянск. Археологии Русск. Археол. О-ва т. V. в. I. стр. 4. ²⁹⁾ А. А. Спицын. Поездка на озеро Кафтино и Бологое и раскопки близь Рыбинска. Изв. Арх. Ком. вып. 6, стр. 74 сл. и рис. 20. ³⁰⁾ А. В. Тищенко. Отчет о раскопках 1910 и 1911 гг. в Новгородской губернии. Изв. Арх. Ком. вып. 53, стр. 1 сл., рис. 6. ³¹⁾ Подробности о валах см. Дневник. Траншея первая и восьмая. ³²⁾ Гр. А. С. Уваров. Сборник мелких трудов. т. II, стр. 168 сл. ³³⁾ *ibid.* ³⁴⁾ №№ 6, 7, 9, 199, 239, 5 и 8. ³⁵⁾ Спицын, стр. 113. ³⁶⁾ №№ 1—4, 240—242. ³⁷⁾ По этому принципу устроено скрепление м. п. у некоторых височных колец Подболотьевского могильника Муромского уезда Владимирской губернии, но несравненно грубее. ³⁸⁾ Этот прием встречается на поздних височных кольцах с ромбическими расширениями, но полость приемника представляет толстостенную трубку. ³⁹⁾ №№ 10—14, 243—257. ⁴⁰⁾ Глазов, стр. 24. ⁴¹⁾ *ibid.* табл. XXV, рис. 46. ⁴²⁾ *ibid.* стр. 22. ⁴³⁾ *ibid.* ⁴⁴⁾ №№ 258 и 259. ⁴⁵⁾ Сизов, стр. 49. ⁴⁶⁾ Коллекции Гос. Исторического Музея. Указатель памятников Рос. Ист. Музея 1893 г. стр. 246 и 253. ⁴⁷⁾ № 15. ⁴⁸⁾ Собрание Гос. Ист. Музея (по каталогу Румянцевск. Музея № 2104). ⁴⁹⁾ Сергеев, стр. 25, рис. 17. ⁵⁰⁾ Спицын, стр. 107. ⁵¹⁾ См. напр. коллекции Гос. Ист. Музея из Пермской губ. Соликамского у. Купровской вол. и из Вятской губ., инв. №№ 28183, 36221 и 36222. ⁵²⁾ №№ 260—262. ⁵³⁾ Материалы, III, табл. II, рис. 4 и 11. ⁵⁴⁾ Коллекции Г. И. М. ⁵⁵⁾ В Ярославской и Владимирской губ.—Спицын, рис. 441 и 442 и коллекции Ярославского Ист. Музея из курганов с. Михайловского; в окр. г. Муром—Ока и Кама, табл. XXIX, рис. 12; в Томниковском могильнике, Тамбовской губ.—Ястребов, рис. 19а; в Глазовск. у. Вятской губ.—Материалы II, табл. XIV, рис. 1. ⁵⁶⁾ Н. Е. Макаренко, Новленский и Заколпский могильники Владимирской губ. Тр. Владим. уч. Арх. Ком. кн. X, Владимир, 1908. стр. 20 сл.; В. В. Гольмстен. Хронологическое значение эволюции древних форм. Отг. из Известий Самарск. Гос. Университета; вып. V, Самара. 1923 г. стр. 17. ⁵⁷⁾ № 22. ⁵⁸⁾ Спицын, рис. 185. ⁵⁹⁾ *ibid.* рис. 196; Ока и Кама, табл. XXVI, рис. 19; коллекции Г. И. М. и Эрмитажа. ⁶⁰⁾ Материалы II, табл. X, рис. 19, и табл. XI, рис. 2. ⁶¹⁾ № 16. ⁶²⁾ Теплоуховы, стр. 31. ⁶³⁾ № 264. ⁶⁴⁾ Мате-

риалы I, табл. XI, рис. 27 и II, табл. IV, рис. 14 и 15; Теплоуховы, т. XXI, рис. 6. ⁶⁵⁾ Погребение № 150 (трупосожжение); коллекция Г.И.М. ⁶⁶⁾ Романов, табл. VIII, рис. 3; приложение, стр. 13. ⁶⁷⁾ №№ 17 и 263. ⁶⁸⁾ Коллекция Ярославского Ист. Музея. ⁶⁹⁾ № 18. ⁷⁰⁾ Сизов, стр. 39, табл. I, рис. 8. ⁷¹⁾ *ibid*, табл. V, рис. I; табл. XIII, рис. 2; Бранденбург, табл. I, рис. 2. ⁷²⁾ O Montelius, *Kulturgeschichte Svedens*. Leipzig 1906, стр. 236 сл. ⁷³⁾ V. Salin, *Die Altgermanische Thierornamentik*. Stockholm. 1904, стр. 81, рис. 182. ⁷⁴⁾ Г. К. Гейкель. Из финляндской археологической литературы. Изв. Арх. Ком. вып. 38, СПб, 1911, стр. 63, рис. 81. ⁷⁵⁾ № 19, 265—267. ⁷⁶⁾ Романов, стр. 32; Приложение стр. 15, табл. VI, рис. 7. ⁷⁷⁾ № 268. ⁷⁸⁾ Ока и Кама, стр. 29, табл. XVII, рис. 2. ⁷⁹⁾ № 21. ⁸⁰⁾ №№ 24—28, 270—272. ⁸¹⁾ Спицын, рис. 304. ⁸²⁾ №№ 273, 274. ⁸³⁾ № 269. ⁸⁴⁾ №№ 275—277. ⁸⁵⁾ Теплоуховы, табл. XV, рис. 3. ⁸⁶⁾ Бранденбург, табл. IV, рис. 15. ⁸⁷⁾ Романов, стр. 44. ⁸⁸⁾ Ока и Кама, стр. 40. ⁸⁹⁾ № 422. ⁹⁰⁾ №№ 30, 290—293. ⁹¹⁾ № 294. ⁹²⁾ Материалы II, табл. V, рис. 12 и VI, рис. I; ср. также коллекции Г.И.М. ⁹³⁾ Раскопки И. А. Тихомирова, коллекция Г.И.М. ⁹⁴⁾ Материалы II, табл. IV, рис. 11 и табл. V, рис. 26; в 1926 г. на Дондыкарском городище А. П. Смирнов нашел м. п. копоушку, украшенную только такой резьбой. ⁹⁵⁾ V. Salin, *op. cit.* стр. 190; A. Riegl, *Die Spätromische Kunstindustrie nach den Funden in Österreich—Ungaru, I Theil*. Wien. 1901, стр. 167, рис. 74. ⁹⁶⁾ №№ 29, 281—289. ⁹⁷⁾ Материалы II, табл. V, рис. 3 и 1. ⁹⁸⁾ Материалы I, табл. XI, рис. 6. ⁹⁹⁾ Раскопки Н. Теплова; кол. Г.И.М. ¹⁰⁰⁾ Погребение №№ 63 и 145; раск. В. А. Городцова, кол. Г.И.М. ¹⁰¹⁾ *Graffältet vid Vendel undersökt af Hjalmar Stolpe, beskriver af H. Stolpe och T. J. Arne* Stockholm. 1912, стр. 37, табл. XXVI, рис. 10. ¹⁰²⁾ *ibid*, рис. 14 в тексте. ¹⁰³⁾ Сизов, стр. 54, табл. VI, рис. 10. ¹⁰⁴⁾ *ibid*, табл. VI, рис. 4 и 5. ¹⁰⁵⁾ Бранденбург, стр. 68. ¹⁰⁶⁾ Сизов, стр. 54. ¹⁰⁷⁾ T. J. Arne. *La Suède et l'Orient*. Upsal. 1914, стр. 6. ¹⁰⁸⁾ T. J. Arne, *op. cit.* стр. 41. ¹⁰⁹⁾ №№ 44 и 45. ¹¹⁰⁾ Ястребов, табл. X, рис. 10, стр. 51. ¹¹¹⁾ Ока и Кама, табл. XII, рис. 4, стр. 11 и 31. ¹¹²⁾ Глазов, стр. 37 сл. Бранденбург, стр. 148. ¹¹³⁾ №№ 46—49, 51—59, 62—66, 306—339. ¹¹⁴⁾ Н. И. Булычев. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги, 1903 г. Москва. 1903 г. табл. XIII, рис. 7 и 8. ¹¹⁵⁾ №№ 150, 152, 172, 180, 437—446. ¹¹⁶⁾ № 372. ¹¹⁷⁾ №№ 67, 161, 341 и 452.

- ¹¹⁸⁾ Сизов, стр. 55, рис. 9. ¹¹⁹⁾ Материалы по Археологии Кавказа, вып. II, Москва, 1889 г. стр. 84 сл., табл. XIV, рис. 17. ¹²⁰⁾ Коллекции Г.И.М. ¹²¹⁾ №№ 106 и 367. ¹²²⁾ № 107. ¹²³⁾ Сизов, стр. 55 и 121. ¹²⁴⁾ №№ 369 и 370. ¹²⁵⁾ №№ 138 и 139. ¹²⁶⁾ Материалы I, стр. 43, табл. XIII, рис. 1 и 2. ¹²⁷⁾ №№ 371 и 375. ¹²⁸⁾ №№ 70, 71, 73—77, 342—350 и 368. ¹²⁹⁾ Спицын, стр. 108, рис. 32. ¹³⁰⁾ Бранденбург, стр. 66, табл. XIII, рис. 14 и 21; Спицын, стр. 96, рис. 61. ¹³¹⁾ №№ 31—33 и 402. ¹³²⁾ № 34. ¹³³⁾ Глазов, стр. 36, табл. XVII, рис. 27. ¹³⁴⁾ №№ 146—148. ¹³⁵⁾ №№ 149, 411—416. ¹³⁶⁾ №№ 419, 141, 142 и 143. ¹³⁷⁾ № 340. ¹³⁸⁾ Бранденбург, стр. 67, рис. 19; Ястребов, стр. 54. ¹³⁹⁾ Arne, op. cit, стр. 200. ¹⁴⁰⁾ A. M. Tallgren, Collection Zaussailov au Musée Nat. de Finlande a Helsingfors. Helsingfors. 1918. стр. 32. ¹⁴¹⁾ ibid. ¹⁴²⁾ № 145. ¹⁴³⁾ №№ 144 и 421. ¹⁴⁴⁾ № 401. ¹⁴⁵⁾ Спицын, стр. 112, рис. 106; Tallgren, op. cit. ¹⁴⁶⁾ Спицын, стр. 111. ¹⁴⁷⁾ № 140. ¹⁴⁸⁾ Бранденбург, стр. 70; Глазов, стр. 37, табл. XIX, рис. 17. ¹⁴⁹⁾ №№ 423 и 424. ¹⁵⁰⁾ №№ 79—99, 101—104, 353—366 и 513. ¹⁵¹⁾ Спицын, стр. 96 и 105, рис. 35. ¹⁵²⁾ №№ 114, 377, и 378. ¹⁵³⁾ Бранденбург, стр. 56. ¹⁵⁴⁾ №№ 68 и 69. ¹⁵⁵⁾ Ястребов, Приложение, стр. 31. ¹⁵⁶⁾ Бранденбург, стр. 69 и 133, табл. VIII, рис. 19. ¹⁵⁷⁾ ibid, стр. 69. ¹⁵⁸⁾ Arne, op. cit. стр. 32. ¹⁵⁹⁾ №№ 114—123, 125, 126, 379—382, 511. ¹⁶⁰⁾ Материалы II, стр. 33. ¹⁶¹⁾ № 113. ¹⁶²⁾ В. А. Городцов Болотное Огубское городище. Предварит. сообщение. Труды Гос. Ист. Музея. Вып. I. Москва. 1926. стр. 120. ¹⁶³⁾ К. Вейле Химическая технология первобытных народов. М.—Л. 1924. стр. 34 сл. ¹⁶⁴⁾ Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, вып. II. стр. 47 и 73. ¹⁶⁵⁾ К. Вейле. op. cit., стр. 39. ¹⁶⁶⁾ Последнее применение нам указано Б. А. Куфтиным со слов кустарей-ремесленников, перебивших теперь камень на стекло. ¹⁶⁷⁾ № 130, 131, 386—399. ¹⁶⁸⁾ Табл. XXVI, рис. 1. ¹⁶⁹⁾ Кол. Г.И.М. инв. № 42070, планш. XI. ¹⁷⁰⁾ Спицын, стр. 96. ¹⁷¹⁾ №№ 127, 128, 384 и 385. ¹⁷²⁾ Раск. В. А. Городцова; кол. Г.И.М. ¹⁷³⁾ № 129. ¹⁷⁴⁾ Кол. Г.И.М.; Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Отд. IV—VI. Москва. 1907. стр. 23, рис. 26. ¹⁷⁵⁾ Погребения №№ 2 и 69; Кол. Г.И.М. ¹⁷⁶⁾ Кол. Г.И.М. ¹⁷⁷⁾ ibid. ¹⁷⁸⁾ Раск. В. А. Городцова; кол. Г.И.М. ¹⁷⁹⁾ № 351. ¹⁸⁰⁾ № 352. ¹⁸¹⁾ № 425. ¹⁸²⁾ 426. ¹⁸³⁾ №№ 433—435. ¹⁸⁴⁾ № 162. ¹⁸⁵⁾ № 132. ¹⁸⁶⁾ № 295. ¹⁸⁷⁾ Раскопки Н. Е. Бранденбурга; кол. Г.И.М. ¹⁸⁸⁾ №№ 35—39, 296, 298—305 и 512. ¹⁸⁹⁾ Мате-

риалы I, табл. XII, рис. 27 и 29. ¹⁹⁰⁾ Собр. Новокрещенова, кол. Г.И.М. ¹⁹¹⁾ Кол. Г.И.М.; инв. № 35119. ¹⁹²⁾ А. А. Спицын. Горо-
дища Дьякова типа. Зап. Отд. русск. и славянск. археологии
Р.А.О т. V, в. I, СПб. 1903, стр. 118, рис. 79. ¹⁹³⁾ Материалы II,
табл. XV, рис. 11 и 12; коллекция Г.И.М. с р. Колвы (Пермск.
губ.). ¹⁹⁴⁾ Бранденбург, табл. XII, рис. 12 ¹⁹⁵⁾ Сизов, табл. IX,
рис. 2 и 8. ¹⁹⁶⁾ J. Stolpe och T. Arne., табл. III, рис. 8. ¹⁹⁷⁾ Мате-
риалы II, табл. XV, рис. 24 и 26. ¹⁹⁸⁾ Сизов, табл. IX. ¹⁹⁹⁾ Кол-
лекция Г.И.М. ²⁰⁰⁾ Сизов, рис. 23 ²⁰¹⁾ Сергеев, стр. 31, рис. 99.
²⁰²⁾ № 41. ²⁰³⁾ №№ 40 и 297. ²⁰⁴⁾ № 400. ²⁰⁵⁾ № 190. ²⁰⁶⁾ №№ 110—
112. ²⁰⁷⁾ Коллекция в Г.И.М. ²⁰⁸⁾ Тоже. ²⁰⁹⁾ № 383. ²¹⁰⁾ № 410.
²¹¹⁾ Коллекции Г.И.М. ²¹²⁾ №№ 278 и 279. ²¹³⁾ №№ 134—136.
²¹⁴⁾ Коллекции Г.И.М. и Ярославского Ист. Музея; ср. также.
Сизов, табл. I, рис. 5, рис. 36; Романов, табл. IV, рис. 15, стр. 47,
рис. 36. ²¹⁵⁾ Montelius, op. cit. рис. 507. ²¹⁶⁾ ibid., рис. 145. ²¹⁷⁾ Кол-
лекция Г.И.М.; Шокшово, Суздальск. у., кург. № 181 и Горки
Богдановские Юрьевского у. Курган № 460. Теплоухов, стр. 46,
табл. XVIII, рис. 26. ²¹⁸⁾ № 23. ²¹⁹⁾ Материалы II, табл. XI, рис. 1.
²²⁰⁾ №№ 157 и 158. ²²¹⁾ Спицын, стр. 126, рис. 398. ²²²⁾ №№ 159,
160, 405 и 406. ²²³⁾ № 458 ²²⁴⁾ № 420. ²²⁵⁾ Табл. XXI, рис. 1, стр. 31.
²²⁶⁾ № 306. ²²⁷⁾ № 20. ²²⁸⁾ № 404 ²²⁹⁾ А. А. Спицын. Городища
Дьякова типа, стр. 119, рис. 89. ²³⁰⁾ №№ 162 и 166. ²³¹⁾ № 373.
²³²⁾ №№ 42 и 193. ²³³⁾ Коллекция Г.И.М. ²³⁴⁾ № 187. ²³⁵⁾ Мате-
риалы I, табл. I. ²³⁶⁾ № 188. ²³⁷⁾ №№ 78 и 186. ²³⁸⁾ №№ 43, 192
и 195. ²³⁹⁾ № 196. ²⁴⁰⁾ № 133. ²⁴¹⁾ Материалы II, табл. VI, рис. 21.
²⁴²⁾ № 105. ²⁴³⁾ № 510.

ОБ'ЯСНЕНИЕ РИСУНКОВ.

Таблица I. 1. Фибула равноплечая бронзовая; стр. 32. 2. Гладилка-курант каменная; стр. 52. Нат. величина.

Таблица II. 1. Височное кольцо бронзовое; стр. 28. 2. Застежка серебряная; стр. 33. 3. Височное кольцо бронзовое; стр. 28. 4. Обломок застежки бронзовой; стр. 33. 5. Застежка бронзовая; стр. 33. 6. Обломок гривны железной; стр. 29. 7. Височное кольцо бронзовое; стр. 28. 8. Застежка бронзовая; стр. 33. 9. Подвеска—астрагал; стр. 31. 10. Подвеска медвежий коготь; стр. 31. 11. Пряжка бронзовая; стр. 33. 12. Обломок гривны железной; стр. 29. 13. Бляшка серебряная; стр. 31. 14. Подвеска серебряная; стр. 29. $\frac{4}{5}$ натуральной величины.

Таблица III. 1. Браслет бронзовый; стр. 34. 2. То-же; стр. 34. 3. Тоже; стр. 34. 4. Бутылкообразная подвеска бронзовая; стр. 32. 5. Браслет стеклянный; стр. 34. 6. Браслет железный; стр. 34. 7. Кольцо бронзовое; стр. 35. 8. Браслет бронзовый; стр. 34. 9. Кольцо бронзовое; стр. 35. 10. Перстень бронзовый; стр. 35. 11. Браслет бронзовый; стр. 34. 12. Обломок браслета бронзового; стр. 34. 13. Подвеска бутылкообразная бронзовая; стр. 32. 14. Привеска „шумящая“ бронзовая; стр. 30. 15. Тоже; стр. 29. 16. Тоже; стр. 31. $\frac{4}{5}$ натуральной величины.

Таблица IV. 1. Копоушка костяная; стр. 35. 2. Тоже; стр. 35. 3. Обломок копоушки костяной; стр. 35. 4. Копоушка костяная; стр. 35. 5. Тоже; стр. 35. 6. Тоже; стр. 35. 7. Игольник костяной; стр. 43. 8. Обломок гребня костяного; стр. 38. 9. Тоже; стр. 38. 10. Гребень костяной; стр. 37. 11. Обломок гребня костяного; стр. 38. 12. Тоже; стр. 38. 13. Тоже; стр. 38. $\frac{4}{5}$ натуральной величины.

Таблица V. 1. Нож железный; стр. 42. 2. Тоже; стр. 42. 3. Скребок для копыт железный; стр. 61. 4. Щипцы железные; стр. 55. 5. Ножницы „овечьи“ железные; стр. 43. 6. Оселок; стр. 50. 7. Ножницы шарнирные; стр. 43. 8. Обойма железная; стр. 61. $\frac{4}{5}$ натуральной величины.

Таблица VI. 1. Тигель; стр. 53. 2. Обломок льячки; стр. 54. 3. Льячка; стр. 54. 4. Половинка формы литейной каменной; стр. 54. 5. Пряслице шиферное; стр. 51. 6. Пряслице известняковое; стр. 51. 7. Пряслице глиняное; стр. 52. 8. Пряслице шиферное; стр. 51. 9. Пряслице глиняное; стр. 51. 10. Тоже; стр. 51. 11. Пряслице сланцевое; стр. 51. 12. Пряслице глиняное; стр. 51. 13. Пряслице каменное; (?); стр. 51. 14. Пряслице глиняное; стр. 52. 15. Тоже; стр. 51. 16. Чашка песчаниковая; стр. 62. $\frac{4}{5}$ натуральной величины.

Таблица VII. 1. Игла для вязанья костяная; стр. 43. 2. Шильце железное с костяной рукояткой; стр. 44. 3. Шило железное; стр. 44. 4. Игла для вязанья костяная; стр. 43. 5. Игла для вязанья железная; стр. 44. 6. Огниво железное; стр. 44. 7. Слиток серебра; стр. 55. 8. Скобель железный; стр. 51. 9. Тоже; стр. 50. 10. Сковорода железная; стр. 46.

Рис. 1—9 $\frac{4}{5}$ натуральной величины; рис. 10— $\frac{2}{5}$ н. в.

Таблица VIII. 1. Наконечник копья железный; стр. 56. 2. Зубило железное; стр. 55. 3. Топор втульчатый железный; стр. 41. 4. Топор проушной железный; стр. 42. 5. Грузило каменное; стр. 59. 6. Грузило известняковое; стр. 59. 7. Курант песчанниковый; стр. 63. 8. Обломок шлифовального камня (?); стр. 63. 9. Булавка бронзовая; стр. 60. $\frac{2}{5}$ натуральной величины.

Таблица IX. 1. Наконечник стрелы железный; стр. 58. 2. Тоже; стр. 57. 3. Наконечник стрелы костяной; стр. 58. 4. Наконечник гарпуна костяной; стр. 59. 5. Наконечник стрелы железный; стр. 56. 6. Тоже; стр. 56. 7. Тоже; стр. 57. 8. Тоже; стр. 57. 9. Тоже; стр. 57. 10. Тоже; стр. 56. 11. Тоже; стр. 61. 12. Тоже; стр. 56. 13. Наконечник дротика железный; стр. 58. $\frac{4}{5}$ натуральной величины.

Таблица X. 1. Стержень булавки (?) бронзовый; стр. 60. 2. Ушко от ведра (?) железное; стр. 46. 3. Заклепка от лодки железная; стр. 59. 4. Подковка с шипом железная сверху и сбоку; стр. 35. 5. Ушко от ведра (?) железное; стр. 46. 6. Кольцо из поясного убора (?) бронзовое; стр. 34. 7. Ключ (?) железный; стр. 46. 8. Огниво железное; стр. 44. 9. Тоже; стр. 44. 10. Тоже; стр. 44. 11. Клин железный; стр. 62. 12. Наконечник неопределенного орудия железный; стр. 61. $\frac{4}{5}$ натуральной величины.

Таблица XI. 1. Коробка замка железная; стр. 45. 2. Тоже; стр. 45. 3. Обломки коробки замка железной; стр. 45. 4. Дужка замочная вкладная железная; стр. 45. 5. Коробка замка железная; стр. 44. 6. Ключ железный; стр. 46. 7. Дужка замочная вкладная железная; стр. 45. 8. Ключ железный; стр. 46. $\frac{4}{5}$ натуральной величины.

Таблица XII. 1. Цилиндр полый костяной; стр. 62. 2. Обломок рукоятки ножа костяной; стр. 42. 3. Обломок трубчатой кости просверленный; стр. 44. 4. Заготовка из рога со следами орнамента; стр. 62. 5. Топор (?) из трубчатой кости; стр. 62. 6. Обломок цурки (?) костяной; стр. 62. 7. Заготовка из рога; стр. 62. 8. Тоже; стр. 62. 9. Поделка из головки бедряной кости; стр. 50. 10. Острие из трубчатой кости; стр. 62. $\frac{4}{5}$ натуральной величины.

В тексте:

Рис. 1. Разрез первого вала. Обозначения: А—гумусово-углистая почва. В—суглинок, В—угольные и зольные прослойки, Г—остаток древнего почвенного покрова, Д—материк, Е—старый раскоп.

Рис. 2. Разрез второго вала. Обозначения как на рис. 1.

Рис. 3. Профиль третьего вала и внешнего рва.

Рис. 4. План ямы землянки 14-й траншеи.

Рис. 5. Вид той же ямы.

Рис. 6. Профиль той же ямы.

Рис. 7. Стенка 12-й траншеи.

Рис. 8. Профиль 12-й траншеи. Обозначения: А—слоистая насыпь, Б—гумусово-углистая почва, В—материк.

Рис. 9. Схема скрепления костяных пластинок гребня перед пропилом зубцов.

Рис. 10. Профили глиняных сосудов. (По чертежам М. В. Талицкого) 1/2 натуральной величины.

11. Бляшка бронзовая золоченая; стр. 60. Натуральная величина.

12. а—Наконечник стрелы гранчатый железный; стр. 70. б—Наконечник дротика железный; стр. 70 в—Наконечник остроги железный; стр. 70. г—Ключ железный; стр. 72. д—Ключ коленчатый железный; стр. 72. е—Наконечник стрелы пластинчатый железный; стр. 72. По рисункам Д. А. Ушакова. 1/2 натуральной величины.

План расположения траншей на Сарском городище (нумерация по дневнику).

ДНЕВНИК РАСКОПОК

на Сарском городище летом 1924 года.

ТРАНШЕЯ ПЕРВАЯ.

Заложена от вершины второго вала внутрь городища длиной 20 и шириной 2,85 мет.; позже к ней прибавлен участок „нулевой“, прорезавший внешний склон вала до его подошвы (длина его 8,9 м.) и к противоположному концу 6 дополнительных участков обычного размера, так что длина всей траншеи дошла до 45,9 м. Поверхность городища прорезанная траншеей ровная, кроме небольшого песчанистого бугра на границе 4-го и 5-го участков (счет последних идет от вала) высотой не более 0,22 м. и диаметром около 1,4 м. По снятии дерна открылся культурный слой черного цвета при высыхании слегка светлеющий и легко рассыпающийся; в нем встречается щебень гранитный относительно в небольшом количестве; на 6-м участке слой его более ясно выражен, причем особого порядка или концентрации в строго ограниченную прослойку отметить нельзя. На восьмом участке слой валунов и щебня достигал 0,26 м. мощности; многие камни имели следы действия огня. На глубине 0,13—0,17 м. во всех участках траншеи, начиная с третьего встречаются в небольшом количестве черепки, а на участках от 5-го до 7-го кроме того кости животных.

На 1-м участке на глубине 0,48 м. показались валуны сложенные грудой; величина отдельных камней достигала 0,36 м. в наибольшем поперечнике. На „нулевом“ участке по удалении 0,44 м. почвенного покрова и культурного слоя, содержавших немногочисленные остатки костей и керамики, на уровне основа-

ния груды валунов 1-го участка открыты куски пережженного дерева диам. 0,11—0,132 м., принятые сперва за остатки стоящих наклонно столбов, но по расчистке оказавшихся длиной около 0,13 м. На 1-м участке на глубине 0,71 м. открылась вся гряда камней, занимавшая площадку трапециевидной формы с основаниями в 0,71 и 0,97 м. и высотой 0,80 м.; валуны лежали невысоким бугром. На глубине 0,97—1,15 м. куски пережженного дерева стали попадаться на границе „нулевого“ и первого участков и в области прикрывавшейся только что упомянутой грудой валунов, залегая в светлом песке. На глубине 1,50 м. при зачистке дна участков „нулевого“ и первого обнаружено, что начавшийся на глубине 1,06 м. в средней части насыпи в левой стенке золисто-углистый бугор не идет вдоль всего вала, а выклинивается в расстоянии 0,88 м. от той же стенки, представляя из себя ссыпанную кучей золу с углями. В средней части второго участка на глубине 0,80 м. следы 2-х пережженных кусков дерева длиной около 0,71 м. каждый, лежавших поперек траншеи; на той же глубине на третьем участке обнаружен кусок березового ствола около 0,11 м. диаметром. На глубине 0,88 м. на границе второго и третьего участков начинается углисто-золистый слой с крупными (до 0,13 м. в наибольш. поперечн.) валунами; эта прослойка идет вдоль оси вала, но заканчивается на этом же участке; 0,26 м. ниже открыто несколько кусков перегоревшего дерева; два из них лежали продольно относительно вала; длина их—до 0,31 м., ширина—до 0,13 м. и толщина—около 0,066 м. На глубине 1,96 м., считая от вершины вала в дне второго участка обнаружены остатки перегоревшего бревна, идущего через участок параллельно оси вала; приблизительно 0,36 м. ниже и в 3,55 м. от этого места, т. е. под гребнем вала открыто другое бревно, лежащее параллельно первому; пространство ограниченное ими содержит большое количество обломков пережженных бревен и крупные валуны; мощность этой прослойки около 0,13 м.; находки костей редки; зола отсутствует. На том же уровне в начале третьего участка в дне показались четыре углистые пятна округлой формы с более темной средней частью; их диаметр около 0,13 м. По зачистке дна траншеи у первого бревна обнаружены два углистых полукруга диам. 0,35 и 0,40 м. и кругловатое пятно такого же цвета около 0,17 м. в

поперечнике. В виду того, что структура подстилающего песка и крайне редкие находки черепков и обломков костей говорят за насыпной характер почвы, отличающейся в то же время значительной плотностью, углубление первого участка и, главным образом, „нулевого“ продолжалось ступенями в сторону внешней подошвы вала (рис. 2); под дерновым слоем у внешней подошвы вала найден черепок покрытый часто расположенными друг к другу оттисками витой веревки (№ 200).

Мощность культурного слоя в самой траншее колеблется от 0,53 до 0,62 м., причем ближе к валу она несколько возрастает, а к седьмому участку уменьшается до 0,40 м. Ниже залегает плотный песок с галькой; граница между ним и культурным слоем нерезкая, сбитая. На четвертом участке по зачистке дна обнаружена яма с плосковатым дном кругловато-удлиненной формы; глубина ее 0,26 м., поперечник в верхней части 1,11 м., в дне—0,71 м.; никаких предметов в ней не обнаружено. На тринадцатом участке на глубине 0,35—0,44 м. скопление валунов и щебня неправильного очертания с поперечниками в 0,71 и 0,53 м. со следами действия огня; на этом участке между культурным слоем и подстилающим его песком с гальками залегает прерывистая прослойка белого песка мощностью до 0,13 м.

ТРАНШЕЯ ВТОРАЯ.

Заложена на поверхности слабо-покатою к обрыву между двумя продолговатыми рывинами; размер 11,4×2,85 м. (4 участка; нумерация их с юга на север). На первых трех участках под дерновым слоем идет песок плотный серо-желтый с мелкой галькой; культурный слой сохранился на третьем участке на глубине 0,17 м.; на четвертом участке мешанная земля до глубины 0,35 м., где она сменяется рыхлым желтым песком с большим количеством валунов. При зачистке дна этого участка обнаружена яма, уходящая под западную стенку; прирезка открыла, что эта яма является затянувшейся вершиной промоины верхней части склона городища. Остатки культурного слоя, прослеженные в различных пунктах траншеи залегают до глубины 0,53—0,71 м.; прерывистость и перекрывание песчанистым покровом говорят об относительно позднем его разрушении.

ТРАНШЕЯ ТРЕТЬЯ.

Заложена на площадке несколько повышающейся по направлению ко второму валу; размер $12,8 \times 2,85$ м. (6 участков; нумерация их с юга на север). По снятии дерна на всех участках обнаружен пропласток щебня; на первом участке культурный слой углистый; на втором небольшая подсыпка песка грязноватых оттенков; на третьем у границы с предыдущим культурный слой буроватого цвета, а к четвертому—песок серый; на пятом и шестом участках культурный слой песчанистый более светлых оттенков; черепки в относительно большом количестве на этих последних участках; на остальных—единичные находки; костей животных в верхнем горизонте, кроме двух бабок, также не обнаружено. На первом и втором участках с глубины 0,53 м. идет культурный слой буроватого цвета, содержащий большое количество валунов; на втором участке на этой же глубине открыта грудa глины диаметром 0,44—0,53 м. и высотой 0,13—0,17 м.; глина красно-желтого цвета; около нее углистые пятна; под ней мелкие камни. На третьем участке, начиная с глубины 0,75 м. идут пятна песка, перемежающиеся с пятнами почвы; в них редкие черепки. На последних участках культурный слой выходит на глубине 0,36 м.; ниже—песок ярко-желтый с гальками. Этот же песок на первых трех участках показывается на глубине 0,97—1,06 м.; углубление траншеи здесь, сопровождаемое крайне редкими находками костей и черепков, доведено до 1,34 м.; на этом уровне встречаются единицами черепки самого распространенного на городище типа; песок подобен встреченному в основании вала в первой траншее. На глубине 1,42 м. на первом участке у стенки обнаружены остатки горелых плах, как в первой траншее. В виду того, что пространство окружающее первый участок и прилегающий к нему вал, испорчены ямами, дальнейшая раскопка здесь была нецелесообразна, и траншея не продолжена в длину.

ТРАНШЕЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Заложена как продолжение второй; размер $10,65 \times 2,13$ м. (5 участков; нумерация их с юга на север). По снятии дерна открылся культурный слой черного цвета; на участках первом и

втором несколько глубже поверхности, а на остальных — начиная с дернового слоя — залегает значительное количество щебня. С глубины 0,36 м. находки черепков становятся более редкими, чем в верхней части слоя; на третьем участке проступают пятна песка, а с глубины 0,62 м. такие же пятна и мешанная земля выходят по всему дну траншеи; на этой глубине на третьем участке в песке желто-красного цвета вырисовывается углистое пятно около 1,25 м. в поперечнике; зачисткой его открыты раздробленные кости небольшого животного (собаки?) и проволочное височное кольцо; второе подобное же найдено неподалеку; глубина ямы — около 0,53 м. На втором участке на глубине 0,80 м. зачищено небольшое углубление в материке поперечником 0,93 м. Граница культурного слоя и подстилающего чистого песка понижается от первого участка (где проходит на глубине 0,62 м.) к пятому (1,07 м.).

ТРАНШЕЯ ПЯТАЯ.

Проложена по валообразному гребню между впадинами с крутыми склонами; размеры 14,20×2,85 м. (5 участков; нумерация их с востока на запад). Под дерном на первом участке песок с мелкой галькой до глубины 0,31 м. (старый выкид); на втором участке он идет до глубины 0,58 м.; на остальных участках верхний слой его 0,09 м. мощности — буроватого цвета, ниже — более чистый; в песке находки черепков редки. На глубине 0,44—0,62 м. на первом участке в различных пунктах остатки культурного слоя. На границе четвертого и пятого участков на глубине 0,44 м. в песке темное пятно 1,42×0,35 м.; на глубине 0,66 м. оно сокращается с концов и принимает треугольную форму; на четвертом же участке другое темное пятно на глубине 0,53 м., содержащее большое количество щебня и отдельные черепки; пятно черно-углистого цвета поперечником около 0,80 м. открыто на глубине 0,44 м. и на третьем участке, но без каких либо включений. Культурный слой, отмеченный на первом участке, прослеживается до глубины 0,85 м. и продолжается ниже только в прирезке к этому участку. На третьем участке на глубине 0,80 м. в песчаном дне у стенки обнаруживается вершина бугра углистой почвы; пятно пятого участка на глубине 0,62 м. приняло размеры 0,80 и 1,24 м.

Во всех указанных выше участках культурного слоя кости животных редки; черепки сосудов встречаются также реже, чем в предшествующих траншеях; щебень и валуны со следами действия огня часты. Площадь, занятая траншеей и прирезкой видимо подвергалась частично раскопкам; на это указывают: прерывистость культурного слоя, его колеблющаяся мощность, присутствие над ним в некоторых местах песчаного покрова и косая слоистость песка с тонкими углистыми прослойками, т. е. старый выкид. Углубление траншеи продолжено до полной расчистки уцелевших остатков культурного слоя. В прирезке на глубине 0,85 м. открылось пятно сильно обожженной глины кирпичного цвета; часть его была захвачена и уничтожена старой ямой. Сохранившаяся площадка овально-округлой формы имела 0,31—0,35 м. в поперечнике; мощность пласта глины около 0,07 м.; под ней слой белого песка, ниже—песок красноватый. На втором участке культурный слой заканчивается на глубине 0,62 м.; ниже под слоем песка 0,04 м. мощности обнаружилась ямка овально-округлая 0,44×0,53 м. и глубиной—0,26—0,31 м., выполненная темной почвой; песчаные стенки и дно обожжены до ярко-красного цвета; на дне ямки мелко разбитые кости животных; ниже ямки песок с углистыми и редкими красноватыми пятнами. На третьем участке культурный слой, м. б. во вторичном залегании, мощностью от 0,13 до 0,26 м. местами, как бы прогибается. На глубине 1,34—1,50 м. в дне траншеи идут неправильные пятна песка и углистой земли частью немешанной, частью же переходных оттенков; находки черепков довольно часты; большею частью черепки от толстостенных сосудов сделанных, видимо, на кругу; встречено кроме того несколько железных стерженьков и кусок шлака. На глубине 1,54 м. на дне второго участка открылся очаг из валунов достигавших 0,26 м. в поперечнике и весом до 30 килогр.; поверхность некоторых из них сохранила следы действия огня, другие же разваливались по трещинам при сдвигании с места; из этих валунов была выложена неправильной формы площадка 0,89×1,07 м.; от одной из широких сторон и перпендикулярно к ней шли два ряда валунов длиной в 1,08 и 0,62 м.; свободное пространство между крупными камнями в площадке было выполнено крупной галькой; тут же были найдены остатки совершенно

пережженных костей; самые крупные валуны были найдены в центре площадки; подстилающий песок имеет красноватый оттенок, в прилегающей же части дна траншей — желтый и содержит небольшое количество расколотых костей животных. Упомянутое ранее пятно пятого участка продолжается и ниже; на глубине 0,80 м. в нем некоторое количество валунов, частью расколотых и обожженных; на глубине 0,88 м. ширина его уменьшается до 0,71 м.; в нем редкие черепки; на глубине 1,03 м. оно одним концом уходит под стенку четвертого участка. Это пятно скорее всего результат предшествующих раскопок или земляных работ, при которых смещенный культурный слой расположился падающим пластом по выброшенному раньше песку. У противоположной стенки в углу траншеи появляется другое темное пятно, имеющее треугольную форму и такие же очертания на стенках; в нем небольшое количество черепков; являясь, видимо, верхней частью кучи сгруженного в недавнее относительно время культурного слоя, это образование отличается значительной рыхлостью; по мере углубления треугольник дна постепенно увеличивается, на глубине 2,13 м. несколько сокращается и около 2,40 м. совершенно исчезает; в его нижних горизонтах ближе к периферии встречено большее количество валунов, чем в верхней части, что вновь подтверждает высказанное предположение о вторичном характере залегания слоя. В песчаном дне третьего участка на глубине 1,77 м. выступают яркие углистые и красные пятна; зачистка их обнаружила продолговатое углубление неправильного контура и 0,22—0,26 м. глубины; в нем, преимущественно у одного края, встречены валуны в виде прерывистого настила, продолжающиеся во второй участок и редкие черепки. На следующей лопате выходит крупнозернистый песок желтого цвета с гальками и под ним разорванные пропластки и комки углисто-золистой почвы; такие же угольные и ярко-красные пятна на четвертом участке обнаружены на глубине 1,55 м. Прерывистый настил из валунов не превышает в ширину 0,71 м.; длина его—1,77 м.; мощность в центре около 0,44 м., а у краев—0,26 м.; отдельные валуны достигают 8 килогр. веса; на многих из них следы копати, хотя подстилающий песок чистого цвета; среди камней немного

черепков и костей животных; основание настила ниже современного уровня поверхности городища на 2,13 м.

Первый участок, оставленный на глубине 0,88 м. был углублен по окончании раскопок остальных участков в целях контроля. На этой глубине дно его образовано песком желто-бурым с большим количеством гальки и валунов; на границе со вторым участком небольшое треугольное пятно культурного слоя (остаток разобранного уже на втором участке), уходящее в стенку. Ю.-в. стенка первого участка не имеет почти на всем протяжении выхода культурного слоя: дерн покрывает песчаную почву; остатки слоя сохранились только в крайних угловых частях стенки; на остальном пространстве выходит неясно-слоистый песок с гальками. На глубине 1,07 м. в дне участка под стенкой показывается темное узкое пятно; при дальнейшем углублении выяснено, что темная почва залегает линзой, и наибольшая мощность ее равна 0,40 м.; она занимает в длину как раз то пространство, которое лишено культурного слоя; в линзе найдено несколько черепков. В виду того, что на всей площади первого участка продолжается описанный выше плотный песок не содержащий остатков фаунистического или производственного характера, углубление производилось в дальнейшем не всего дна, и по разработке остатков культурного слоя у границы второго участка (м. б., во вторичном залегании) на глубине 1,95 м.— прекращено совершенно.

Наблюдаемый в одной из стенок траншеи и в прирезке прогиб культурного слоя получает, м. б., объяснение из рассказа крестьян о способе добычи камня практиковавшемся на городище; по их словам, чтобы не портить черноземного слоя (т. е. культурного) вырывались узкие ямы более 4-х метров глубины и при помощи штолен разрабатывались валунные прослойки; будучи впоследствии заброшены, эти шахты и штольни, обваливаясь должны были вызвать прогиб вышележащих пластов культурного слоя и образование на поверхности городца впадин; часть этих ям могла позже быть заполнена выбросом из траншей Савельева и других работавших на городище, почему остатки культурного слоя оказались не только прикрытыми песчанистой толщей, но и ниже первоначального своего уровня.

ТРАНШЕЯ ШЕСТАЯ.

Заложена в центральной части городища на продолговатом бугре между двумя выемками; размеры $11,4 \times 2,85$ м. (5 участков; нумерация их с юга на север). Под дерном песок грязноватого цвета пятнистый с галькой; по мере углубления открываются прослойки углистого цвета мощностью до 0,02 м.; в стенках траншеи отчетливо заметно их волнообразное залегание. На 4-м участке на глубине 0,62—0,88 м. одна из углистых прослоек утолщается, принимая характер линзы; ниже—гравий крупный и очень рыхлый. На 5-м участке на глубине 0,84 м. открыта подобная же прослойка, прогибающаяся вниз, выполняющая углубление, которое траншея перерезала поперек; на глубине 1,07 м. открывается подстилающий ее рыхлый песок; на глубине 1,33 м. на этом же участке показывается новая углистая прослойка с редкими валунами; ее мощность 0,26 м.; под ней залегает, видимо, нетронутый песок.

Отсутствие культурного слоя, темные тонкие прослойки и рыхлость песка указывают, что траншея прорезала старый выкид; скопления углистой земли встреченные главным образом на 4-м участке соответствуют выбросу культурного слоя между двумя близко расположенными друг к другу буграми мешанной почвы. Немногочисленные найденные предметы были, видимо, частью пропущены копавшими, частью же не признаны заслуживающими внимания.

ТРАНШЕЯ СЕДЬМАЯ.

Заложена, как продолжение четвертой и отделяется от нее перемычкой в 0,90 м.; размеры ее $10,65 \times 3,55$ м. (5 участков; нумерация их с юга на север). Под дерном начинается культурный слой с большим количеством расколотых валунов и крупного щебня; по средней линии траншеи встречаются валуны весом до 6—8 килограммов; черепки идут также с дернового слоя в довольно большом количестве; на глубине 0,13—0,31 м. скопление щебня преимущественно на втором—пятом участках настолько значительно, что лопаты, даже после подготовки слоя ломом, почти не углубляются в почву. Начиная с глубины 0,35 м. на первых трех участках и отчасти на четвертом появля-

ются пятна песка, а количество валунов уменьшается. На втором участке у границы с третьим и на пятом показываются груды валунов, разбор которых оставляется до полной расчистки траншеи; в виду обнаружения отдельных валунов у поперечной стенки пятого участка к последнему сделаны прирезки. Как и в некоторых других траншеях, так и в седьмой встречались куски железных шлаков, но скоплений они нигде не образовывали. Расчистка двух упомянутых выше групп камней на втором и на пятом участках обнаружила два очага неправильно-четыреугольной формы; сохранность верхних частей очагов вряд ли является совершенной, потому что некоторые валуны могли быть стронуты с места, другие же раскрошились и рассыпались в дресву. Очаг второго участка представлял из себя полосу валунов длиной 1,60 м. и шириной около 0,36 м.; концы ее выдавались под прямым углом несколько круглясь почти на 0,52 м.; валуны не были подогнаны друг к другу; крупных немного, и промежутки между ними заполнены мелкими и средними. Верхняя поверхность очага находится на глубине 0,31—0,35 м. от уровня почвы; наиболее возвышенная точка очага над основанием культурного слоя 0,48 м. В полости очага особого скопления золы и угля не обнаружено; обломки костей животных и черепки сосудов — в относительно небольшом количестве; зола и уголь открылись 0,17 м. ниже основания очага, в неглубокой ямке на границе культурного слоя и подстилающего песка. В углу первого участка в основании культурного слоя расчищена небольшая ямка до 0,18 м. глубиной с несколькими обломками костей животных и черепками. Очаг пятого участка находится на том же уровне, как и во втором; в плане он имеет такие же очертания, как только что описанный, с тою разницей, что основная полоса валунов несколько шире (0,39—0,53 м.); в стороне от очага обнаружены отдельные крупные валуны, расположенные без видимого порядка. Поверхность песка вблизи очага отличается красным цветом, присутствием золистых пятен и тонким жирным углистым слоем покрывавшим ее. Граница культурного слоя и песка в траншее нерезкая: лишь постепенно редкие песчаные пятна достигают преобладания над золисто-углистыми и, наконец, замещают их совершенно. 0,17 м. ниже условной поверхности взятой, как основание культурного слоя,

в плотном песке недалеко от очага пятого участка обнаружены черные круглые пятна 0,11—0,05 м., сошедшие 0,12 м. ниже на-нет. Отсутствие порядка в расположении не позволяет видеть в них следов кольев или жердей, служивших основанием шалаша и т. п., но возможность открытия подобных сооружений должна быть учтена при продолжении раскопок. Мощность культурного слоя в траншее колеблется от 0,44 до 0,80 м., причем увеличение ее связано с легкой покатостью этой части городища к обрыву и небольшим повышением поверхности в области прирезка пятого участка.

ТРАНШЕЯ ВОСЬМАЯ.

Заложена поперек первого вала для определения его строения; длина по поверхности 24,90 м. (по горизонтали 22,75 м.); ширина 2,85 м. Раскопка начата уступами и снятием верхней части. Под дерном открыт почвенный слой песчанистый светло-бурого цвета с галькой мощностью в верхней части около 0,13 м.; ниже, на внутреннем склоне, он переходит в культурный слой (скорее всего—во вторичном залегании); в последнем значительное количество черепков от обычных сосудов и тиглей. В верхней части вала под почвенным слоем залегает линза песка желтоватого, с небольшим количеством гравия; ее мощность до 0,17 м.; отчасти она покрывает золисто-углистую прослойку, имеющую в ширину 6 метров и слегка выпуклую в центре; песчаные прослойки в ней окрашены в оранжевый цвет. Ниже идет мощный пласт песка желтого, крупнозернистого с крупными гальками; мощность 0,53—0,57 м.; основание слоя относительно горизонтально и слегка окрашено углистыми частицами; ниже идет снова песок, подобный только что описанному; в нем на глубине 1,08 м. по средней линии вала открыты остатки пережженного дерева (сосны); пятна золы, угля и песок коричневого цвета продолжают до глубины 1,24 м., подходя близко к поверхности склона вала, обращенной внутрь городища. На следующих 0,17 м. в северо-западной половине траншеи виден как бы настил из редких перегоревших бревен до 0,11 м. в поперечнике; полосы крупных углей в поперечном относительно оси вала направлении удалось проследить лишь местами; в другой половине траншеи у стенки открыта часть пережженного бревна 0,24—0,26 м. в

поперечнике и 1,07 м. длины, лежавшего параллельно только что упомянутому; пространство дна траншеи между остатками бревен занято кострищем с крупными углями (скорее чурками), лежащими без определенного порядка.

В силу неблагоприятных внешних условий раскопка вала должна была остаться незаконченной в 1924 г. В интересах сбора наибольшего количества вещественного материала перед окончанием работ был выбран весь культурный слой в траншее на внутреннем склоне вала.

ДНЕВНИК РАСКОПОК на Сарском городище летом 1925 года.

ПЕРВЫЙ ВАЛ (траншея восьмая ¹⁾).

Работа начата расчисткой траншеи от происшедших за год обвалов. Последние неоднократно нарушали течение раскопок, в виду чего пришлось прибегнуть к ряду повторных зачисток стенок и установке деревянных распорок. Выемка земли велась сквозной траншеей сверху и углублением ее концов в виде ступеней у обоих подошв вала. После того как был пройден уровень древнего горизонта работа сосредоточилась на выяснении профиля вала установлением древних подошв его. Разрез выяснил, что в основании вала сохранена полоса нетронутого материка шириной около 13,5 м; она возвышалась над основанием культурного слоя городища на 1,4 м., а над дном внешнего рва несколько более 3,5 м.; склон этой гряды внутрь городца обрывался круто, а на внешнюю сторону—ступенчатыми уступами. Этот массив был повышен насыпкой суглинка с валунами и галькой, взятого, очевидно, из выемок по сторонам гряды; насыпь начиналась не от внутреннего края последней: часть ее в виде полосы 2,8 м. ширины оставалась свободной; насыпь достигала 2,85 м. высоты; внутренний склон был, очевидно, укреплен дере-

¹⁾ Нумерация траншей раскопок 1925 года продолжает таковую же раскопок 1924 года.

вом, обгорелые остатки которого в виде вертикально вытянутого пятна неправильной формы отмечены на разрезе. Как на уровне материка, так и в насыпанной почве отмечены кострища. В результате указанных выше обвалов ширина траншеи, достигшая в верхней части 5 м., позволила обнаружить узко-местный характер некоторых углистых прослоек, отмеченных в 1924 г. постоянными. Одно из скоплений,—самое значительное было образовано из обгоревших стволов липы; длина отдельных обрубков доходила до 1,07 м.; на некоторых сохранился слой луба; обрубки лежали в поперечном (относительно длины вала) направлении и занимали в ширину часть дна траншеи; остальное пространство до противоположной стенки ее сплошь покрыто крупным углем; проследить в нем продолжение бревен не представлялось возможным; ширина этого кострища около 3,5 м. Как видно на профиле ров выполнялся постепенно землей, смывавшейся водой по склону вала. Находок во внешней подошве было сделано самое ничтожное количество. Во внутренней подошве траншея прорезала желобообразное углубление; на 1,08 м. ниже современного уровня городища в дне этой впадины у стенки представленной на чертеже начало вырисовываться полукруглое углистое пятно диам. около 0,71 м.; по мере углубления оно уменьшалось, а на глубине 1,4 м. расплылось в группу неясных и слабых пятен; в стенке же вырисовывались два пятна прямоугольной формы. Для выяснения характера этого скопления культурной земли была сделана прирезка сбоку траншеи размером 3,20×5,30 м. На глубине 0,53 м. ниже горизонта в дне обрисовалось неправильное округлое пятно неустойчивого контура занимавшее почти все дно прирезки; по мере углубления пятно уменьшалось, сохраняя расплывчатые очертания; частично прослаивался тонкими линзами песок. На глубине 1,50 м. очертания ямы сделались угловатыми, но на следующей лопате вновь приняла вид замкнутой кривой; на глубине 2 м. пятно принимает форму овала. До этой глубины черепки сосудов, обломки костей и мелкие железные предметы попадались редко; начиная с нее они встречаются чаще, точно также увеличиваются песчанистые вкрапления. При уничтожении стенки между траншеей и выемкой выяснено, что песчаная полоса между прямоугольными углистыми пятнами (в стенке траншеи) представляет полость цилинд-

рической ямы в культурном слое выполненную песком с галькой. На глубине 2,30 м. пятно, оставаясь (в дне прирезка) овальным, выходит совершенно. Характер выполнявшей его почвы, отсутствие типичных прослоек гальки и сбитый контур дают основание полагать, что яма засыпана в один прием, после чего на ее месте образовалась корытообразная впадина; дно ее отчетливо обозначено прослойкой валунов и гальки. Последнее повышение вала было произведено насыпкой почвы с городища; в результате этого он, очевидно, приобрел высоту большую, чем современная и крутые склоны; теперешняя расплывчатая форма явилась следствием постепенного смывания гребня, причем заплыл внешний ров и впадина у внутренней подошвы; на это указывают прерывистые прослойки гравия в культурном слое, падающие от гребня к подошве. В относительно недавнее время в верхней части внутреннего склона была сделана выемка прорезанная траншеей; земля которой она засыпана, отличается рыхлостью.

ВТОРОЙ ВАЛ (траншея первая).

Для получения точного профиля второго вала прежде всего траншея очищена на протяжении четырех головных участков от обвалов и закончено углубление нулевого участка—главным образом у подошвы вала. В виду того, что от западной стенки траншеи непосредственно начинается понижение гребня вала у его конца и что, следовательно, стенка эта вряд-ли может дать представление об устройстве насыпи—главное внимание было обращено на восточную стенку. Зачисткой установлена насыпка вала из земли полученной при выемке ее со стороны болонья; положительных указаний на существование рва почти не сохранилось. В основании насыпи залегает полоса обгорелых бревен около 3,5 м. ширины (см. отчет по раскопкам 1924 г.). Видимо прежде возведения вала в материке была прокопана канава глубиной 0,53—0,71 м. и шириной около 1,08 м.; в разрезе этой канавы, заполненной песчанистой землей без примеси гальки,—старым почвенным слоем, взятым в непосредственной близости,—в центральной части вырисовывается четырехугольник около 0,53 м. длины и ширины заполненный крупными углями (остатки тына?). Ядро вала образует насыпь около 0,88 м. высоты, состоящая из

песчано-глинистой почвы с валунами и прослойками угля и золы; ее покрывает пласт мощностью около 0,71 м. более интенсивно окрашенный золой и углем; оба эти слоя разорваны над выемкой в материке, и промежуток заполнен слабо окрашенной углем почвой. Следующая надсыпка вала увеличила его высоту почти на 1,40 м. и несколько перенесла гребень внутрь, в сторону площади городища; почва для насыпания бралась чистая, не с площади городища; ко внутреннему склону приурочена большая линза золы. Наконец, оболочку вала образует покров культурного слоя всей своей толщиной переходящий на площадь городища; наибольшая мощность его—около 0,71 м. у внутренней подошвы; к гребню она постепенно уменьшается, а на внешнем склоне не превышает 0,13—0,17 м.; здесь на стенке траншеи выделилась полость занятая рыхлым песчаным материалом; по контуру ее обрываются очертания слоев слагавших вал, что, как и в первом валу, заставляет предполагать здесь позднейшую выемку, прорезавшую не только насыпь, но и часть материка и потом засыпанную. Ниже ее, там, где проходил ров, ясно заметен обрез стенки—основания вала и далее, на том же уровне наклоненные в сторону болонья узкие прослойки углестого оттенка. Наблюдения 1925 года подтвердили объяснение, данное в 1924 г. этих прослоек, как следов плетней, поддерживавших некогда крутой склон вала, сдавленных и согнутых позднейшим медленным оползанием песчанистой насыпи в сторону рва. Выяснить профиль последнего не представилось возможным; глубина рва относительно основания культурного слоя (или уровня материка под насыпью) равнялась 2,85 м.

ТРАНШЕЯ ДЕВЯТАЯ.

Заложена, как и следующая 10-ая с целью раскрытия возможно широкой площади по обоим сторонам 1-ой траншеи, начиная от границ 3-го и 4-го ее участков с оставлением бровок в 0,15 м. шириной. Размеры—11,4×2,85 м. По снятии дерна на первой лопате (глуб. до 0,17 м.) культурный слой с небольшими песчаными пятнами по всей траншее; на 2-ой лопате (глуб. до 0,31 м.) песчаные пятна проступают от 1-го до границы 3—4-го участков; на 3-ей лопате они заметны в дне всех участков, а во втором и 3-м кроме того отдельные валуны (глуб. до 0,44 м.);

на 4-ой лопате (глуб. до 0,51 м.) культурный слой пятнами; на 5-й лопате (глуб. до 0,58 м.) дно почти целиком песчаное, кроме 1-го участка, который и углублен на лопату ¹⁾. Ввиду наметившегося в западной стенке (в районе 2-го и 3-го участков) небольшого пятна сделана прирезка 3,90×1,80 м.; по ее расчистке на глубине 0,66 м. на песчаном дне открыт очаг из валунов, сложенный в форме буквы Г со скругленным углом; ширина грядки валунов 0,49 м.; длина более высокого рукава с крупными валунами—1,73 м; другого более низкого—1,60 м.; высота грядки—от 0,22 до 0,35 м.; с внешней стороны низкой части в песке овальная ямка 0,66×0,75 м., глубиной около 0,17—0,22 м. Вблизи очага и в ямке немногочисленные обломки костей и черепки.

ТРАНШЕЯ ДЕСЯТАЯ.

Размеры 11,40×2,85 м. По снятии дерна—культурный слой, в котором на всех участках, кроме второго, песчаные пятна. На 2-й лопате (гл. 0,15—0,37 м.) на первом участке черепки в количестве несколько превышающем обычное; песчаные пятна преимущественно на 3-ем и 4-м участках. На 3-ей лопате (глуб. до 0,50 м.) культурный слой без примеси песку лишь на 1-ом участке; на 2-м и 4-м песок пятнами, на 3-м он преобладает. На 4-ой лопате культурный слой выходит на глубине от 0,66 м. (3-й уч.) до 0,80 м. (1-ый уч); граница его с песком относительно ровная.

ТРАНШЕЯ ОДИННАДЦАТАЯ.

Заложена на средней линии болонья не затронутого раскопками 1924 года. Размеры: 11,40×2,85 м. Под дерном непосредственно начинается сероватый песок чрезвычайно богатый гравием. В виду отсутствия культурного слоя работа на траншее была остановлена и углублен один средний участок, доведенный до глубины 1,80 м. Характер почвы не изменялся, и дальнейшее углубление признано бесполезным. Культурный слой мог быть удален или во время насыпки защитного сооружения (см. тр-и

¹⁾ Большая мощность культурного слоя на 1-м участке объясняется близостью подошвы вала.

12-ую и 17-ую), или в относительно недавнее время при добыче песка.

ТРАНШЕЯ ДВЕНАДЦАТАЯ.

Заложена как предыдущая на болонье, но у восточного склона, где уровень поверхности несколько выше. Размеры: $11,40 \times 2,85$ м. Под дерном культурный слой сероватый, песчанистый с мелкой галькой; несмотря на то, что песчаные пятна незначительны — почва рыхла и не имеет характера нормально отложившегося слоя (как напр., на самом городище). На 2-ой лопате (гл. 0,35 м.); на 1-м участке обнаружена полоса чистого угля в 0,17 м. ширины, тянущаяся поперек траншеи из стенки в стенку. На 3-м участке, на расстоянии 5 м. от этой полосы намечается другая параллельная и подобная ей, а также темное пятно, занимающее половину участка; на остальном его пространстве — песок грязноватый с галькой, как и на 4-м участке, кроме 2-х углистых полос по 0,40 ширины у смежных стенок траншеи. На 3-ей лопате (глуб. 0,51 м.) на месте угольной полосы 1-го участка обнаружено пережженое бревно около 0,09 м. в поперечнике идущее в том же направлении; на 2-м участке появляется песчаная полоса в 0,53 м. ширины у внешней стенки; 3-й и 4-й участок дают то же расположение пятен, как на второй лопате. На 4-й лопате (глуб. 0,57 м.) на 1-м участке вновь следы пережженного бревна; на 2-м участке полоса песка увеличивается до 1,43 м. ширины; на 3-м и 4-м участках площадь, занятая песчанистой почвой, имеет вид прямоугольника прил. $2,40 \times 3,72$ метр. На 5-й лопате (глуб. 0,64 м.) на 1-м участке остатки обгоревшего бревна разделяют полосу дна окрашенную более интенсивно в углистый цвет и — в грязноватый; на 2-м участке выступает углистый песок, который в начале 3-го ограничивается углистой темной полосой 1,15 м. ширины; остальное пространство 3-го участка и весь 4-й — песок с галькой; лишь по двум стенкам последнего тянутся углистые полосы 0,26 м. ширины. На 6-й лопате (глуб. 0,80 м.) все дно траншеи песчаное с небольшой примесью угля; половина дна 1-го участка окрашена в более темный цвет, и в этой части следы перегоревшего бревна; на 3-м участке у границы со 2-м — угольное пятно, идущее в том же направлении, как остатки

бревна на 1-м, но суженное на половине своей длины; в углу 4-го участка темное пятно, уходящее в обе стенки. На 7-й лопате (глуб. 0,93 м.) на 1-м участке расплывающееся пятно со следами 2-х перегоревших бревен около 0,09 м. в поперечнике каждое; между ними промежуток 0,13 м.; на остальном пространстве этого, 2-го и отчасти 3-го участка—песок; он же выступает и в дне 4-го участка, кроме угла отмеченного выше, где углистое пятно включает в себе остатки обожженного бревна 0,09 м. в поперечнике. На 8-й лопате (глуб. 1,06 м.) в дне всей траншеи песок интенсивно окрашенный углистыми частицами (=основной культурный слой); на 1-м и 3-м участке идут параллельные парные пережженные бревна 0,09 м. в поперечнике на расстоянии 0,13 м. друг от друга; в углу 4-го участка следы такого же бревна. На 9-й лопате (глуб. 1,18 м.) расположение углистых пятен такое же, как выше. На 10-й лопате (глуб. 1,28 м.) в дне траншеи песок более чистый чередуется со слегка окрашенным; на 1-м и 3-м участках следы парных перегоревших бревен в обычном направлении, но 3 из них в виде обломков; в углу 4-го участка остатки бревна, как выше. На 11-й лопате (глуб. 1,38 м.) на 1-м участке остатки одного бревна 0,17 м. в поперечнике; половина 2-го участка прилегающая ко внешней стенке, 3-й и 4-й участки обнаружили в дне песок, окрашенный в темный цвет. На 12-й лопате (глуб. 1,51 м.) на 1-м участке следы бревен сохранившихся на незначительную длину; половина дна 2-го и 3-го участка прилежащая ко внешней стенке сильно окрашена углем; на остальном пространстве и на 4-м участке—песчанистые пятна. На 13-й лопате (глуб. 1,64 м.) дно всех участков окрашено углем. На 14-й и 15-й лопатах (глуб. 1,68 и 1,85 м.) во всех участках культурный слой интенсивно-темного цвета и плотный. В 4-м участке на глубине 2 м. у внешней стенки появляется песчаная полоса в 0,72 м. ширины. На 16-й лопате (глуб. 2,13 м.) в первом участке у внутренней стенки песчаный треугольник; у внешней стенки 3-го и 4-го участков песчаная полоса шириною 0,57 м. На 17-й лопате (глуб. 2,30 м.) во всех участках культурный слой с проглядывающими пятнами материкового песка. На 18-й лопате (глуб. 2,48 м.) культурный слой в виде полосы у внешней стенки 2-го и 4-го участков; на остальном пространстве материковый песок;

Остатки культурного слоя выбираются на следующих 0,09—0,13 м.; дно траншеи полого падает по направлению склона холма.

Сопоставление послойного описания и рисунка внешней стенки траншеи указывает, что траншея прорезала род защитного сооружения протянувшегося между 2-м и 3-м валом и состоявшего из ряда срубов, засыпанных поверхностным слоем почвы (д. б. с болонья) в различной степени окрашенной гумусом и углистыми частицами. Необходимость этого укрепления вызывалась тем, что площадь болонья почти на два метра ниже площади самого городища; сооружено оно было однако спустя значительный промежуток времени после насыпки валов, на что указывает мощный культурный слой сохранившийся под срубами. Для выяснения деталей сооружения от 1-го участка траншеи в сторону склона был сделан прирезок, а к середине болонья проведена траншея 17-я; обе эти выемки, как составляющие одно целое описаны вместе.

ТРАНШЕЯ ТРИНАДЦАТАЯ.

Заложена, как продолжение 7-ой с интервалом в 0,90 м. Размеры: 8,50×3,55 м. Под дерном культурный слой с большим количеством щебня. На глубине 0,17 м. на границе 1-го и 2-го участков крупные валуны. На 3-й лопате (глуб. 0,32—0,48 м.) на 1-м участке скопление валунов и обожженного щебня; на 2-м участке щебня меньше; в дне этого и 3-го участка пятна песка. На глубине 0,44—0,53 м. культурный слой выходит; в песчаном дне 1-го участка на глубине 0,44 м. углистое пятно неправильной формы уходящее в стенку; сделан прирезок 2,40×1,60 м.; по зачистке дна пятно разобрано; оно выполнено углистой почвой со значительным количеством некрупных валунов; некоторые из них рассыпаются в дресву; порядка в их расположении нет; очертание ямы трапециевидное с параллельными сторонами в 1,42 и 1,07 м. и расстоянием между ними в 1,07 м.; граница ямы в сторону склона городища нерезкая; кругом ямы песок рыхлый с углистыми пятнами; профиль ямы—блюдецобразный с наибольшей глубиной в 0,31 м.; кроме валунов в ней найдено небольшое количество костей и черепков.

ТРАНШЕЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Заложена вблизи юго-восточного края городища между старыми выемками с целью определить условия находки крестьянами осенью 1924 г. погребений: костяки были найдены на глубине около 0,36 м. в верхней части продолговатого бугра окруженного глубокими ямами с задернованными склонами. Размеры: 8,50×2,85 м. Первой лопатой были удалены небольшие бугры и выровнена поверхность предназначенная для раскопки; под дерном старый выкид; он идет и на 2-ой лопате, кроме небольшого пятна вряд-ли ненарушенного культурного слоя на 1-м участке. На 3-ей лопате (глуб. 0,35 м.) оно имеет в поперечнике до 1,08 м. На следующей лопате (глуб. 0,57 м.) оно принимает вид полосы вдоль двух стенок шириной до 0,71 м.; на остальном пространстве траншеи идет по прежнему выкид. К 3-му участку (последнему) сделана прирезка во всю ширину траншеи и длиной в 2,10 м.; она захватила начало склона бугра— то его место, где были открыты и разрушены погребения; до глубины 0,57 м. видны следы перекопки; куски неперегоровшего дерна, рыхлая земля и разбросанные человеческие кости. На 5-й лопате (глуб. 0,66—0,69 метр. дно траншеи сохраняет прежний характер, кроме конца 3-го участка прилежащего к прирезку: здесь поперек траншеи идет темная полоса 0,97 метр. ширины ¹⁾). На 6-й лопате (глуб. 0,88 метр.). Полоса культурного слоя на 1-м участке сменяется полосой песка шир. 0,35—0,53 м. светлого, но с комками углистой почвы; вторая такая же полоса идет посредине участка; на остальном его пространстве и отчасти во 2-м темная углистая почва; у границы 3-го она сменяется песком с галькой, идущим до углисто-темной полосы 1,08 м. в поперечнике, отмеченной выше; прирезок расширен на 1,10 м. в сторону центра городища; в нем продолжают встречаться разрозненные человеческие кости в перекопанной почве. На 7-й лопате (глуб. 1,04 м.) в 1-м участке два песчаных пятна, как в выше-лежащем слое; расположение пятен в остальном дне также не представляет существенных изменений. На 8-й лопате (глуб. 1,07 м.) полоса песка

¹⁾ Могильное пятно.

В 1-м участке достигает 1,07 м. ширины; песок отчасти перемешан с углистой почвой. Так как эта полоса могла быть краем ямы землянки, полость которой захватывалась остальной частью участка, последний увеличен двумя прирезками сходящимися у наружного угла: у конца траншеи во всю ее ширину и длиной в 1,07 м. (а) и вдоль внешнего края $3,55 \times 0,71$ м. (б); при дальнейшем углублении вынималось только темное пятно. На глубине 0,84 м. в части „б“ показалась песчаная полоса вдоль стенки подобная отмеченной в 1-м участке; в части „а“ с глубины 0,49 м. культурный слой с песчаными пятнами; прослойка мелкого галечника залегающая в темном слое указывает на существование некогда углубления заполненного почвой с поверхности городища. Для выяснения характера этого углубления (предположительно—хода в землянку) часть „а“ увеличена новой прирезкой „в“ размером $1,42 \times 2,66$ м.,—насколько позволяла нетронутая часть бугра; в ней на глубине 0,73 м. обозначилась полоса культурного слоя частью перекопанного с пропластками галечника. На глубине 1,38—1,42 м. закончена выборка гумусовой почвы производившаяся в частях „а“ и „в“ до прослойки галечника; эта последняя выклинивается не доходя до поперечной стенки прирезка „в“. Дальнейшее углубление в углистом слое открыло на глубине 1,95 м. в месте предполагаемого входа в землянку остатки погребения: 2 бедренные кости, ориентированные sw—по между двумя прослойками иструхшего в красный порошок дерева. Углубление траншеи на 9-ю лопату (глуб. 1,24 м.) обнаружило в пятне 3-го участка погребение ориентированное головой на sw; костяк лежал в дубовой колоде; череп и головной торец колоды не сохранились; руки, видимо, были сложены на тазу (сохранность костей неудовлетворительная). На 10-й лопате (глуб. 1,42 м.) в прямоугольном пятне 1-го участка выступают валуны, сложенные в виде грядки; на 2-м и 3-м участке—песок с пятнами культурного слоя; песок—материковый, почему работа в траншее свелась к раскрытию ямы землянки; ее пятно имело прямоугольную форму, приблизительно $2,73 \times 3,55$ м.; выемка углисто-гумусовой почвы обнаружила очаг сложенный из валунов и имевший форму буквы Г; длинная грядка камней (1,86 м.) прилегала к длинной стенке ямы, а короткая отстояла от поперечной на 0,53 м.; ширина грядки от 0,31 м. до 0,88 м.,

высота—от дна ямы—0,66 м. Ширина ямы на высоте верхних камней очага 2,39 м.; в виду того, что стенка ямы обращенная к очагу, сложена из рыхлого мешанного песка и так как невозможно предположить, что дно ямы в период обитания землянки имело 0,84—0,88 м. ширины — следует считать приведенные цифровые данные не отвечающими первоначальному профилю ямы, и объяснение их искать в осыпании стенки не поддерживавшейся очагом. Длина ямы осталась не установленной точно, так как короткая стенка ее разрушена погребением; меньше 3,10—3,55 м. она не могла быть.

ТРАНШЕЯ ПЯТНАДЦАТАЯ.

Эта траншея, как и следующая, заложена вне городища, за его 3-м валом в виду указания крестьян с. Михайловского на находки здесь погребений при рытье песка и камня. Вся эта часть городищенского мыса представляет из себя удлиненную гряду со слабо падающими склонами; почти вся она поросла кустарниками и молодыми деревьями. Близь 3-го вала заметно несколько недавних крупных выемок из которых добывали балласт; неподалеку от них заложены траншеи 15-я и 16-я. Размеры первой траншеи 8,50×2,13 м. По снятии дерна почвенный слой мощностью 0,22—0,26 м.; под ним на 1-м и 3-м участке песок с галькой; на 2-м тот же песок слабо окрашенный в буроватый цвет; в нем на глубине 0,26—0,31 м. черепок гладкий с примесью в глине мелкой дресвы; на глубине 0,62 м. пятно принимает форму полуовала вписанного в границы участка; к последнему сделан прирезок 3,55×3,55 м., открывший остальную часть пята; оно имело в целом неправильно-округлую форму с осями 5,68 и 3,55 м. На глубине 0,88—1,02 м. в средней части ямы показались отдельные некрупные валуны, несколько кусочков угля и растрескавшийся зуб коровы. На глубине 1,15 м. буроватая почва в яме выбрана до дна; оно—округлой формы и имеет размеры 0,53 и 0,98 м.; на дне небольшое скопление валунов, которые наполняют ямку 0,31—0,35 м. глубины. На 2-х остальных участках траншеи плотный песок с валунами до глубины 1,15 м.; ввиду отсутствия каких-либо следов могильных пятен работа на этой глубине прекращена.

ТРАНШЕЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Заложена перпендикулярно предшествующей в 21,33 м. от нее и также в недалеком расстоянии от крестьянских выемок; поверхность представляет легкую покатость к берегу. Размеры траншеи: $7,10 \times 2,13$ м. Под дерном значительное количество валунов; с глубины 0,26—0,31 м., под светлым почвенным слоем идет такой же светлый песок с небольшим количеством валунов. В нем на первой лопате несколько черепков гладких толстостенных сосудов. С 0,62 м. идет глина сухая красная комковатая с валунами. Глубина траншеи доведена до 0,88 м., после чего работа прекращена в виду того, что отмеченные две породы во всей траншее обнаружили ненарушенное напластование.

ТРАНШЕЯ СЕМНАДЦАТАЯ.

Заложена перпендикулярно 12-й от южного конца ее к середине болонья; продолжением ее по другую сторону 12-й траншеи является прирезок А. Размер траншеи: $11,40 \times 2,85$ м., прирезка $3,55 \times 1,82$ м. По снятии дерна углистый слой. На 2-й лопате (глубина 0,33 м.) в прирезке и на 1-м участке сероватый песок с остатками двух пережженных бревен идущих несколько наискось относительно оси выемки (т. е. в направлении одинаковом с отмеченным в 12-й траншее); на остальных участках сероватая песчанистая почва. На 3-й лопате (глуб. 0,40 м.) в углу прирезка два бревна; они ясно видны на протяжении 0,71 м.; далее—углистая земля; на остальной площади два прирезка и траншеи сероватый песок, кроме угла 1-го участка, где выступает углистое пятно с остатками пережженного дерева. На 4-й лопате (глубина 0,44—0,53 м.) дно прирезка и траншеи имеет тот же вид, кроме 4-го и прилежащей к нему половины 3-го уч., где сероватый песок сменяется темной углистой полосой шириной около 2,84 м., а за ним до конца траншеи песок светлый нетронутый. На 5-й лопате (глуб. 0,57 м.) в прирезке остатки двух перегоревших бревен в углистой полосе; они видны на протяжении 1,55 м.; далее углистая полоса загибается под прямым углом; внутри последнего серый углистый песок, вне—песок слабо-окрашенный углем. На 6-й лопате (глуб. 0,71—0,74 м.) в пятне 1-го участка

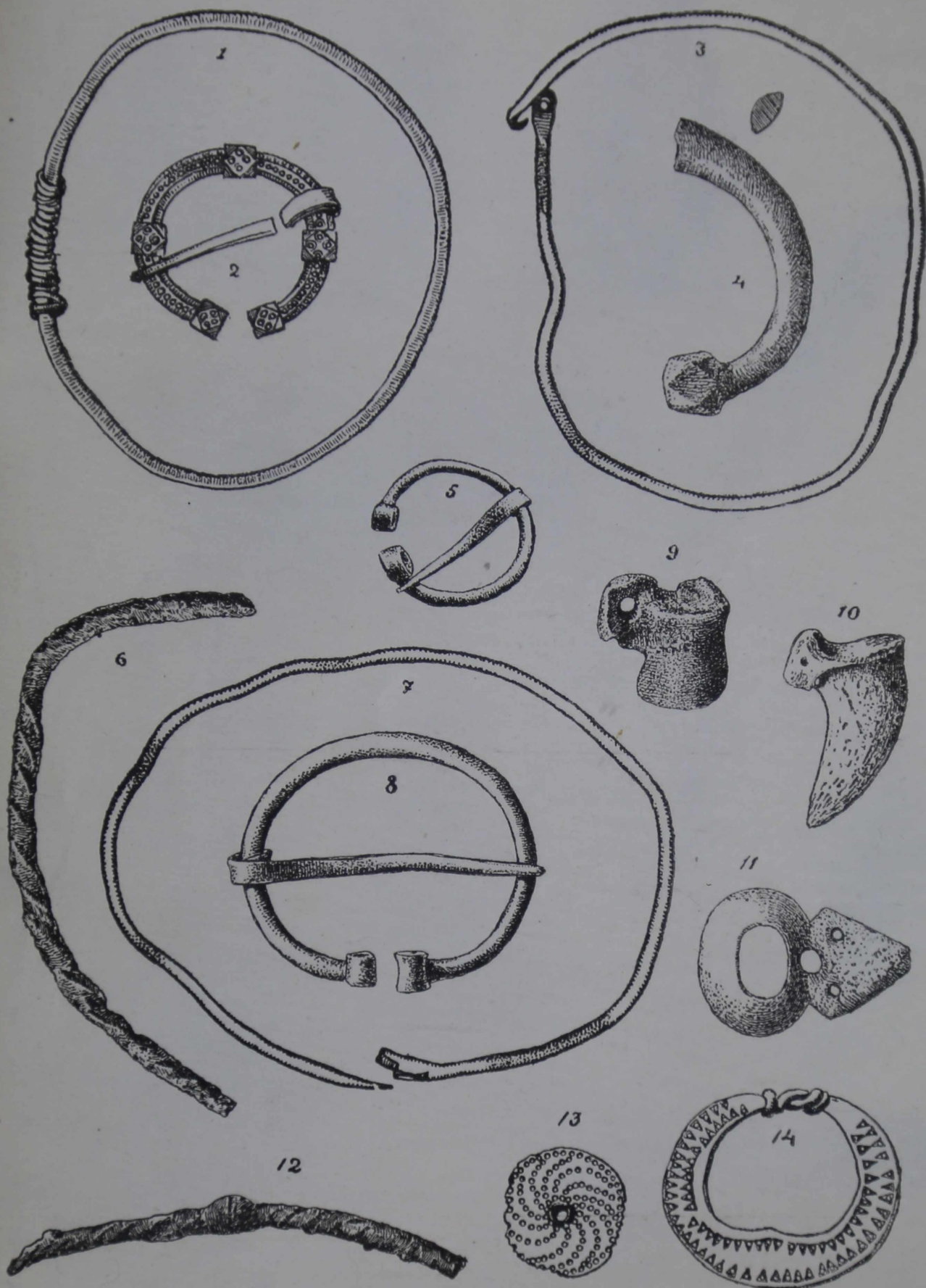
обозначаются остатки двух перегоревших бревен в том же направлении, как и выше лежащие; в прирезке на глубине 0,66 м. пятно и остатки бревна как выше; на глубине 0,71 м. полоса сходит на-нет, но соотношение оттенков песка в разных частях дна остается прежним. На 7-й лопате (глуб. 0,80 м.) пятно 3-го участка сдвигается на 2-й; в 3-м—чистый нетронутый песок, почему этот и 4-й участок дальше не разрабатываются. На 8-й лопате (глуб. 0,97 м.) в 1-м участке идут, как выше, остатки двух пережженных бревен. На 9-й лопате (глуб. 1,15 м.) в прирезке незначительные остатки бревен; расцветка дна прежняя; в дне 1-го участка углистые пятна, а $\frac{2}{3}$ дна 2-го участка окрашены в темный углистый цвет. На 10-й лопате (глуб. 1,24 м.) вновь в углу 1-го участка видны остатки пережженного бревна; поперек участка проходит полоса материкового песка; остальное пространство и прилежащая $\frac{1}{3}$ дна 2-го участка—полоса сероватого песка; на $\frac{2}{3}$ 2-го участка выступает углистая почва; ввиду постоянства этого пятна по бокам участка заложено 2 прирезка; до глубины 1,24 м. в их дне выступает углистый песок различных оттенков; в дальних от траншеи углах пятна чистого песка; в прирезке А до глубины 1,46 м. полоса дна у южной стенки окрашена в углистый цвет; на остальном пространстве—сероватый песок. На 11-й лопате (глуб. 1,28 м.) все дно траншеи—углистый песок, кроме половины 1-го участка, где выступает нетронутый материк. На 12-й лопате (глуб. 1,46 м.) полоса материкового песка в 1-м участке увеличивается; в прирезке к южной стенке 2-го участка вырисовывается пятно серо-углистого цвета, а в прирезке к северной стенке—культурный слой постепенно выклинивается из глубины выемки. В прирезке А ниже 1,46 м. у поперечной стенки появляется узкая полоса песка, которая на глубине 1,59–1,65 м. достигает 0,49 м. ширины; на границе ее и культурного слоя выступающего в остальном дне замечены остатки перегоревшей доски или тонкой плахи, разделяющей эти две различно окрашенные части дна прирезка; крайне неудовлетворительная сохранность не позволила ни расчистить ее, ни замерить. Углубление прирезка остановлено на глубине 1,95 м., когда культурный слой совершенно вышел, сменившись материковым песком. На 13-й лопате (глуб. 1,50–1,54 м.) культурный слой сократившись до полосы 0,17 м.

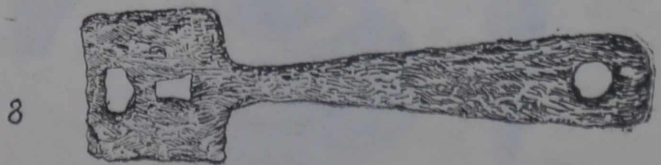
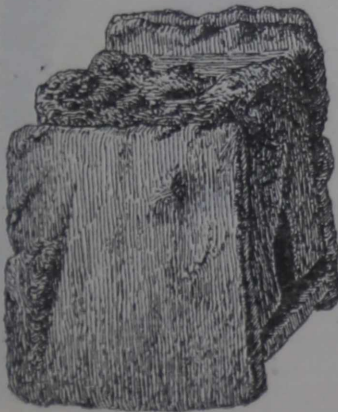
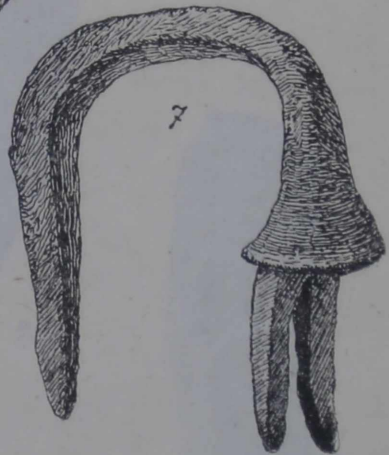
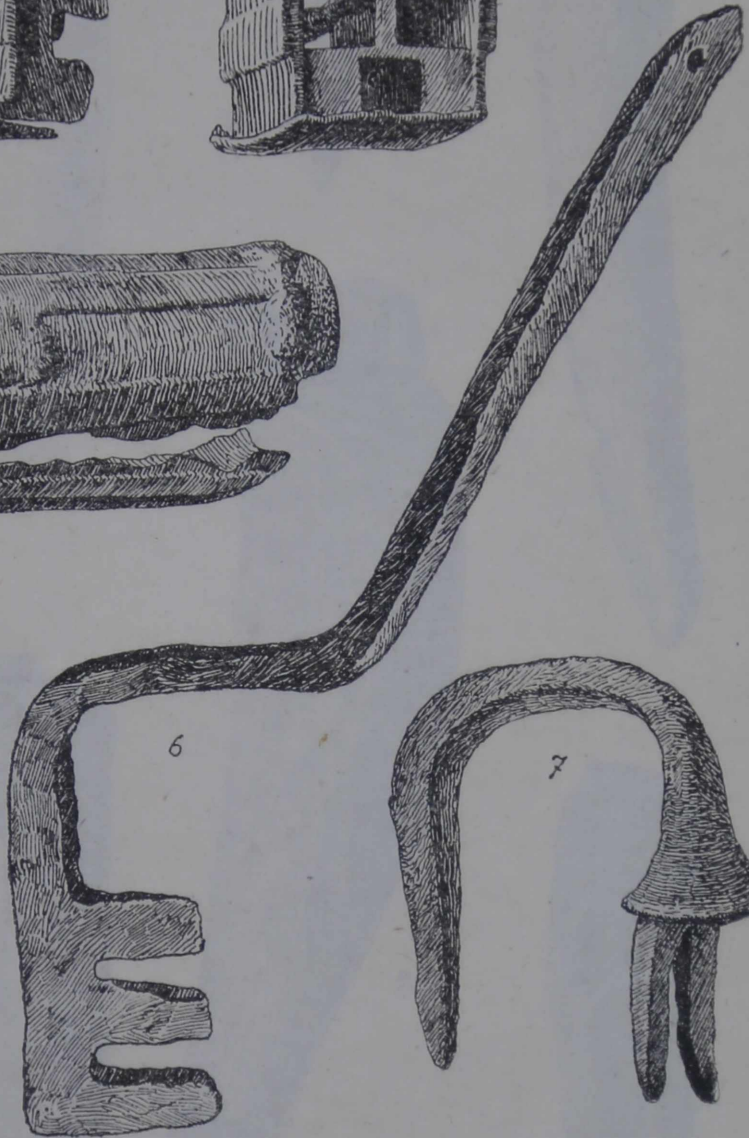
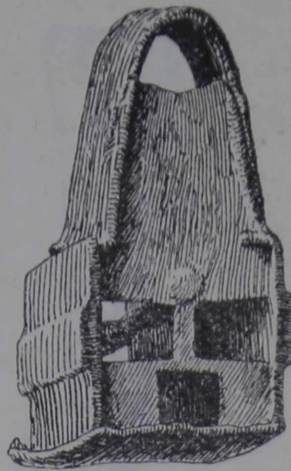
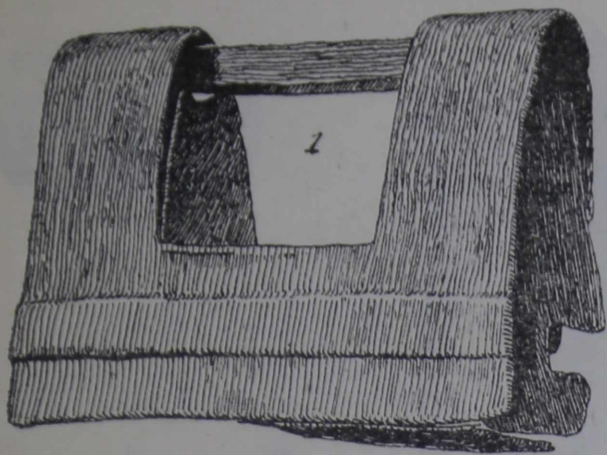
ширины выходит совершенно; в пятне 2-го участка показываются отдельные крупные валуны; в прирезках к этому участку очерчивается контур ямы; она имела неправильное подтреугольное очертание; длина 3,55 м., наибольшая ширина—1,90 м.; при расчистке встречены отдельные крупные валуны (в расширенной части ямы) черепки, некоторое количество угольков и в центральной части 2 куса перегоревших обрубков дерева; профиль ямы блюдцеобразный; глубина в средней части 0,57 м. Видимо, яма не являлась частью постоянного жилища, а если и была использована для устройства очага—он сделан был небрежно и на короткий срок.

ТРАНШЕЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Заложена на болонье между предшествующей и ближним концом 3-го вала в виду указания рабочих на находки здесь в прежнее время погребений. Траншея начинаясь с середины одного бугра, переходит отчасти на слившийся с ним второй холмик. Размер: $11,40 \times 2,85$ м. При срезании неровностей и последующем углублении всей траншеи идет песок с галькой весьма сыпучий; он прослаивается тонкими линзами той же породы, но более темного цвета. На 1-м участке на глубине 0,71 м. появляется темное продолговатое пятно 1,42 м. длины и 0,36 м. ширины, заворачивающиеся под прямым углом на 0,71 м.; 0,13 м. ниже оно исчезает. По всем участкам идут слабо волнистые прослойки песка темно-серого цвета. На 3-м участке показывается в виде пятна культурный слой (во вторичном залегании?); при дальнейшем углублении слой этой мощностью около 0,17 м. открывается во 2-м и 1-м участках, где залегает на более низком уровне, уходя в поперечную стенку траншеи на глубине 1,59 м.; в сторону 4-го участка он обрывается резко. Ниже этой прослойки вновь рыхлый песок. На глубине 2,13 м. в дне 1-го участка появляется сплошной галечник; во 2-м участке та-же порода открывается на глубине 1,86 м. и в дне 3-го—на 1,73 м.; работа на этих участках прекращается в виду очевидного ненарушенного залегания породы. На 4-м участке узкая темная полоска, появившаяся на глубине 1,55 м. у границы с 3-м участком по мере углубления отходит к поперечной стенке траншеи, а на ее

месте появляются другие перемещающиеся вслед за первой при углублении участка; на профиле ясно видно, что 4-й участок прорезал небольшой выкид относительно недавнего происхождения с перемежающимися прослойками чистого песка и почвы, окрашенной углистыми частицами. На глубине 2,70 м. участок оставлен, ввиду того, что обнажаемая порода тождественна с открытой 11-й траншеей. Таким образом 18-ая траншея прорезала бугор выкида, который лег на место с уничтоженным ранее культурным слоем.

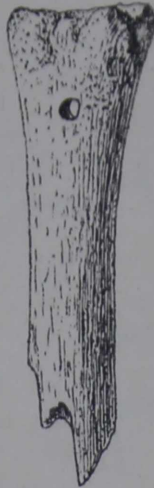

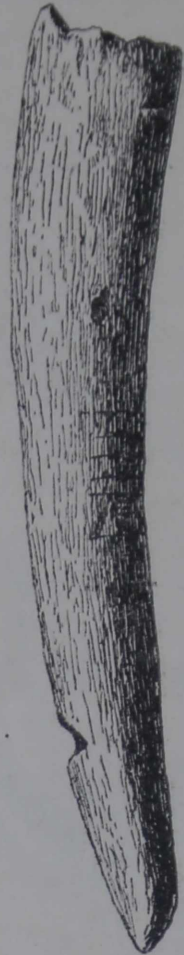
1

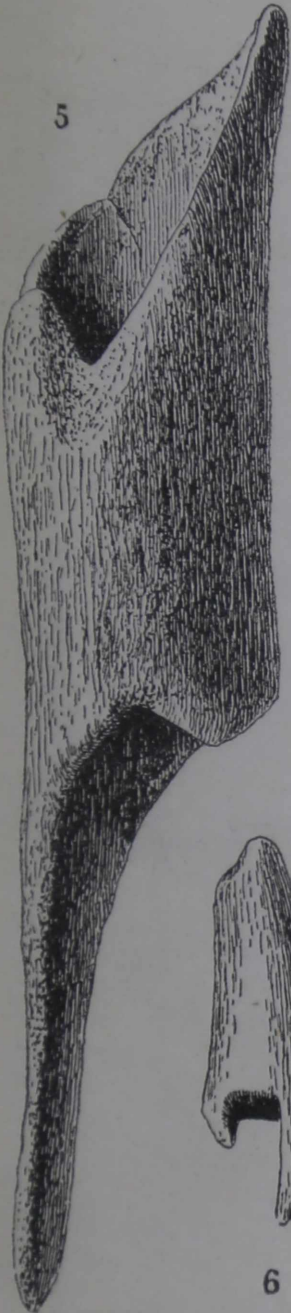
2

3

4

5

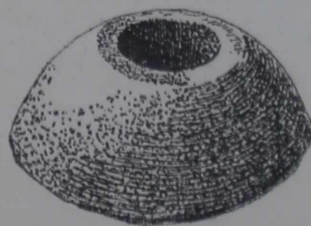
8

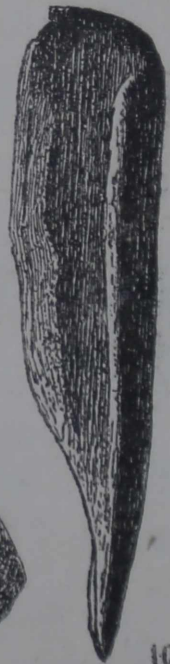
7

6

9

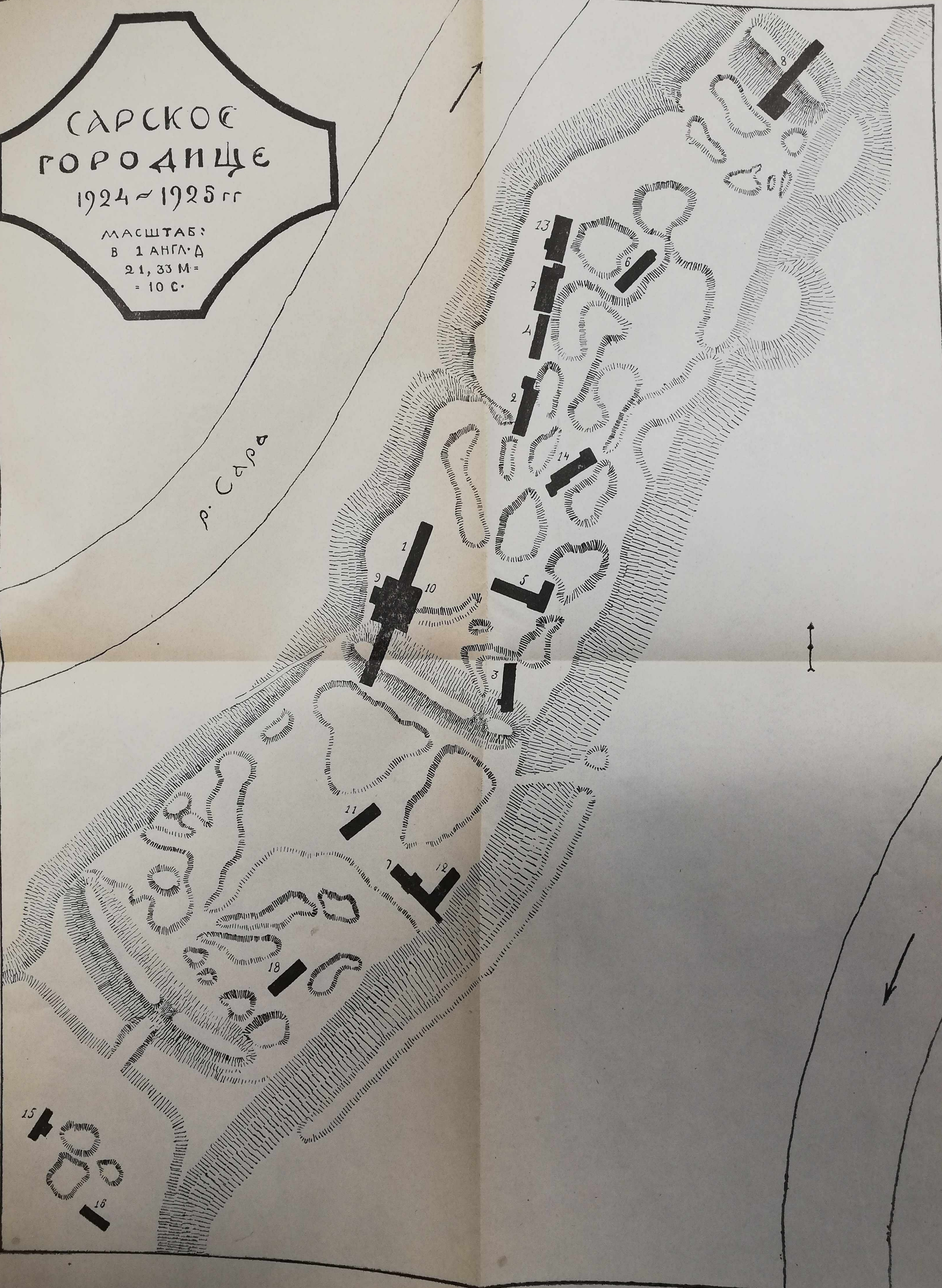
10

САРСКОЕ
ГОРОДИЩЕ

1924 ~ 1925 гг

МАСШТАБ:
В 1 АНГЛ. Д
21,33 М =
= 10 С.

р. Сара

Цена 1 р. 75 к.

Выписывающие из склада (Ростов Ярославской губ. Государственный Музей) за пересылку не платят.